

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМ. С. АЙНИ**

На правах рукописи

ШЕРАЛИЕВ САМАНДАР ОСМОНБОЕВИЧ

**Способы выражения метафор «пространство», «время» и «жизнь» в
разноструктурных языках**

10.02.19 – Теория языка

**Диссертация
на соискание ученой степени кандидата
филологических наук**

**Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Баротзода Файзиддин
Камолиддин**

ДУШАНБЕ – 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
ГЛАВА I Теоретическое обоснование исследования метафор «пространство», «время» и «жизнь» в разноструктурных языках.....	12
1.1. Понятие «мачоз – метафора – methafor» в лингвистике.....	12
1.2 Теоретические основы изучения метафоры в лингвистике.....	23
1.3 Способы выражения метафор в языке поэзии.....	35
1.4 Проблема метафоризации в таджикском, русском и английском языках.....	44
1.5 Понятия «пространство», «время» и «жизнь» в языкознании.....	49
Выводы к первой главе.....	62
ГЛАВА II Метафорическое освещение понятий «пространство», «время» и «жизнь» в разносистемных языках.....	64
2.1 Метафоры понятия пространства в исследуемых языках.....	64
2.2 Метафоризация понятия времени в сравниваемых языках.....	72
2.3 О соотношении понятий «время» и «пространство».....	78
2.4 Метафорические представления слова «жизнь» в таджикском, русском и английском языках.....	85
2.5 Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в таджикском, русском и английском языках.....	102
2.5.1 Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в русском языке.....	110
2.5.2 Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в английском языке.....	114
2.6 Сравнение метафор пространства, времени и жизни в таджикском, русском и английском языках.....	120
Выводы ко второй главе.....	136
Заключение	139
Список использованной литературы.....	144

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современном языкознании метафора является объектом многих научных исследований, который представляет импульс для новых идей. В настоящее время метафорой интересуются не только лингвисты, но и литераторы, психологи, философы, религиоведы и т. п. Она привлекает внимание ученых, как своим образованием, так и выполняемыми функциями в качестве единицы языка.

Предлагаемое исследование выполнялось в русле когнитивной парадигмы, и в его основу положена языковая форма, являющаяся отражением когнитивных структур. По этой причине между когнитивными и языковыми структурами можно найти достаточно конкретные корреляции. Однако в пределах когнитивного подхода метафору следует рассматривать в качестве общего когнитивного механизма, который делает возможным изучение ненаблюдаемых явлений, имеющих место в сознании человека и касающихся отражения и осмысления окружающей действительности. В процессе исследования метафоры открывается доступ к концептуальным системам, которые складываются в сознании людей и отражают реальный мир, системам, из которых образуются концептуальные картины жизни, в достаточной степени общие для носителей одной культуры и обеспечения необходимой меры взаимопонимания.

Актуальность темы исследования также обуславливается двумя факторами: проявляемым интересом современного общества к лингвистической науке в целом, и в частности, к проблеме формирования смысла в языке, прямого и переносного значений языковых единиц; закреплением и отражением познавательной, исследовательской и творческой деятельности человека в языке, влиянием различных факторов на развитие языковой культуры мира.

Чтобы подчеркнуть роль метафоры в современном языке, необходимо отметить, что каждый язык демонстрирует как универсальные черты, так и свои особенности, и пользователи языка должны учитывать, как первые, так и вторые особенности и проникать в их глубину для более полного понимания специфики языка. Именно в этом заключается восприятие особенностей носителя - представителя данной культуры. Именно к такому специальному восприятию относятся представления о пространстве, времени и жизни. В данной тройке пространство является понятием, которое доступно органам чувственного восприятия человека, следовательно, это понятие более конкретное, в то время как время – малодоступно прямому восприятию – есть понятие более абстрактное. Помимо этого, актуальность диссертации состоит в рассмотрении метафоры в качестве механизма мышления, который позволяет представить такую концептуальную сферу, как сферу цели в терминах иной концептуальной сферы – сферы источника метафорического переноса. Далее, актуальность исследования диктуется универсальностью самой концептуальной метафоры «жизнь равна дороге».

Тем не менее, нужно отметить, что как в языке, так и в сознании человека эти три понятия очень тесно взаимосвязаны. Во всех языках мира для описания времени используются понятия и термины пространства: «Моделирование времени по данным языка не может миновать пространственных категорий: ключевые метафоры времени основываются на локальных и динамических значениях» [96, с.285].

Подчеркивая роль понятия пространства в языковой культуре, Ю. М. Лотман высказывал следующее: «Всякая модель культуры может быть описана в пространственных терминах» [Там же, 285].

Следует отметить и противоположное явление – в разных языках имеются выражения, использующие понятие времени для характеристики пространства, например, такие как: *роҳи дурӯза – два дня пути* – *two-day journey*. Также по этому поводу рассуждала Е.С. Яковлева

в своей работе «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» [188, 344].

Роль метафорического осмысления пространства, времени и жизни в понимании окружающей нас действительности рассматривалась широко в работах лингвистов на материале русского и английского языков, в то время как на материале таджикского языка данное направление недостаточно исследовано и изучено. Время и пространство воплощает в себе разные физические явления и тела, сознание человека должно, соответственно, отражать эти явления концептуально, и язык, в свою очередь, должен отражать их на лингвистическом уровне, описывая эти явления нашей жизни.

Данное диссертационное исследование посвящено изучению универсальных и специфичных метафорических понятий в разноструктурных языках, формирующих значительный фрагмент языковой картины мира – пространство, время и жизнь. В диссертационной работе рассматриваются примеры метафор пространства, времени, и жизни в данных языках. На основе этих метафор производятся выводы о пространственно-временных, жизненных метафорах, характерных для рассматриваемых языков.

Особенностью языка является выражение различных явлений жизни, формирование понятия об этих явлениях, в том числе представления о времени и пространстве. В рамках предлагаемого диссертационного исследования пространство, время и жизнь рассматриваются на лексическом уровне как лингвистическое средство отражения универсальности человеческого восприятия, так и национальной самобытности данного фрагмента языковой картины мира на примере отражения категорий «пространство», «время» и «жизнь» в сопоставляемых языках. Этот подход позволит составить представление о языковой концептуальной метафоризации пространства, времени и жизни, и сделать выводы об особенностях мировосприятия таджикского, русского и английского народов.

Использование примеров выражения понятий «пространство», «время» и «жизнь» в исследуемых языках делает возможным их сравнение, и их осмысление в разных языковых культурах, понимание их роли и значения в языке.

Актуальность исследования также обуславливается, тем, что диссертация посвящена изучению значительного фрагмента таджикской, русской и английской языковой культур – метафоре пространства, времени и жизни. Понимание источников и процесса формирования метафоры пространства, времени и жизни представляет возможность понять и проанализировать их особенности и основы словообразования таджикского, русского и английского языков, в контексте национального характера, культурной самобытности.

Степень разработанности темы. Начиная с 50-х годов прошлого столетия проблемы метафоры как части науки лексикологии рассматривались такими учёными и исследователями, как В.С. Расторгуева, Ш. Рустамов, Б. Ниёзмухаммадов, Н.Масуми, П. Джамшедов, Б. Камолиддинов, Х. Маджидов, М. Саломов, Д. Искандарова, Х. Шамбезода, М. Давлатмирова, Р. Султонова, А. Муминов, К. Тохирова, М. Мухтори, М. Мадиева, М. Имомзода, М. Давлатова, Дж. Лакофф, Э.Маккормак, Н.Д.Аругюнова, Е.С. Яковлева, Г.Рубинштейн, Ю.М.Лотман, В.В. Адмони, В.С. Бондаренко, И.В. Баринов, В.В. Виноградов, В.Г. Гак и другие.

Наряду с этим, проблемами изучения метафоры также непосредственно занимались Л.С. Бархударов, М.Г. Комлев, В.Г. Гак, Е. М. Верещагин, В.Г. Костомаров, А.Е. Супрунов, В.П. Берков, Л.И. Зубкова, А.Д. Швейцер, Г. Туроверов, Л. И. Хайнце, А.О. Иванов, Т. Юдит, Г. Г. Панова, в трудах которых приведены ценные идеи как концептуального, так и фактологического характера.

В сравнительно-сопоставительном аспекте изучением данного вопроса в разное время занимались И.Б. Мошеев, М.Б. Шахобова, М.Т.

Джаббори, П. Джамshedов, Х.Д. Шамбезода, О.А. Пак, И. Будна, М.Б. Давлатмирова, М.Д. Мадиева и др.

В последнее время выполнено немало исследовательских работ по изучению различных разделов английского, русского и таджикского языков в сопоставительном плане, однако, в них вопросы изучения и перевода метафоры пространства, времени и жизни на основе материалов таджикского, русского и английского языков специальным образом не рассматривались.

Цель и задачи исследования. Цель работы заключается в предоставлении теоретической информации о концепции метафоры как лингвистической категории, рассмотрении её объема и уровня использования в таджикском, русском и английском языках, выявлении объективных, языковых оснований моделей концептуальных метафор «пространство», «время» и «жизнь» и определении структурных, функциональных и концептуальных особенностей при формировании данных моделей за счет концептуальных метафорических проекций, а также в рассмотрении культурно-специфичных понятий, обобщающих одну из наиболее значимых и сложных частей языковой культуры.

В соответствии с поставленной целью в диссертации ставятся следующие задачи:

- определить теоретические основы изучения метафоры;
- определить значение понятия «метафора»;
- рассмотреть многообразие данного понятия;
- исследовать понятия «пространство», «время» и «жизнь» как лингвистический феномен;
- определить основные закономерности метафоризации концептуальной картины мира в образном переосмыслении;
- выявить семантические особенности метафор пространства, времени и жизни в сопоставляемых языках;
- рассмотреть взаимосвязь метафор пространства, времени и жизни в разноструктурных языках;

– провести сравнение метафор пространства, времени и жизни в рассматриваемых языках.

Объект исследования – ключевые понятия пространства, времени и жизни в разноструктурных языках, представляющие один из значительных фрагментов языковой культуры.

Предмет исследования – функционирование пространственных, временных и жизненных метафор в разноструктурных языках, а также раскрытие механизма метафоризации в пределах универсальной концептуальной метафоры «Жизнь равна дороге».

Научная новизна диссертации заключается в определении роли и места метафор пространства, времени и жизни в разноструктурных языках в теоретическом аспекте, а также в ходе рассмотрения метафоры не только как способа усиления образности и художественной выразительности речи, но и как способа осмысления и понимания мира, в особенности таких абстрактных понятий как время. Новизна исследования заключается также в новом подходе к концепциям пространства и времени как к одному из важнейших фрагментов языковой культуры. А также в том, что впервые в отечественном языкознании теоретически обоснована метафорическая модель «*Ҳаёт ин роҳ аст*– *Жизнь равна дороге* – *Life is a journey*».

В диссертации понятия пространства, времени и жизни как текстовые категории представлены в качестве лингвистического феномена, а также рассмотрено развитие и становление данных лингвистических понятий. На основе разнообразного языкового материала выявлены различные представления о рассматриваемых категориях в виде построения целостных языковых картин пространства, времени и жизни. Структура и некоторые свойства понятий пространства, времени и жизни проанализированы с точки зрения их универсальности и специфичности.

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что его результаты внесут определенный вклад в дальнейшие исследования

метафоры, выявляют особенности её употребления метафор в рассматриваемых языках. В диссертации содержится в обобщенном виде различные подходы изучения категорий «пространство», «время» и «жизнь», а также исследования данного вопроса в трех языковых культурах: таджикской, русской и английской. Материалы диссертации могут иметь значение для развития исследований по сравнительной, когнитивной лингвистике и межкультурной коммуникации.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что ее материалы и выводы могут быть использованы в преподавании на филологических факультетах вузов, на курсах с культурологической и лингвистической направленностью, в преподавании таджикского, русского и английского языков как иностранных; в исследовательской работе студентов и аспирантов. Помимо этого, материал диссертации может применяться при проведении дополнительных и факультативных занятий по таджикскому, русскому и английскому языкам и литературе в школе.

Методы исследования. В диссертации были использованы несколько методов исследования: метод интерпретации метафоры, метод концептуально-интерпретационного анализа и метод семантической интерпретации.

В процессе исследования также дополнительно применялись следующие методы и приемы анализа:

- анализ литературных источников по проблеме проводимого исследования;
- подведение итогов, систематизация и группировка;
- описательный метод для составления теоретических выводов на основе анализа материала;
- метод теоретической интерпретации эмпирических данных и выявления тенденций и закономерностей;

- метод компонентного анализа, позволяющий выявить составные части внутри концептуальной структуры.

Теоретическая база исследования представлена положениями когнитивной теории метафоры, которые были разработаны в трудах зарубежных лингвистов (Дж. Лакофф, М. Джонсон, З. Кёвечес, Р. Гиббс, М. Тернер, Э. Маккормак, Дж. Карбонелл и пр.), российских ученых (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия, Г.Н. Складневская, А.П. Чудинов, В.К. Харченко и др.) и отечественных языковедов А. Муминова, Д.М. Искандаровой, Х. Маджидова, Х.Д. Шамбезода, М. Саломова, М.Б. Давлатмировой, И. Будны и т.д.

Материал диссертации. Диссертационное исследование базировалось на материале, извлеченном в основном из лексикографических источников: толковых словарей русского языка, «Фарҳанги забони тоҷикӣ» в 2-х томах (1969), «Фарҳанги Амид», Большого Оксфордского словаря, также двуязычных таджикско-английского и англо-таджикского словарей, составленных П. Джамшедовым и А. Мамадназаровым. Помимо этого, были использованы примеры из священных книг Корана и Библии, также художественные произведения русской, таджикской и английской литератур.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. При изучении языковой культуры наиболее эффективно использовать метод исследования по фрагментам, в том числе: фрагменты пространства, времени и жизни с использованием метафор.
2. Метафоры пространства, времени и жизни в языке обладают как универсальными, так и культурно-специфичными, уникальными признаками.
3. Представления о времени, пространстве и жизни значимы как в общекультурной языковой картине мира, так и в исконной таджикской, русской и английской (иногда эти понятия непередаваемы на другие языки, то есть характерны только для данного языка).

4. Взаимосвязь понятий «пространство», «время» и «жизнь» находит широкое распространение в таджикской, русской и английской лексико-грамматических системах.

Личный вклад. Основные результаты получены автором самостоятельно. Личный вклад автора состоит в сборе, обработке, анализе исследуемого материала и обобщении полученных результатов. Диссертантом представлен аналитический обзор трудов зарубежных и отечественных ученых по проблемам метафоры пространства, времени и жизни в разноструктурных языках в контрастивном аспекте.

Степень достоверности и апробация результатов. Достоверность полученных результатов обеспечивается научной базой, методологией и методикой исследования, соответствием полученных результатов теоретической концепции диссертации, решением поставленных задач и постановкой новых проблем, связанных с выявлением сходств и различий в рассматриваемых метафорах сравниваемых языков.

Основные положения диссертации нашли отражение в 12 публикациях автора, опубликованных в журналах, включенных в реестре ВАК РФ; доложены в виде докладов на научных и научно-методических конференциях профессорско-преподавательского состава ТГПУ им. С. Айни (2015-2021), международных и республиканских конференциях, посвящённых актуальным проблемам филологии, лингвистики, таджикского языкознания (2015-2021).

Результаты исследования обсуждались на заседании кафедры языкознания и сопоставительной типологии Таджикского государственного педагогического университета имени С. Айни (протокол №3 от 07.10.2021 г.).

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

ГЛАВА 1

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕТАФОР «ПРОСТРАНСТВО», «ВРЕМЯ» И «ЖИЗНЬ» В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

1.1 Понятие «мачоз – метафора – methaphor» в лингвистике

Язык в зависимости от исторической обстановки в обществе и политической, экономической, социальной и культурной сферах постоянно развивается. Каждое социальное событие или культурное явление, несомненно, влияет на язык.

В этом случае роль творческой личности во влиянии на язык очень велика, в частности писатели, как и все деятели культуры берегли литературный язык.

Создавая произведения искусства, писатель или поэт стремится воздействовать на читателя языком своего произведения, поразить его и ввести в богатый и художественный мир речи. Для выражения языка своих произведений писатели используют ряд художественных средств, существующих в языке: синонимы, антонимы, омонимы, полисемия, метафоры и др. Каждое из этих понятий имеет своё значение в качестве эмоционально-художественных средств, как в устной, так и в письменной речи говорящего, но они в таджикском языкознании недостаточно изучены.

Как упоминалось выше, метафора как научное понятие принадлежит разным наукам. Он изучается в литературе, психологии, философии, истории, искусстве, логике и других науках, и каждая из них определяет свою научную теорию на основе этой концепции и доказывает свое место в ее научной системе. Например, в теории литературы метафора включает аллегория, аллюзию и другие средства художественного выражения.

Ещё великий греческий философ Аристотель подчёркивал, что проблема расшифровки значения слова обсуждается из древности. Он

объяснил причину отклонения значения слова от первоначального смысла. Поскольку количество слов ограничено, а количество вещей неисчислимо, то или иное слово неизбежно служит для выражения различных значений [11, 536].

Русский лингвист С. М. Мезенин назвал понятие метафоры «образностью» и назвал ее одной из лингвистических категорий. По поводу этой концепции он сказал: «На самом деле, ни одна из языковых единиц – морфемы, слова, фразы – не имеет переносного типа. Характерно их отношение к проявлению объективной реальности. Изображение может быть индивидуальным, уникальным выражением, воображаемым отражением объекта. Например, слово *харгуш* – кролик – *rabbit* само по себе не имеет переносного значения. Но слово может быть образным в определенных ситуациях. *Заргуш* – кролик – *rabbit* образная идея (этот человек боится): *кролик* – трус, логически этот человек подобен *кролику*» [104, 50].

С.М. Мезенин глубоко изучил это понятие и назвал его метаязыком для психологических и философских, теории литературы и искусства, семиотики и лингвистических наук.

Таджикский лингвист М. Саломов в своей диссертации «Метафорические выражения в газелях Хафиза Шерози» делает особый акцент на метафору, где отмечает, что «слово, с одной стороны, в отдельности как семантическая единица выражает только то значение, которое принадлежит только ему и прежде всего, это значение поясняется в словарях, а с другой стороны, слово кроме своего лексического значения может использоваться и для другого семантического выражения. Слово в данном случае не основывается на собственном значении, а в результате взаимосвязи и сочетаемости с другими словами текста и речи получает второе или метафорическое значение» [147, 152].

Известный языковед Г. Н. Складневская в своей статье «Языковая метафора в словаре» предложила следующую теорию понятия метафоры

и ее построения: «Когда метафора воспринимается как метафора и отличается от других языковых явлений и описывается отдельно, тогда возникает вопрос о ее двойственной природе – быть средством языка и художественной формой (поэтической фигурой)» [152, 34-65].

Она цитирует теорию Цицерона о концепции метафоры: «Подобно тому, как одежда изначально была изобретена для защиты от холода, а затем стала средством украшения и отличия тела, так и метафорические выражения возникли из-за недостатка слов, а позже и служили для удовольствия людей» [там же, 55].

Г. Н. Складневская подчеркивает, что языковая метафора имеет древнюю основу. Ученые пошли по стопам Аристотеля, который является основателем теории литературы, считая метафору «средством красоты» и «отличительным знаком», изучал литературную теорию метафоры. Этот процесс продолжался до двадцатого века, когда метафора вышла за рамки поэтики и была описана не как художественная форма речи, а как феномен языка [там же, 34].

Такое развитие понятия метафоры можно наблюдать в работах исследователей теории средневековой и современной литературы, потому что исследователи этой области литературной критики интерпретировали метафору в соответствии с теорией Аристотеля и показали ее роль в формировании искусств и средств выражения, что мы обсудим в следующих разделах.

Таджикский ученый А. Муминов в своей диссертации «Полисемия в таджикском языке» [110, 21], учебнике «Современный таджикский язык. Лексика» [109, 101] и в других исследованиях рассматривает некоторые проблемы таджикского языкознания.

Учёные, учитывая семантические свойства слов, разделили их на метафору, метаномию, аллегория и т.д., считая каждый из этих типов полисемии своеобразной метафорой. Например, о метафоре говорится следующее: «Метафора – это распространенная форма языка. В метафоре два объекта или события, которые в некотором роде похожи,

называются одним и тем же словом» [89, 115]. О многозначности написано, что слово приобретает новое значение, исходя из первоначального. Например, слово «даст – рука» имеет следующие значения: рука человека (буквально) и его переносные значения – это лёгкая рука – дастони сабук, ручки дверя – дастаи дар, золотые руки – устои гулдаст, тяжёлая рука – дастони бехосият и так далее. Новые значения слова рука, имеющие переносное значение, аналогичны общему понятию, так же толкуется и в «Русско-таджикском словаре» [219, 980].

В обоих случаях подчеркивается, что полисемия возникает также благодаря метафорам, а в таджикском языке понятие «*маҷоз*» означает в русской лингвистике *метафору*.

Из изложенного выше ясно, что переносное значение слова является метафорой, что не на должном уровне изучено в таджикском языкознании.

В современном таджикском языкознании понятию метафоры в своих научных трудах в фрагментарной форме уделяли внимание такие учёные, как Б. Камолиддинов, Х. Маджидов, А. Муминов, М. Мухаммадиев и другие. Безусловно, предлагаемые ими точки зрения также являются важным шагом в изучении этой проблемы.

Поскольку метафора была однозначно признана феноменом языка, то в языкознании сложилась единая концепция о выделении ее в две группы с показом сходств и отличий.

При определении отличия между метафорой устной речи и метафорой литературно-художественной речи можно наблюдать следующее:

а) семантическое различие состоит в том, что образный язык отражает четкий, видимый знак (рус: *кисель* – пассивный, нерешительный человек; тадж: *дарёдил* – имеющий широкое сердце) или выражает подобие характера (рус: *осёл* – упрямый человек; тадж: *алошақшақа* – болтливый человек);

б) в художественной метафоре наблюдается приближение отдельных признаков, которые придают метафоре символический характер и создают аномальное впечатление семантики (тупое воображаемое). Их номинативное отличие заключается в том, что языковая метафора воспроизводима, а художественная метафора представляет уникальную ситуацию. В свою очередь, это определяет условие их функционального различия: «языковая метафора выполняет информационную функцию, а художественная метафора – эстетическую» [Там же, 58].

Такая метафорическая классификация, на наш взгляд, относительна, потому что она общая как для языка, так и для литературы, и имеет общую основу и общую позицию с точки зрения потребления и функции. Метафоры литературного языка различаются лишь некоторыми чертами, а в остальном они тесно связаны. Этот аспект определяет общность языковой метафоры с художественной метафорой. У них также много общего с точки зрения их обязанностей, то есть задача этой концепции заключается в том, что они должны модернизировать мышление.

Метафора интерпретировалась таджикскими учеными, занимающимися изучением теории литературы, составлением словарей, как в прямом, так и в переносном смысле.

Более полное объяснение дает Мухаммад Гиясуддин. В своем произведении «Ғиёс-ул-луғот» о метафоре он отмечает следующее: «*Маҷоз – роҳ ва ҷои гузаштан ва зидди ҳақиқат ва ба маънии калимае, ки дар гайри маънии ҳақиқии худ мустаъмал шавад ва маънои ҳақиқии он матрук нашуда бошад, балки дар маънии мавзӯ алоқаи мушобаҳат ва гайри он мутаҳаққиқ бошад, бар марди ахмақ итлоқ кунанд*» [223, 233].

Первая часть этого комментария содержит лексическое значение (*роҳ ва ҷои гузаштан – путь и место перехода*), а вторая часть терминологическое значение, то есть имеет в виду (*маҷоз*) метафору. Отсюда следует, что терминологическое значение метафоры таково, что

слово недалеко от своего истинного значения и связано с ним по сходству, потенциалу или причинности [там же, 233].

В словаре Амид «Фарханги Амид» примерно повторяется то же значение: «Маҷоз – Метафора (без буквы мим (название буквы в перидском и арабском алфавитах) *ичоза додашуда, дорои ичоза – разрешена, имеющий разрешение*, а с буквой мим, слово не имеет реального значения, но это значение должно соответствовать истинному смыслу» [227, 318].

В словаре таджикского языка «Фарханги забони тоҷикӣ» говорится следующие значения слова «маҷоз»: «1) *маҳаллӣ гузаштан, гузаргоҳ – проход, проезд. 2) гайри ҳақиқат, зидди ҳақиқат будан – быть неправдой, идти против истины. 3) В литературоведении-(адабиётшиносӣ) Кор фармудани ягон калима ба маънои гайриҳақиқи, ки дар миёни маънои нав (маҷозӣ) ва маънои асли аз ягон ҷиҳат шабоҳате мавҷуд бошад – Использование слова в неправильном смысле, которое означает некоторое сходство между новым (переносным) и буквальным значением» [228, 680].*

В зарубежной лингвистике «**маҷоз**» называют «**метафорой**», которая происходит от греческого слова «*metaphora*», что означает проезд и движение [218, 296]. Слово «метафора» в самом широком смысле – это использование слов в их переносном значении. Метафора изучается в лексикологии как источник новых значений слов [там же, 296].

Из сравнения метафорических комментаторов следует, что трактовки этого термина в этих словарях схожи и отличаются только некоторыми особенностями.

Исследователи теории средневековой литературы, трактуя то или иное произведение искусства, или художественное явление в первую очередь подчеркивали его лексическое значение. Например, Шамс Кайси Рози высказал следующее мнение о метафоре: «уникальность метафоры заключается в том, что она игнорирует правду и придает слову другое значение, чтобы поместить его в контекст ситуации. Но

существует связь между истинностью слова и отношением к пониманию цели говорящего» [177., 192].

Профессор Х. Шарифов писал о комментарии Шамса Кайси Рози: «мачоз зидди ҳақиқат аст – метафора противоречит истине», сказал седующее: «Но что *противоречит истине* не ясно». Поэтому в связи с комментарием Шамс Кайса для пояснения смысла той истины профессор Х. Шарифов пишет что правда в том, что это слово интерпретируется в том смысле, что ясность словаря фактически означает противоположность значения слова. Проще говоря, значение должно соответствовать буквальному значению слова, и это, правда, а противоположный способ использования слова является переносным. В данном случае метафора, конечно, не противоречит истине, а исходит из значения слова [178, 101].

В этой связи следует отметить, что интерпретация Шамса Кайса «зидди ҳақиқат – против истины» вызывает сомнения, так как, если слово противоречит истине, то значение противоположного становится реальным смыслом, что в лингвистике называется антонимом, и это не всегда есть метафора, а лишь играет роль исходного значения слов и их семантического выражения.

Как мы видим, в терминологическом комментарии «мачоз» – метафора Мухаммада Гиясиддина в «Ғиёс-ул-луғот»-е также использовано выражение «зидди ҳақиқат – против истины».

Если мы интерпретируем понятие «против истины» не в смысле противоречия истинному значению, а как нереальный аспект, то теория этих двух комментаторов приемлема, исходя из того, что метафора по самой своей природе выражает концепции, существующие в действительности, но способы их выражений неидентичны.

Мухаммад Толиб Омули в своих научных трудах, рассмотрел значение метафорического термина и разделил его на несколько групп. В частности, он говорит: «Метафора – это использование слова помимо того, что ему приписывают. Слово состоит из двух частей: одна

относится к значению слова, а вторая к предложению, которое доказывает слово в слове, а метафора, которая относится к значению слова, состоит из двух частей: одна пустая, а вторая с пользой» [115, 595], и таким образом, автор классифицирует метафору по пяти группам и показывает ее роль в формировании художественного искусства, сравнении, аллегории, преувеличении и так далее.

К слову, вторая часть этой статьи посвящена изучению и исследованию метафор, о которых литературный критик Х. Шарифов в своей книге «Слово искусства» предоставляет подробную информацию [178, 101-105].

В связи с данными толкованиями о «маҷоз» - «метафора» более интересно представлена в «Ғиёс-ул-луғот»-е, однако это ближе к интерпретации значимых слов, поэтому нам необходимо определить соотношение между многозначными и метафорическими словами.

Современный таджикский лингвист М. Саломов в своей диссертации отмечает, что «многозначные слова в языке реализуются на основе перемещения значения одного слова на основе метафорических отношений к другим понятиям» и «наиболее важным аспектом многозначных слов является взаимосвязь между словами, отношения и сходство предметов и событий связано с перемещением одного значения в другое, что становится причиной появления двух важных аспектов речи в языке» [147, 152].

Слово, имеющее несколько взаимосвязанных значений, называется полисемией [109, 15].

Возникает вопрос, в чем заключаются «взаимосвязанные значения»? Если не принимать во внимание роль метафор в семантике слов и игнорировать семантическое развитие слов, то слово становится омонимическим, а не многозначным. Оказывается, что первой основой тенденции к многозначности слов в таджикском языке является метафора, из чего можно резюмировать, что метафора – это своего рода семантическое явление.

Феномен многозначности слов не индивидуально-стилистический, а чисто лингвистический. Это напоминает утверждение Аристотеля о том, что во вселенной больше вещей, чем слов, то есть в результате сходства и связи предметов и событий в мире их называют метафорами.

Например, слово «сар – голова – head» имеет разные значения, как в таджикском, так в русском и английском языках. Приведём несколько примеров в таблице №1.

1	сар	голова	head
2	сардухтур	главврач	head physician
3	саридора	главный оффис	head office
4	сардор	главарь	head
5	сарбузург	глава, вождь	head
6	сармушовир	главный советник	head adviser
7	сармухаррир	главный редактор	head editor
8	сарсулола	глава династии	head of dynasty

В этом случае языковая единица «сар – голова – head» в данных примерах носит смысловой характер и имеет сходные отношения со своим неоригинальным значением, которое упоминается в примерах таблицы. Другими словами, слово «сар – голова – head» относится к структуре человека, а в примерах таблицы это выходит за пределы своего первоначального значения и обычного употребления.

В языке художественных произведений существуют и другие средства, которые образуются с помощью метафор, однако они различаются по значению и способам выражения.

В роли многозначных слов часто используются слова, являющиеся человеческими органами как: *чаимҳо – глаза – eyes, лабҳо – губы – lips, рот – даҳон – mouth, гӯшҳо – уши – ears, гардан – шея – neck, дил – сердце – heart*; некоторые понятия, которые присущи только для людей: *ақл –*

разум – mind, хуш – сознание – consciousness, хаёл – воображение – imagination, хирад – мудрость – wisdom; названия животных: *саг – собака – dog, хар – осел – donkey, гов – корова – cow, гург – волк – wolf, муш – мышь – mouse*; растения: *гулхо – цветы – flowers* и другие.

Однако профессор Х. Шарифов подтверждает, что метафора относится к словесной истине, и понимание сути метафоры зависит от буквального и небуквального значения, потому что с этого момента начинается природа и сущность метафоры [178, 100].

Носители языка сначала понимают буквальное значение слова, а затем осознают переносный смысл. Это явление происходит в течение определенного психологического периода, а затем становится основой для понимания концепции.

Следует отметить, что изначальное значение слова находится на первом уровне человеческого понимания, и на этой основе оно приобретает дополнительные значения.

Поскольку слово, помимо своего буквального смысла, приобретает различные оттенки и переносные значения, когда оно нарушает основную суть, становится ясно, что метафора является одним из важнейших средств обогащения словарного состава и художественной окраски речи.

Следует отметить, что метафора может быть выражена не только в виде фразы, но и в виде одного слова.

Метафора в разговорной речи часто выступает в составе многозначных слов, в таком случае учитывается сходство предметов и часто выражается во фразеологизмах.

Поскольку метафоры устной речи используются в повседневной жизни, говорящий и слушающий не беспокоятся о том, чтобы выразить и понять их значение, так как их язык изучается годами и служит для говорящих готовым материалом, например: *шери падар лев – отца – father's lion* и *ҷони ширин – милашка(сладенький) – darling*, тот кого похвалили или: *хар – осёл (глупый) – donkey, заргуш – кролик (трус) –*

rabbit, муш – мышь (кто-то, у кого есть вредные движения) – *mouse*, сэг – собака – *dog*. Это метафоры, которые используются в устной речи.

Следует, отметить, что метафора играет важную роль в выражении эмоционального состояния человека, которое не может быть выражено по-другому. В этом случае говорящий обращает внимание не на структуру логики своих мыслей, а на то, чтобы его слова быстрее достигли слушателя.

Таким образом, метафора устной речи имеет широкий спектр использования, позволяя говорящему выражать свои мысли образно, эмоционально, информативно и кратко. В этом случае говорящий невольно нарушает лексические и грамматические нормы и для него неважно соблюдать существующие стандарты, а необходимо как можно скорее предоставить информацию.

Литературно-художественная метафора характерна для художественной литературы, и ее выражение выглядит по-разному. Особенно ярко отражена роль метафоры в поэзии. Поскольку метафора подчеркивает индивидуальность и стиль, мы рассмотрим этот аспект на основе материала, который сконцентрирован во второй главе диссертации.

После вышеизложенного можно резюмировать: метафора – это понятие или лингвистико-семантический инструмент, в котором слова после выражения своего буквального значения проходят определенный процесс на семантическом уровне (например, каким-то образом между словами), восстанавливают лексические и грамматические отношения друг с другом, приобретают новые нюансы и выражают переносные значения, а в случае разрыва этих отношений возвращаются к исходной форме и выражают значения, которые были на первом уровне.

1.2 Теоретические основы изучения метафоры в лингвистике

Метафоры, с одной стороны, являются орудием мышления и познания, а с другой – основаны на национально-культурном мировидении, отражающем как фундаментальные культурные ценности, так и согласованные с ними в пределах определенной субкультуры индивидуальной системы ценностей.

Существует различное множество взглядов на метафоры, но все они схожи в одном – они служат средством обогащения лексического состава языка. Во времена классической древности слова или выражения, используемые в переносном значении с целью усиления образности языка, художественной выразительности речи, были описаны в различных гуманитарных науках [206, 682]

Одним из таких средств является метафора. Метафора (от древнегреческого слово *μεταφορά* – «перенос», «переносное значение») – слово или выражение, употребляемое в переносном значении. В основе одного слова лежит неназванное слово, которое сравнивает предмет с каким-либо другим предметом на основании их общего признака.

Слово «*метафора*» на таджикский язык переводится как «*маҷоз*» и «*истиора*». Слово «истиора» происходит от арабского [سد تعاره] – метафора, и в словаре таджикского языка интерпретируется в значении «одолжение» чего-то кому-то. Например: *Хоҳиши ман ҳамин аст, ки китобатро ба ман истиора намой – Я хотел, чтоб ты одолжил мне свою книгу – I wanted you to lend me your book* [233, 304]. В литературоведении метафора считается одним из типов аллегории, и обозначает использование одного слова вместо другого. В метафоре благодаря сходству двух событий некоторые слова обретают сравнительный смысл. Это означает, что метафора очень похожа на аллегорию, точнее, она возникает на основе дальнейшего развития закрытой аллегии. Отличие между метафорой и аллегорией состоит в том, что в метафоре то, что сравнивается, обычно не упоминается.

Например, в предложении «*қомати ёри ман мисли сарв аст – стан моей любимой словно кипарис – my beloved shape is like cypress*» можно наблюдать аллегория, потому что стан возлюбленной уподобляется дереву, а конкретно, кипарису. Но если сказать: «*сарви ман омад – пришла моя кипарис – my cypress came*», то в этом предложении «сарв – кипарис – cypress» является метафорой, поскольку в данном случае это слово использовано вместо слова «ёр – возлюбленная – beloved». Если в первом предложении «сарв» считалось аллегорией, то во втором предложении его можно считать метафорой.

В таджикском языке метафора состоит из двух частей: создатель метафоры и то, что становится метафорой. Между создателем и тем, что становится метафорой, должна быть связь в манере, поступке и характере. Например: *Магар қозикалон намедонист, ки гургонаш ба аробакаш тӯҳмат карда истодаанд, медонист ва дида истода онҳоро ба ин даъво ҳақдор мешумурд, чунки худаи пуштибони ин гургон буд – Неужели казий (судящий по закону шариата, глава мусульман) не знает, что его волки оклеветают арбакеша (возчика, кучера), зная, что арбакеш не виновен, считал его виновным, потому что он (казий) сам был их защитником – Does the kaziyy (judged by Sharia law, the head of Muslims) do not know that his wolves slander the arbakesh (carter, coachman), knowing that the arbakesh is not guilty, considered him guilty, because he (the kaziyy) himself was their defender [4, 174].*

В этом примере слова «*гургон – волки – wolves*» использованы вместо скупщиков, которые в грабеже и жестокости были похожи на волков. Значит, «*гургон – волки – wolves*» создатели метафоры, а скупщики те, которые стали метафорой.

Метафора в отличие от аллегии, считается более яркой в выражении эмоции и изображении картин жизни, природы в художественной литературе. В таджикском языке «истиора» (метафора) делится на две группы: «*истиораи равшан – ясные метафоры – clear metaphors*» и «*истиораи пушида – закрытые метафоры – closed metaphors*».

Ясная метафора, если то, что сравнивается, не упоминается. Например, в этих стихах Низамия:

*Барафрӯхт он моҳ чу офтоб,
Фурӯ рехт бар гул зи нарғис гулоб*[83, 176].

*Сияла луна подобно солнцу,
И её блики были как розовая вода*(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

В этих стихах слова «*моҳ – луна – moon*», «*гул – цветок – flower*», «*нарғис – нарцисс – narcissus*» и «*гулоб – розовая вода (напиток) – rosewater*» не описаны в своих прямых значениях, т.е. *моҳ – луна* вместо возлюбленной, *гул – цветок – flower* вместо лицо, *нарғис – нарцисс – narcissus* вместо глаза и *гулоб – розовая вода (напиток) – rosewater* в место слёз. Поэт хочет сказать, что из глаз нарциссоподобного возлюбленного на ее лицо, которое похоже на цветок, проливались слезы. Но то, что сравнивалось – *ёр – возлюбленная – mistress*, *рӯй – лицо – face*, *чаши – глаза – eyes* и *ашк – слезы – tears*, которые являлись создателем метафоры, не упоминались; «*моҳ – луна – moon*», «*гул – цветок – flower*», «*нарғис – нарцисс – narcissus*» и «*гулоб – розовая вода (напиток) – rosewater*» заняли их место как метафоры.

В следующем двустишии Асадии Туси также приводится метафора.

*Маҳаш мушксову шакар майфурӯи,
Ду нарғис камонкаш, ду гул дирънӯи* [тамже].

*Луна благоухала мускусом, сладостями,
Два нарцисса подобно лучникам и два нераскрытых бутона*
(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

В данном двустишии слова использованы: «*маҳ – луна – moon*» вместо «*рӯй – лицо – face*», «*мушк – мускус – musk*» знак, вместо *локона* «зулфи мушкин-чёрные благоухающие локоны», «*шакар – сахар – sugar*» вместо *губ* «*lips*, *нарғис – нарцисс – narcissus*» вместо «*чаши – глаз – eyes*,

камон-лук (оружие) – bow» вместо бровь «ду гул – два цветка – two flowers» вместо красные щёки «диръ (зирех) – броня – armor» вместо локон.

Шаққаришқан шаваңд ҳама тўтиёни Ҳинд,

3-ин қанди порсӣ, ки ба Бангола меравад [тамже].

Огорчались все индийские попугаи,

От персидских сладостей, которые везли в Бенгало.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

А в следующем двустишии «тўтиёни Ҳинд – индийские попугаи – **indian parrots**» – это намёк на персоязычных поэтов Индии и «қанди форсӣ – персидская сладость – **Persian sweetness**» намёк на стихах Хафиза.

В закрытой метафоре «истиораи пўшида – **closed metaphors**» иногда поэт не упоминает того, кто или что станет метафорой. Вместо этого используют какое-то качество, характер или признак для создания метафоры. Например, в таких выражениях, как: **дасти зулм – рука насилии и сари хуш – отрадная голова**, которые иногда встречаются, слова «сар – голова» и «дасти – рука» являются частями человеческого тела и используются для создания метафоры. Например, в двустишии Садриддина Айни:

Шумо, эй булбулони боғи мактаб,

Саҳаргоҳон набояд хуфт ҳар шаб [тамже].

Эй вы, соловьи из школьного сада,

Не стоит спать утром, а надо спать ночью.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Состав словосочетания «булбулони боғи мактаб – соловьи школьного сада», слово «булбулон – соловьи» здесь является метафорой и по отношению к «боғи мактаб – школьный сад» является тем, что станет метафорой. Итак, состав «боғи мактаб – школьный сад» тоже является закрытой метафорой.

Пример из стихов Саади:

На дасти сабр, ки дар остини ақл барам,

На пой ақл, ки дар домани қарор кашам [182, 211].

Не имею руки терпения, чтоб донести в рукав разума,

И не имею ноги разума, чтоб донести в полы спокойствия.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

В этом двустишии словосочетание «**дасти сабр – рука терпения, остини ақл – рукав разума, пой ақл – нога разума и домани қарор – пола спокойствия**» являются закрытой метафорой. Такие лексические единицы «**сабр – терпение, ақл – разум, қарор – спокойствие**», считаясь частями человеческого тела или действия «**остин – рукав, доман – пола, даст – рука, по-нога**» приписываются владельцу данной метафоры.

В научных трудах Мухаммада Умари Родуёни – «Тарчумон–ул-балоға», Рашидаддини Ватвота – «Ҳадоиқ-ус-сехр» и Шамса Кайси Рози – «Ал-мӯъҷам» о метафоре представлено совсем мало информации и её относили к аллегории. Современный таджикский языковед Туракул Зехни в своем произведении «Санъати сухан» уделил большое внимание свойствам метафоры и показал ее различие от аллегории. Приведём несколько примеров:

Рӯят, ки ҳамеша лоларанг аст,

Бо куртаи атласат ба чанг аст[83, 176]. (М.Турсунзода)

Лицо твое, которое всегда румяное,

С атласним платьем в ссоре (подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Нисбат макун он орази зебо ба гули сурх,

Гулро ба гул аз боди сабо чанг маяндоз[тамже].

Не уподобляй красивую щёку красному цветку,

Зря не ссорь цветок с цветком(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Начало изучения понятия «метафора» связывают с именем Аристотеля: «Метафора – перенесение слова с изменением значения из рода в вид, из вида в род, или из вида в вид, или по аналогии» [10, 320]. Как утверждает Аристотель, метафора может, «говоря о действительном, соединять с ней невозможное» [там же]. Метафора рассматривалась Аристотелем как отдельное понятие речи, но он не говорил о метафоре как об индивидуальном языковом явлении: «Всякое имя бывает или общеупотребительное, или глосса, или метафора, или украшение, или вновь составленное, или растяженное, или сокращенное, или измененное» [там же, 320]. В то же время Аристотель выделял роль метафоры как способ описания не того, «что было, а того», «что могло быть, будучи возможно в силу вероятности или необходимости» [там же, 320].

Скляревская Г.Н. в своей книге «Метафора в системе языка» отметила, что, благодаря Аристотелю сложился взгляд на метафору как на «неотъемлемую принадлежность языка, необходимую для коммуникативных, номинативных и познавательных целей» [153, 150].

Изучение метафор как языкового феномена возможно благодаря тому, что они содержат определённые идеи. Еще в трудах античных философов содержатся суждения о метафоре.

Так как метафоры рассматриваются в рамках художественно-эстетического и лингвистического анализа, выявленные детали становятся важны для понимания сущности познавательных процессов. Огромного внимания заслуживает анализ той части значения, которая рассматривается как метафорическое переосмысление, тех семантических признаков, выступающих в роли основы формирования метафорически нового понятия. Исходного количества понятий у слова нет, но можно наблюдать начальное значение модели отклонение в семантике, способствующее появлению ряда значений, способных сформировать бесчисленное количество производных значений. Тем не менее,

различные значения имеют всякие возможности образования. М.Б. Никитин определяет два критерия реализации того или иного значения заданным словом: «а) потребность в номинации соответствующего концепта и б) сила, яркость ассоциативной связи двух концептов (исходного и переносно обозначаемого). Совокупность действия этих факторов увеличивает шанс реализации производного значения. Объективно судить о метафорическом потенциале слов можно только на основе зафиксированных случаев их переносного употребления на основе аналогического сходства с учетом метафор. В результате концепты сопоставляют по способу их выражения, прямому или переносному» [113, 43-44].

Современные исследователи в области лингвистики пытаются найти решение вопроса, который до сих пор остаётся нерешённым в формировании новых знаний при изучении метафор. По мнению многих учёных, метафорические выражения являются особыми средствами построения и расширения языка, типами связи разговорного обычного языка и языка используемого в науке. В лингвистике наблюдаются разные стороны применения метафорических форм речи.

Сегодня получил широкое распространение когнитивный подход, при котором наблюдается инновационное системное изучение процессов метафоризации. Сущность данного метода заключается в анализе ментальных действий и деятельности индивида. Когнитивная лингвистика занимается изучением языка, рассматривая его как целую когнитивную систему. Разработкой теории когнитивной метафоры занимались такие исследователи, как Р. Бойд, Т.С. Кун, П. Рикер, Э. МакКормак, в российской науке Н.Д. Арутюнова, В.Н.Телия, В.Г. Гак и другие [72, 23-26].

Для когнитивного подхода характерно: глубокое познание темы, конструирование процесса метафоризации и толкование метафоризации с учётом референтных взаимосвязей. Э. МакКормак в своей теории метафоры обозначил базовую идею и мысль данного направления. По

его мнению научная метафора это своего рода процесс познания, способствующий передаче новизны понимания. Э. Маккормак определяет суть метафоризации как общность двух систем – когнитивной и семантической.

Главная мысль заключённая в данной теории состоит из того, что системной базой метафоризации служат процессы преобразования знаний – фреймы и сценарии, специальные унифицированные конструкции знания или связанные схемы опыта трактуются как фреймы, а обобщённый опыт взаимодействия человека с миром как сценарий. Ряд понятий, которые естественным образом появляются в результате неизбежного познания мира каждым индивидуумом, можно считать врождёнными. Иные фреймы ассимилируются в процессе изучения или закрепления опыта. Характерным критерием фрейма выступает «энциклопедичность», как синтез собственного континиума многообразных знаний о денотате обозначенным определённым смыслом, но, в противоположность ассоциативной абстрактности включают основную смысловую и реально допустимую информацию сгруппированную с одним или несколькими концептами.

У представителей данного когнитивного подхода наблюдается тенденция, что «источник» и «цель», являясь двумя структурными единицами знания, при взаимодействии между собой формируют метафоризацию. При этом конкретные знания, входящие в сферу «источника», не равнозначны «цели», то есть знаниям менее конкретным, слабо изученным.

Можно рассмотреть и другие точки зрения касающихся метафор. Так, Ф.А. Анкерсмит и Дж. Дж. Муйж отмечают четыре основных метода при анализе метафоры, которыми в тот период были обозначены подходы к ней [7, 96]. М. Блэк, американский логик один из известных представителей теории интеракции считал метафору результатом «ассоциативного взаимодействия двух образных или понятийных систем – обозначаемого и образного средства» [40, 156]. Он считал, что данный

подход является основой теорией интеракции. Совершенно иной взгляд на объект возникает при проекции одной системы на другую. [там же]. Таким образом он обновлял метафору новым вербализированным понятием.

Английский лингвист А. Ричардс считает, что «в основе метафорического переноса – заимствование и взаимодействие идей (thoughts) и смена контекста. В этом есть отличие от классической теории, рассматривающей метафору как результат замены слов или контекстных сдвигов. По его мнению, мысль метафорична и развивается через ассоциативное сравнение, поэтому возникают метафоры в языке» [136, 435-455]. Последующие идеи А. Ричардса были отражены в трудах Э. Ортона, Р. Гиббса и других, которые исследовали психологическую составляющую функционирования метафоры, в том числе проблему понимания метафоры, выраженную в идеях Э. Маккормака, который утверждал, что «для раскрытия сущности метафорического переноса нужно предположить наличие когнитивных структур нашего мышления в качестве устройства, порождающего язык» [135, 512].

Вторым направлением является так называемый «асемантический», отрицающий как когнитивную суть метафоры, так и само семантическое понятие метафоры, таким образом, метафору, по мнению сторонников этого направления можно понимать, как бессмыслицу или как подмену прямого значения в прагматических целях. Вначале Д. Дэвидсон, за ним М. Бирдсли занимались теорией данного подхода, где перенос значения по аналогии замещается логическим абсурдом [77, 101-108]. В процессе определения смысла метафоры наблюдается отступление от основного значения термина, в основном, благодаря логическому абсурду. По мнению М. Бирдсли, «метафорический перенос необходим для преодоления семантического несоответствия. Происходит сдвиг центрального значения слова в пользу вторичного» [там же]. Д. Дэвидсон говорит о том, «что метафоры означают только то, что означают входящие в них слова, взятые в своем буквальном значении» [там же, 106].

Мнение Н. Гудмена, противоречит мнению Д. Дэвидсона, ибо, по его убеждению, метафора служит «отторжением» значения (фигуры речи) от буквального применения, перемещая его в новую предметную область [66, 376].

Русский языковед Н.Д. Арутюнова утверждает, что «непоследовательность метафоры, ее несоответствие реальным процессам действительности и природе логики объясняет отношение к метафоре как к элементу поэзии. Метафора не уместается в привычные структурно-семантические рамки. Сущность метафоры не отвечает коммуникативному назначению основных элементов предложения – его субъекта и предиката. Метафора произвольна для обозначения предмета или явления и не может с полной определенностью указывать на предмет речи, для предиката она семантически расплывчата» [16, 896].

Следовательно, исключительно «поэтическую речь» можно считать «естественным местом» метафоры, ибо роль выразительности текста ей и принадлежит. Придать выразительную сформированность образу – цель метафоры.

С именем Ф. Ницше и его воззрениями на теорию метафоры связано третье направление данной теории. В научном труде Дж. Волковой под названием «Употребление метафоры жизни в современной российской прессе» о данном подходе отмечается следующее: «По убеждениям сторонников этого метода метафора является исторически первым и основным типом языкового значения. Язык с установленными значениями, с которыми должны считаться все члены сообщества, и является первой метафорой, из которой развились затем все другие типы языковых значений, в том числе и «индивидуальные» поэтические метафоры. Знание, по мнению Ф. Ницше, это работа с любимыми метафорами, подражание, которое не должно считаться больше подражанием» [51, 82]. Ф. Ницше трактует метафору как саму по себе богатую метафорами.

Четвертое включает *антропологический подход*, который рассматривается в данной работе в нем истоки языковой метафоры изучаются не в правилах логики, а в особенностях человеческого сознания и мировосприятия, в закономерностях возникновения образов и понятий, как в общечеловеческом плане, так и в отношении мировидения языкового коллектива.

Данное мнение обсуждается в работах В. фон Гумбольдта, М.Осборна, Дж. Джонсона, Э.Кассирера, М.Эриксона, Л.Витгенштейна, М.Хайдеггера, Дж. Вико, Н.Ф. Алиференко. Необходимо отметить, что к данному подходу выделено особое внимание в работах Дж. Лакоффа и М.Джонсона.

В научном труде «Метафоры, которыми мы живем – *Metaphors We Live by*» лингвистами Дж. Лакоффом и М. Джонсоном сформирована системность в трактовании метафоры в качестве процесса познания, определён значительный эвристический потенциал этой теории в практическом исследовании. По мнению авторов данной работы, метафора – это «мышление в большинстве своем метафорично, перенос значения слова не обособляется лишь сферой языка. Метафора как неотъемлемая часть сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии» [76, 256]. Таким образом Дж. Лакофф и М.Джонсон сделали попытку описать метафору «эмпирическим основанием». Согласно их мнению, «наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [тамже]. В соответствии с их взглядами, метафора выявляется как парадокс взаимовлияния культуры, познания и лексика, выходящий за границы самой языковой системы. Дж. Лакофф в своей книге выделяет отличительные черты характеризующие метафорические выражение и концептуальную метафору. Автор констатирует, что «фокус метафоры – в мысли, а не в языке»[197, 202-251].

Дж.Лакофф и М.Джонсон обособили систему метафор в английском языке, разделив её на признанные в обществе носителей

языка, мнения на те или иные объекты определения, обозначив подобные метафоры как концептуальные. Согласно Дж. Лакоффу и М.Джонсону «концептуальная метафора различает языковые средства выражения и когнитивный процесс, который лежит в их основе» [там же, 242]. Следовательно, одно понятие находит тождество в других терминах.

Концептуальные метафоры передаются однородными понятиями через цикл метафор, в основе которых общие или аналогичные ассоциации. Подобное тождество области источника и области цели, сконцентрировано в языковой культуре. Благодаря этому, области деятельности человека могут быть изображены определенными, конкретными концептуальными метафорами языка.

Возможность установления аналогичных значений с помощью ряда метафор, в сущность которых характер общей или схожей ассоциативности присуща концептуальным метафорам. В лингвокультуре любого языка представлена данная целостность между сферами источника и цели. Ибо области деятельности человека в языке могут быть выражены известными выражениями системных метафор.

Таким образом, на основании изложенного во втором разделе данной главы, необходимо резюмировать, что творческий процесс метафоры как способ словообразования и ее информативные ресурсы воспринимаются и расцениваются лингвистами неоднозначно: с одной стороны метафора как языковая единица с характерным смысловым значением, с другой – аддикция того, что метафора способствует получению своеобразного знания, отличительного от логического и верифицируемого, вдобавок, метафора служит методом познания, в целом, и научного, в частности.

1.3 Способы выражения метафор в языке поэзии

Как стало ясно из приведенных выше обсуждений, понятие метафоры – это понятие, в котором слово приобретает дополнительный оттенок в результате развития своего значения и может иметь другие значения помимо исходного смысла.

Из наблюдений и изучения научной литературы нам стало ясно, что метафора играет важную роль, как в устной речи, так и в художественной литературе.

Метафора в устной речи характеризуется своей простотой, то есть в её основе лежат схожесть, связь и качественные особенности предмета, смысл которых слушателю или читателю быстро становится понятен.

В некоторых случаях даже одно слово может иметь несколько переносных значений. Например: *саг – собака – dog* в таджикском языке означает следующие переносные понятия:

а) болтливость (*саг барин чакидан – лаять как собака, тявкать как собака – bark like a dog* и т.д.);

б) верность (*посбони хона – сторожевой пёс – house guard*;

в) любопытный человек (*саги бӯгир – разнюхивать как собака – curious person*).

В литературном языке слово «саг» может использоваться в значении *противник*. Например, в следующих строках Камола Худжанди слово «саг – собака – dog» встречается в следующих значениях.

а) в прямом значении:

«Ҳамекардам бар он дар дӯи фарёд,

Саге бонге бизад бар ман ки хомӯш» [85, 128].

Той ночью я кричал у тех дверей,

Собака залаяла на меня, чтобы я умолк.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

б) в значении «влюблённый»:

*«Сар бар дари туам, бинигар, сарбаландиям,
Эй ман саги ту, авф кун, ин худписандиям» [там же, 128].*

*Стою у твоей двери, посмотри, как я горд,
О, я твой пёс (влюблённый), прости меня за высокомерность.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Следует отметить, что подобные поэтические выражения обладают эмоциональным воздействием, поскольку они отражают чувства говорящего. Кроме того, стихотворение является продуктом мышления поэта, который создается в самый чувствительный момент, в силу чего роль такой творческой личности как поэт, чрезвычайно велика.

Поэт или писатель не только пересказывает события, он также в достаточной степени владеет богатством языка (слова, фразы и другие средства языка) и знает, как его использовать наиболее эффективно для оттачивания своего творчества.

Метафора больше используется в художественной литературе (особенно в лирических жанрах), чем в разговорной речи. Если использование метафоры в устной речи обусловлено социальной необходимостью (обозначением различных понятий), то литературно-художественная метафора основана на эмоциональной (эстетической) необходимости, так как каждый писатель использует слова в разных значениях, чтобы сделать свою речь яркой и трогательной, и создает образы, которые быстро доходят до сердца читателя и впечатляют его своей выразительностью, красочностью и неповторимостью, то есть в данном случае слово, выражающее метафору, приобретает метафорический аспект не само по себе, а через творческую личность, что можно назвать индивидуальным аспектом метафоры.

Источником метафорического выражения в индивидуальной речи является природа среды, целого объекта, среды, в центре которой творческая личность, и в результате сравнения объектов создается новое понятие, то есть так называемая абстракция.

1) Объекты реальной действительности.

а) набор неодушевленных предметов;

б) животный мир;

в) человек со всеми аспектами его существования и сущностью;

2) Абстрактные концепции:

а) природные процессы и явления;

б) психологические явления;

в) категории, вовлеченные в другую сторону [143, 61];

Это события, которые возникают в результате перехода первоначального значения слова к метафорическим значениям, и образуются метафоры в языке.

В то же время необходимо подчеркнуть позицию творческой личности в выражении литературных и художественных метафор.

Например:

«Дидй эй дил ки гами ёр дигар бор чй кард?»

Чун бишуд дилбару бо ёри вафодор чй кард?» [183, 22].

В этом примере слово **сердце** приобретает переносное значение и отличается лексическим смыслом (сердце ночи, сердце реки). Другими словами, автор обращается к личности (лирическому герою) и создает образ.

Этот пример показывает, что метафора может быть выражена одним словом. В этом случае слово имеет переносное значение в отдельной форме и не проходит через грамматические процессы, а только через лексико-семантический.

Исследования показывают, что большинство метафор выражаются в форме фраз, которые могут состоять из двух и более частей. Например:

а) двухчастичный; *оташи рашк – огонь ревности, оташи хавас – огонь страсти, оиёни вафо – гнездо верности* и т.д.

«Гул бар рухи рангини ту то лутфи арақ дид,

Дар оташи рашк аз гами дил гарқи гулоб аст» [там же, 61].

*«На ин замон дили Ҳофиз дар **отаиши ҳавас** аст.
Ки доғдори азал ҳамчу лолаи худруст»* [тамже, 86].

*«Ҳайф аст тоире чу ту дар **хокдони гам**,
3-ин чо ба **ошённи вафо мефиристамат**»* [тамже, 110].

б) трехчастичный; дарёи ахзари фалак – источник небесного тела, тоҷи хуршеди баланд-корона высокого солнца и т. д.

*«**Дарёи ахзари фалаку киштии ҳилол**,
Ҳастанд гарқи неъматӣ Ҳоҷӣ Қавоми мо»* [тамже, 42].

*«**Шаҳсавори ман, ки маҳ ойинадори рӯи ӯст**,
Тоҷи хуришеди баландаи хоки наъли маркаб аст»* [тамже, 62].

Надо отметить, что в таджикском языке четырёхчастичные и многочастичные метафоры тоже встречаются, которые в русском варианте переводятся двумя или тремя словами. Например: **нарғиси масти навозишқуни мардумдораши...**

*«**Нарғиси масти навозишқуни мардумдораши**,
Хуни ошиқ ба қадаҳ гар бихурад, нӯшаи бод!»* [тамже, 120].

Особенности метафор. 1) Перенос изначального смысла в образный.

Следует отметить, что передача смысла происходит в результате сходства и связи предметов. Например:

*«**Соқӣ, биё, ки шуд қадаҳи лола пур зи май**,
Томот то ба чанду хурофот то ба кай»* [тамже, 404].

В этом стихе поэт сравнивает **қадаҳ** – **чашу** с **лола** – **тюльпаном**. Почему поэт именно — это слово сравнивает со словом **қадаҳ** – **чаша**? Ответ в том, что «**лола** – **тюльпан**» по форме похожа на **чашу** и имеет красный цвет. **Чаша** – это сосуд для питья **вина**, а вино красного цвета. Это выражение имеет качественную связь со словом «**вино**». Другими словами, оба слова вышли за рамки своего обычного употребления и приобрели дополнительный оттенок, аналогичный их первоначальному значению.

Получается, что в языке поэзии передача смысла происходит на основе определенной закономерности, главной особенностью которой является аналогичное соединение предметов.

Аллегорическую связь, лежащую в основе смысловой передачи слов на метафору, можно назвать символом перехода.

2) Выразительный характер метафор. Эффективность речи – это выражение эмоциональной реакции говорящего на содержание информации [Савченко А.Н. Образно-эмоциональная 142, 5]. Поэт использует слова, чтобы сделать свою речь образной и заставить задуматься читателей. Это зависит от красноречия и таланта творческой личности.

В связи с этим А.Н. Савченко отмечает: «В выразительности особенностей творческой речи и с помощью этого раскрывается сущность речи» [144, 28]. Также следует отметить, что эффективность слова больше выражена в форме фразы. Однако эту особенность можно наблюдать не во всех словосочетаниях, а в особой группе фраз, называемых метафорическими выражениями.

3) Нелогичные метафорические выражения. Этим свойством обладает большинство образных выражений, что наиболее ярко проявляется в художественном стиле. Нелогичные метафорические выражения приводят к несоблюдению лексических и грамматических норм. О нелогичном метафорическом выражении Ш. Балли рассуждал так: «Конвергенция метафор часто основана на сходстве понятий, что иногда совершенно нелогично» [22, 394].

На самом деле метафора – это нелогичное выражение, которое невозможно выразить в разговорной речи. Лингвист Сирус Шамисо предложил интересную трактовку метафор и логики: «метафора – это нелогичная интерпретация языка. Аргумент метафоры возникает, когда язык выходит за рамки логики. Язык полон метафор. С момента истории языка прошли тысячи лет, и в этот непростой период язык приобрел отраслевое значение. Метафора – это отклонение от логики. Отклонение

от логики противоположно любому искусству, это искусство. И, в принципе, искусство – это отклонение от логики норм» [176, 53].

Качественные особенности и аналогии слов играют важную роль в нелогичном выражении, из которого понимается значение.

Таким образом, особенности метафоры тесно связаны с ее семантическим выражением, и эти связи учитываются при формировании писателя или слушателя. Именно в этой связи выражений и метафорических признаков не все слова имеют переносное значение.

Следует отметить, что семантические слова и фразеологизмы также имеют особенности метафоры, так как прослеживается много общего с метафорическими выражениями.

4)Лексико-грамматическая структура метафорических выражений. Язык поэзии в некоторых отношениях отличается от языка прозы, а не речи, то есть в языке поэзии иногда не соблюдаются грамматические нормы.

Когда речь идет о языке поэзии, на первом месте стоит лирическое превосходство. В частности, язык лиризма отличается своей сложностью и особенностями, поскольку лиризм - очень сложная форма познания, выражения и общения. Лирика повествует о глубоких отношениях человека с миром. Следовательно, эта сложная особенность лирической поэзии имеет структуру субъекта (говорящего) и адресата (отправителя) слушателя [89, 115].

Также следует отметить, что стихи обладают эмоциональным воздействием – они отражают чувства говорящего. Кроме того, стихотворение – продукт мышления поэта, который создается в самый чувствительный момент, и роль творческой личности поэта в нем очень велика.

Поэт или писатель – не только рассказчик событий, но также в достаточной степени владеет богатством языка (слова, фразы и другие элементы языка) и знает, как использовать его для оттачивания своего творчества.

Красноречие автора проявляется также в использовании и создании образных выражений, поскольку этот элемент характерен для художественного языка.

Возникает вопрос, каковы элементы образных выражений и на какой основе они присутствуют?

Известно, что в таджикском языке есть два типа выражений - синтаксические и фразеологизмы.

Кроме того, тип фразы, который образуется в результате развития значения слова и метафоризации слов с помощью определенных грамматических элементов, называется метафорическим выражением, которое является более стилистическим, типичным для художественной литературы и не используется в разговоре.

Метафорические выражения в таджикском языке изучены недостаточно. В данном случае лингвисты Б. Камолиддинов [86, 69], Х. Маджидов [99, 18] и другие отметили, что это еще не полностью определяет их лексические особенности и грамматическую структуру.

По поводу группирования этих мнения лингвистов расходятся, то есть, нет единой позиции по определению их образования, значения и конструкции, а также по терминологии этих типов выражений.

Некоторые лингвисты причисляют эти фразы к метафорическим выражениям [53, 5], некоторые относят их к художественной фразеологии [133, 87], другие считают, что они относятся к дополнительным компонентам и другим группам традиционных или образных художественных единиц [99, 19], что приводит к двусмысленности этих фраз.

Б. Камолиддинов относительно лексического образования метафорических выражений, отмечает следующее: «В устной или письменной речи слово выходит за пределы своего обычного диапазона употребления и находит семантическую корреляцию с другими словами. Например, слово «*огӯш* – обнимать – *embrace*» идет со словами «*модар* – мать – *mother*», «*надар* – отец – *father*», «*гарм* – тепло – *warm*» и так

далее, и это основная причина его использования. Но слово «*огӯш – объятия – embrace*» происходит от совершенно чуждых слов и дает образные выражения: «*огӯши Маскав – объятия Москвы – hugs of Moscow*», «*огӯши бешаҳо – объятия лесов – the embrace of the woods*» [86, 69].

Однако законы их языкового образования в таджикском языке до сих пор не установлены. Например, почему слово «*огӯш – объятие – embrace*» может сочетаться со словами «Москва», «леса» и «свет», а не со словами «*дар – дверь – door*», «*сар – голова – head*», «*девор – стена – wall*» и так далее?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо определить законы лексико-грамматического образования образных выражений и языка поэзии в целом.

Лексика и грамматика в языке как термины обеспечивают или регулируют нормы литературного языка. Это особенно верно в отношении лингвистических концепций лексики и грамматики разговорного и литературного языка. Однако, помимо литературного языка, существует еще язык художественной литературы, также имеющий свои нормы. Особые нормы языка художественной литературы – это нормы творчества по отношению к языку, нормы информации (тексты), нормы индивидуального стиля (идиостиля) и нормы стилей особого литературного языка [64, 82].

В таджикском языкознании изучение грамматики языка художественного произведения является основной проблемой языкознания и стилистики. К сожалению, следует отметить, что комплексное исследование в этой области еще не завершено.

Русский лингвист В.П. Григорьев в своей книге «Поэтика слова» о норме языка художественной литературы отметил важный момент, заслуживающий поддержки. Хотя норма имеет обязательный аспект, не допускающий никаких исключений, она никогда не имеет силы закона,

иначе она становится законом и теряет свою нормативную сущность [там же 215].

В целом, в русской лингвистике проводились исследования грамматической категории художественной структуры. Термины «поэтика» и «грамматика» используются достаточно давно, и их связь изначально носила образный характер, а затем стала чисто терминологической [60, 15].

В. П. Григорьев в своих научных трудах поддерживает теории, предложенные Г.Г. Шпетом (Поэтика – широкое понимание грамматики литературного языка и художественной мысли), Л. В. Шерба (Антитезис его собственными словами поддерживает литературную грамматику) [64, 15].

Литературная лексика строится на метафоре, то есть при выражении того или иного понятия поэт учитывает сходство и качественную взаимосвязь предметов. В противном случае смысл, который он выражает, будет нелогичным и неуместным.

Известно, что каждая единица языка является выражением простого и сложного понятия на основе грамматических отношений и в целом является выражением лексического и грамматического значения грамматической формы выражаемого понятия, поскольку язык произведения искусства является особым языком самого произведения искусства и в некоторых отношениях отличается от норм литературного и разговорного стиля речи, то очевидно, что он также имеет свои грамматические особенности.

В связи с этим Я.И. Гин высказал интересную мысль: «Грамматическое значение связано с грамматической формой и даже является ее основным условием, а возможности его выражения по своей сути ограничены к теории языка художественной литературы и ее грамматики» [60, 21].

1.4 Проблема метафоризации в таджикском, русском и английском языках

Выявление межязыковой изоморфности и неизоморфности при изучении той или иной единицы стилистической категории путем языковой инвентаризации и моделирования относится к малоизученной области как лингвистической, так и литературоведческой компаративистики.

Следует отметить, что предмет исследования метафоры не является новым. Изучение метафоры в таджикском языкознании пока еще находится на начальной стадии. В таджикском языкознании метафора изучается лексикологией, начиная со второй половины XX-ого века впервые на нее обратил внимание Т. Зехни в монографии «Санъати сухан (Искусство речи)». В научных трудах и статьях таджикских учёных, таких как Н. Масуми, А. Муминов, К. Тохиров, М. Мухаммадиев, Х. Маджидов, Б. Камолиддинов, Х. Хусейнов, Р. Гаффоров, М. Саломов, М. Мухтори и др. были частично рассмотрены отдельные аспекты метафоризации.

В английской филологии метафора рассматривается с самых различных позиций, что нашло теоретическое освещение и детальное описание в соответствующей литературе. Предмет исследования ограничивается простой речевой метафорой, выраженной именем существительным, так как здесь наиболее четко можно проследить номинативный аспект процесса метафоризации.

В своем классическом определении метафора – это результат одновременной реализации в слове двух типов значения: системного и контекстуального [58, 135].

В ономаσιологическом плане процесс метафоризации рассматривается как результат вторичногоokkaзионального наименования, связанный с вычленением и переносом признака с одного предмета на другой [3, 184].

Под вторичным окказиональным наименованием понимается образное наречение предметов и явлений с помощью языковых средств, уже однажды закрепленных за определением классом денотатов. Выделение и перенос признака, лежащего в основе аналогии, под которым понимается какое-либо сходство между предметами и явлениями, в остальном различными, оказывается ведущим элементом, приводящим к выбору имени. Перенос наименования с одного предмета на другой, человеческое мышление проводит определенную «сравнительную работу», в которой отражается психологический склад нации, общность материальной жизни людей, а также специфика национальной культуры.

Процесс вторичного окказионального наименования, прежде всего, связан с переорганизацией в языковых формах, которая сопровождается нарушением валентности и появлением дополнительной окказиональной сочетаемости слов. Различая понятия валентности и сочетаемости, следует не забывать об их взаимосвязанности и взаимообусловленности: валентные свойства языковой единицы проявляются в ее сочетаемости, а сочетаемость единицы определяется ее валентными свойствами [155, 335]. При неметафорическом употреблении валентные связи слов определены языковыми и внеязыковыми реалиями и опытом человека. В процессе же метафоризации валентность раздвигает свои границы и создает возможность образования того, что называют нарушением семантического согласования, позволяющего обнаружить некоторые неожиданные стороны денотата [112, 184].

Нарушение валентности приводит, в свою очередь, к появлению различных типов по какому-то одному семантическому признаку: одушевленность – неодушевленность, личное – безличное, конкретное – абстрактное.

В метафоризируемом слове, в свою очередь, происходит изменение «семных наборов» как по количеству, так и по качеству семных элементов. В первом случае это «индуцирование» окказиональных сем,

во-вторых – «приглушение» одних и «выдвижение» других, что ведет к явлению перераспределения сем.

Рассмотрим все вышесказанное на конкретном примере в сопоставительном плане.

Ҳарвақта барин пухтакор (дақиқкор, боинтизом) – Punctual to the minute as usual – Пунктуален, как обычно.

Шумо хронометри зинда ҳастед, Мартини – Вы живой хронометр, Мартини – You are an animated chronometer, Martini.

В данных примерах метафоризируется существительное «*chronometer*» в английском языке и «*хронометр*» в русском и таджикском языках. Актуализируется общий признак, на основе которого строится метафора – «*дақиқкори мутлақ – аккуратность, пунктуальность – great exactness*». Актуализируемый признак переносится с узувального денотата «*хронометр*» на окказиональный референт «человек» (Мартини), что приводит в обоих языках к сдвигу денотативной соотнесенности и появлению нового референциального смысла человека, придерживающегося точного времени, на что указывает контекстный сигнал *ҳарвақта барин, одами пухтакор (дақиқкор), як дақиқа ҳам дер накарда дар вақташ омадед*.

Нарушение валентности между *Мартини* и *хронометром* повлияет на семантическое противопоставление узувального денотата окказиональному референту по типу семантической оппозиции «одушевленное – неодушевленное» *Мартини – хронометр*. Указанные процессы сопровождаются окказиональной переорганизацией сем: приглушение архисемы «*instrument*» в английском языке и «*таҷҳизот, асбоб*» в таджикском языке, индуцирование окказиональной архисемы «человек», актуализация дифференциальных сем «*great exactness*», «*сариштакори мутлақ*», соотносящихся с признаком, положенным в основу метафоризации.

Идентичность семантико-ономасиологического механизма метафоризации в анализируемых языках объясняется, с нашей точки

зрения, общностью процесса метафоризации, позволяющей отнести данное явление к семантико-стилистическому изоморфизму. В это же время процесс метафоризации в каждом конкретном языке отличается национальной спецификой, определяемой, с одной стороны, особенностями внутреннего развития национального языка, с другой – характером языкового мышления.

Например: *Агар замин метавонист аз ашки занҳо бордор шавад, аз ҳар қатра ашкашон як аждаҳо зоида мешуд – Если бы земля могла соединиться с женскими слезами, из каждой ее капли родились бы крокодилы – If that the earth could team with woman`s tears, each drop she falls would prove a crocodile.*

Образ «аждаҳо» заимствован из таджикского фольклора.

На примере данного предложения видно, что характер и семантический статус признака выражается разными способами из-за замены номинативного значения метафоры.

В английском языке актуализируется признак *притворный, лицемерный – дуруя, мунофиқ*, соотносящийся с дифференциальной семой *hypocritical* [240, 104].

В таджикском варианте актуализируется признак «убийственный», соотносящийся с потенциальной семой «кушанда», выведенной с помощью многоступенчатого дефиниционного анализа.

Аждар – аждари ганч мувофики ривояти афсонавӣ мор ё аждарест, ки гуё барои мухофизаи ганҷ бар сари он мехобидааст – сказочный дракон, который охраняет сокровища.

Аждаҳо – мори солхурдаи калони афсонавӣ, ки пар баровардааст ва аз даҳонаш оташ берун меояд – старая(пожилая) сказочная змея, которая имеет крылья и задувает огонь .

Афъӣ/Афъо – як навъ мори калони захрнок – один из типов большой и ядовитой змеи.

Ачалгиё – решаи захрноки як навъ гиёҳ, аконит – ядовитый корень один из типов растения.

Гурза/Гарза – навъе аз мори калони захрдор – один из типов большой и ядовитой змеи.

Девмор – аждахо – дракон, сказочная змея.

Ифрит – мавчуди зишт ва нопоки мавфум; дев; ахриман – уродливое существо, демон, злой дух.

Сутьбон – мори бузург; аждахо – большая змея

Мор – хазандаи маъруф, ки навъҳои гуногун дорад ва асосан ба захрдору безахр чудо мешавад – известное насекомое, которое имеет много видов, они бывают ядовитыми и неядовитым [234, 45-70].

Захр – моддаи кушанда; моддаи кушандае, ки баъзе ҳайвонҳо, чун мор, кажум ва ғ. дар бадани худ доранд – яд, убивающий средство, которое некоторые насекомые, змеи и скорпионы имеют в своих телах [233, 527].

Таким образом, выбор признака и его характер в экстралингвистическом плане определяется тем, что представления и ассоциации, связанные с метафорическим знаком, детерминированы социальными, историческими и национально-культурными особенностями, специфичными для разных языковых коллективов.

1.5 Понятия «пространство», «время» и «жизнь» в языкознании

«Пространство» как самостоятельное понятие представлено во всех в том числе в исследуемых нами языках. Концепции пространства появились еще тогда, когда человечество начало размышлять о сущности своего бытия. В большом Русско-таджикском словаре понятие «пространство» переведено следующим образом: *«пространство 1) фазо, чо; безвоздушное пространство – фазои беҳаво, ои беҳаво, чои холӣ; 2) макон, фазо – пространство и время – основные формы существования материи – макону замон шаклҳои асосии мавҷудияти материя мебошанд; 3) чой, фосила, мобайн, миён; пространство между окном и дверью – фосилаи байни тиреза ва дар; 4) чой, масофат, масоҳат, замин, арз, арозӣ; огромные пространства Сибири покрыты лесом – дар Сибир масоҳати калонро бешазор шигол мекунад; мёртвое пространство – чои тирнорас»* [229, 897].

Концепт «пространство» в последние годы стал получать широкое употребление. Например, привычное выражение «в контексте культуры» чаще заменяется «в культурном пространстве», «в пространстве культуры». Сегодня концепт «пространство» употребляется в различных сферах современной жизни человека, можно обнаружить разного рода пространства – «образовательное», «политическое», «геополитическое», «вузовское», «социокультурное», «этнокультурное», «поликультурное», «пространство Пушкина», «пространство Брюсова» и другие.

Пространство – это все, что нас окружает, понятие широкое, включающее в себя относительное и абсолютное пространства. В философии два этих понятия тесно связаны и рассматриваются в одном разделе. Данная часть философии включает в себя следующие основные вопросы: может ли существовать пространство и время независимо от нашего сознания, могут ли существовать пространство и время независимо друг от друга, рассмотрение однонаправленности времени, есть ли в природе временные аспекты, отличительные от настоящего, и

место личности во времени. Не существует времени и пространства, не существует и нас. Время – контролирующая и руководящая энергия, состояние которой не обладает свободой выбора и в жёсткой последовательности выполняет то, что ему задаётся программой свыше.

Время имеет матричную основу, обладает потенциалом и определённым качественным строением, соответствующим конкретному уровню. Физическое время состоит из трёх фаз: прошлой, настоящей, будущей. Время однородно по своей структуре. Оно – триедино, являет собой живую, прогрессирующую структуру и обладает собственной иерархией, в которой порядковое расположение его определяется по величине собственного потенциала. В русско-таджикском словаре под редакцией М.С. Асимова понятие «время» широко определено следующим образом: *«время – вақт; время по Гринвичу – вақт аз рӯи Гринвич; ночное время – вақти шаб, бевақти; рабочее время – вақти кор; свободное время – вақти холӣ; солнечное время – вақти офтобӣ; по московскому времени – бо вақти Маскав; время идёт – вақт мегузарад, руз гузашта истодааст; время летит – вақт зуд мегузарад. 2) фурсат, вақт, пайт; наверстать время – қусури вақти аз даст рафтаро баровардан; провести время – вақтро гузарондан; терять время – вақтро зоеъ кардан; тратить время – вақт сарф кардан; у меня нет времени зайти к Вам – фурсатам нест, ки наздатон дароям. 3) лаҳза, вақт, ҳангом, соат; засечь время-вақтро қайд кардан; всему своё время – (поговорка) ҳар кор вақту соат дорад; 4) фасл, мавсим; времена года – фаслҳои сол; время покоса – мавсими (вақти) дарав; 5) давра, замона, вақт, аҳд; военное время-даврани чанг; дух времени – руҳи (талаботи) замон; не отставать от времени – аз замона қафо намондан. 6) вақт, замон; материя движется в пространстве и во времени-материя(модда) дар ҳудуди замону макон ҳаракат мекунад. 7) грам.замон; настоящее время – замони ҳозира; время от времени, по временам – гоҳ-гоҳ, баъзан; время детское – ҳанӯз барвақт аст; вне времени и пространства – берун аз воқеият, берун аз замону макон, воқеиятро ба назар нагирифта, надо всё делать в своё время – ҳар*

корро дар вақташ кардан лозим аст, на время – ба муддате, муваққатан, время – денги – фурсат ганимат, дам ганимат; время работает на нас – мурури вақт (замона) ба фоудаи мост; время терпит – ҳоло вақт ҳаст; выиграть время-вақтро ганимат ёфтаи (донистан); убить время – руздуздӣ кардан, вақтро беҳуда сарф кардан; аппетит приходит во время еды – посл.иштиҳо зери дандон и так далее» [204, 128-129].

Понятие «жизнь» наряду с понятиями пространства и времени является ключевым для данного диссертационного исследования в выражении значения и служит установлению внутритекстовых семантических связей, организует читательское восприятие.

Понятие «жизнь» в таджикском языке определяется такими словами как зиндагӣ, зист, зиндагонӣ, ҳаёт, умр; «1) **возникновение жизни на Земле** – пайдоиши ҳаёт дар рӯи Замин 2) **Зиндагонӣ, зиндагӣ, ҳаёт, умр, ҷон**; - **жизнь человека** – умри инсон; **жизнь растений** – ҳаёти наботот; **борьба за жизнь** – мояи ҳаёт, мубоица барои ҳаёт; **рисковать жизнью** – ҷонро ба каф гирифтани; **спасти чью либо жизнь** – касеро аз марг халос кардан 3) **ҳаёт**; **общественная жизнь** – ҳаёти ҷамъиятӣ ; **культурная жизнь** – ҳаёти маданӣ; **духовная жизнь** – ҳаёти маънавӣ; **хозяйственная жизнь страны** – ҳаёти хоҷагии мамлакат 4) **образ жизни** – тарзи зиндагӣ (зист, ҳаёт; **деревенская жизнь** – ҳаёти деҳот; **кипучая жизнь** – ҳаёти пурҷӯшу хурӯш; **вести праздную жизнь** – фориғболони рӯз гузаронидан; **жизнь бьёт ключом** – ҳаёт дар ҷӯшу хурӯш аст 5) **Ҳаёт, воқеият, ҳақиқат** – жизнь, бытиё; **провести решение в жизнь** – қарордодро ба амал баровардан; **случай из жизни** – воқеаи зиндагӣ 6) **умр, ҳаёт зиндагонӣ**; **в течение всей жизни** – дар тамоми умр; **всю свою жизнь он отдал науку** – вай тамоми умри худро ба илм бахшид; **при его жизни** – дар вақти зинда буданиш 7) **Зиндадилӣ, бардамӣ, ҳаётдӯстӣ**; **он был весел, полон жизни** – вай шодмону комрон аз зиндагӣ буд 8) **ҷӯшу хурӯш, ҷунбучӯл, ҳаракат**; **в дому уже началась жизнь** – дар хона ҷунбучӯл (ҳаёт) сар шуд. 9) **уст. кас, нафар**; **враг загубил немало жизней** – душман бисёр касонро нобуд кард **вопрос жизни и смерти** – масъалаи ҳаёту мамот;

между жизнью и смертью – байни ҳаёту мамот; *на склоне жизни (дней, лет)* – дар пиронсолӣ, дар айёми пирӣ; *не на жизнь, а на смерть* – ҷонро дарег надошта; ё ҳаёт, ё мамот; и так далее» [тамже, 258].

Слово «*зиндагӣ*» произошло от раннего среднеперсидского слова. *zivandakéh* – *жизнь*; классического персидского слова *zindagi*, *zindagāniy* – *жизнь*; дары *zindagi*, *zindagani* – *жизнь*; современного персидского *zendegi*, *zendegāniy* – *жизнь*; таджикского слова *zindagi*, *zindagoniy* – *жизнь*; бохтарские (диалекты юго-западной группы, юго-запад Ирана). *zindegūni* – *жизнь*; и ларская группа диалектов *zendegi* – *жизнь* [222, 110].

Анализ слова-имени концепта *жизнь* показывает, что данное слово образовалось в русском языке с помощью суффикса «-знь» от древнерусского глагола *жити*. В древнерусском языке слово *жизнь* имело два значения: «жизнь, оживление» и «имущество». Значение «имущество» сохранилось в современном слове *пожитки*. Древний русский глагол *жити* означал «*существовать, пастись, кормиться, обитать*». Глагол *жити* восходит к праславянскому «*ziti*», которое имеет индоевропейский корень *gei/ goi/ gi* «жить», восходящий к древнеиндийскому «двор, дом», греческому *bios* «жизнь» и латинскому *vivus* - живой» [232, 404].

В английском языке слово «жизнь» переводится как «*life*». В энциклопедии всемирной книги (The World book encyclopedia dictionary) приведены следующие определения данного понятия: **Life** (lif), n, pl. lives (livz). «**1** **a.** *living* – *жить* – *зиндагӣ кардан, зистан*; *being alive* – *быть живым* – *зинда будан*; *quality that people, animals, and plants have and that rocks, dirt, and metals lack* – *качество, которое есть у людей, животных и растений и которого не хватает камням, грязи и металлам* – *сифате, ки одамон, ҳайвонот ва наботот доранд ва сифате, ки ба санг, металҳо ва лойю гил хос нест*: например; *Life is shown by growing and producing* – *Жизнь проявляется в росте и производстве* – *Ҳаёт дар афзоиш ва тавлид пайдо мешавад*: *A stone is without life. Life is seen in organized bodies only, and it is in living bodies only that organization is seen (Ronald Knox).* – *Камень без*

жизни. *Жизнь видно в живых организмах. – Санг мурда аст(чон надорад). Ҳаёт танҳо дар организми зинда дида мешавад. b. a state, existence, or principle of existence conceived as belonging to the soul, especially in Biblical and religious use – состояние, существование или принцип существования, воспринимаемый как принадлежащий душе, особенно в библейском и религиозном использовании – ҳолат, мавҷудият ё принсипи мавҷудияти мансуб ба рӯҳ тасаввуршуда, алахусус дар истифодаи Китоби Муқаддас(Инҷил) ва дигар китобҳои динӣ.: the spiritual life, eternal life – духовная жизнь, вечная жизнь – ҳаёти рӯҳонӣ, ҳаёти абадӣ. 2) The time of being alive – Время быть живым – вақти(ҳангоми) зинда будан; existence of an individual – существование человека – мавҷудияти одам: a day of one's life, a short life, food enough to sustain life – день из жизни, короткая жизнь, еда, достаточная для поддержания жизни – як рӯзи ҳаёт, умри кӯтоҳ, барои зинда мондан хӯрок басанда аст. 3). the time of existence or action of inanimate things – время существования или действия неодушевленных предметов – вақти мавҷудият ё дар ҳаракат будани чизҳои бечон: a machine's life – жизнь машины – умри нақлиёт. The life of the Roman Empire was long – Жизнь Римской империи была долгой – Умри империи Рум дароз буд. 4) a living being; person – жизнь, персона, человек: Five lives were lost – Пять жизней(человек) было потеряно – Панҷ нафар чон бохт(Панҷ нафарро гум кардем). 5) Living beings considered together – Живые существа вместе взятые: The desert island had almost no animal or vegetable life – На необитаемом острове почти не было ни животных, ни растений – Дар қазираи беодам на ҳайвонот дида мешуду на наботот»[241, 264].*

Таким образом, в процессе сравнений и сопоставлений понятия «**ЖИЗНЬ**» в рассматриваемых языках мы убедились, что слова и выражения сходятся друг с другом и в прямом, и в переносном (метафорическим) смыслах.

Несмотря на то, что исследованию и изучению проблемы концепта посвящена обширная научная литература, она еще далека от своего

разрешения. Существует множество определений концепта, но в них означенный объект слабо дифференцирован от понятия и значения слова. Согласно В.А. Маслову «Проблема их дифференциации – одна из самых сложнорешаемых и дискуссионных в теоретическом языкознании наших дней» [102, 113]. Этот факт объясняется тем, что концепт не дан исследователю в непосредственном восприятии, отсюда и различные его толкования. Так, Ю.С. Степанов, по сути, отождествляет значение, концепт и понятие, и констатирует, что: «понятие (концепт) – явление того же порядка, что и значение слова, но рассматриваемое в иной системе связей; значение – в системе языка, понятие в системе логических отношений и форм, исследуемых как в языкознании, так и в логике» [155, 13].

В изысканиях лингвистов при трактовании их структурных характеристик высказывается мысль об использовании либо терминов ядра и периферию либо посредством выделения признаков концептуальности [130, 59].

Для первого направления формирования конфигурации концепта обуславливают концепты одноуровневые, включающие лишь понятийное ядро, и многоуровневые, область периферии которых содержит зону интерпретацию, включающую оценку и трактовку концептуального ядра восприятием индивида, в том числе концепты однородные, в сегментации которых наблюдается основной пласт, обрамленный равнозначными по уровню отвлеченности сегментами. Ю.С. Степанов неоднократно упоминает концепты, включающие слоистое строение, где каждый слой выглядит результатом культурной жизни разных эпох [там же, 335]. По мнению М.В. Пименовой, необходимо различать в строении концепта базовые, понятийные, символические, функциональные, оценочные и образные показатели [127, 184-209]. Понятийные показатели (вместе с базовыми и символическими) играют центральную роль при структурной организации концепта, их считают ядром или основой. Согласно анализу

внутренней структуры, слова-репрезентанты концепта определяются базовыми показателями. Посредством анализирования слова в контексте его логического значения, выявляются понятийные характеристики. При этом учитываются слова-синонимы к репрезентанту. Признаки, относящиеся к мифологии или какому-либо ритуалу, определяются как символические.

Разнообразные позиции относительно формулировки концепта имеют возможность интеграции на базе, которую можно выразить детерминированным критерием, являющимся опорой в нашем диссертационном исследовании:

1) концепт включает в себя концепцию об аспекте действительности с позиции как определенно-личностной, так и общественной;

2) концепты по отношению к понятиям могут быть обдуманно и прочувствованы;

3) концепт имеет свойства вербальности в языке, с учётом данного критерия связан с семантикой;

4) концепты подразделяют на универсальные и уникальные, которым свойственна констатация национально-культурной особенности концептов;

5) учитывая национальную самобытность концепт можно считать компонентом культуры.

Для лингвиста, который осуществляет исследование концепта, большой интерес имеют работы, где анализируется его структура. Изучение его структурных особенностей, которые относятся к разным культурам, позволяет определить их национально-культурную специфику. В настоящее время лингвисты различают ряд компонентов концепта. В труде З.Д. Поповой и И.А. Стернина рассмотрена развернутая структура концепта. В состав этой структуры включаются: образ, информационное содержание, интерпретационное поле [130, 59].

В его содержание входят признаки, регламентированные роли, где в большей степени актуальным критерием является ядро, а менее актуальные характеристики у периферии.

Следовательно, в качестве рабочей дефиниции понятие «концепт» предложим определение, что концепт – это опорный компонент получения, осмысления, хранения и передачи знаний. Данная оригинальная структура ментальной деятельности личного и общественного знания обладает лингвистическим выражением и наблюдается в лингвокультурной самобытности. Концепт представляется в виде результата взаимодействия лексического значения слова с личной компетенцией индивида и общественной рецензией. Он включает в себя понятийный, образный, эмоционально-оценочный и экспрессивный пласты.

Ипанова О. А. в своей кандидатской диссертации выделяет 11 критериев лингвокультурных концептов: «1) слово-имя концепта должно быть высокочастотным; 2) слово-имя концепта должно содержать активную производящую основу; 3) слова-репрезентанты должны входить в состав устойчивых идиоматических конструкций.

Слова – репрезентанты концепта *жизнь* включаются в состав большого числа устойчивых идиоматических конструкций. Данный признак и наличие оценочных предикатов доказываемость *переживаемости* концепта **жизнь**, который, безусловно, выступает *мировоззренческим ориентиром* для носителей языка, *понятием жизненной философии*»[84, 24].

По мнению А.М. Пешковского, «идея бытия (существования) занимает важное место в духовном мире человека. Мысль о бытии чего-либо есть самая общая и самая элементарная в мыслительном аппарате человека, нельзя мыслить что-либо в плоскости небытия» [125, 21]. Процесс жизни общества основывается на общедоступных и закономерных условиях, и большей частью индивид осознает их без каких-либо затруднений в толковании. Первым условием или

универсальной предпосылкой является обычная констатация факта, что мир существует «здесь и сейчас», в данном мире присутствует, то есть живёт (обитает) сам человек. Первоначально жизнь осознаётся как «форма существования материи», что отображению в исходном значении одноименного существительного, обозначающего этот концепт [98, 304].

Из других определений считаем необходимым привести высказывания современных российских и зарубежных ученых-лингвистов, таких как Челиков и Селье. Согласно первому, «жизнь есть способ существования специфически гетерогенного материального субстрата, универсальность и уникальность которого обуславливают целесообразное самовоспроизведение всех форм органического мира в их единстве и многообразии» [63, 168]. Согласно мнению известного канадского биолога Г. Селье: «Жизнь – это процесс непрерывной адаптации организмов к постоянно изменяющимся условиям внешней и внутренней среды» [150, 176].

Обеспечение стабильности архитектоники и свойств основных структур организма при влиянии разнообразных природных факторов и условий окружения аналогичной адаптации. Принцип стойкости и эффективности любого индивидуума отражен в адаптации.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля трактуется значение однокоренных слов с вершиной-словом *жизнь*: «Жизненный – к жизни относящийся. Жизненное дерево. Жизненность – сила жизни в ком или в чем, живые или жизненные силы. Жизнедеятельность – почти то же: силы, животворящие плоть, прах, сила орудная, животная и растительная. Жизнедатель, жизнеподатель, жизнедавец-тот, кто дает жизнь, животворит. Жизне(о)дательный-животворящий. Жизнеописание, жизнеописатель, жизнеписатель-описывающий чью-либо жизнь. Жизнеописательный – содержащий в себе описание жизни или к сему делу относящийся. Жизне(е)любивый человек или жизнелюбец – кто любит жизнь, боится утратить ее,

животолобивый. Жизно(е)носный – живо(то)носный. Жизне(о)творный – животворный. Жизнеточный – животочный» [213, 439].

«Большой толковый словарь современного русского языка», под редакцией Д.Н. Ушакова, приводит 13 значений, в их числе самыми предложительно употребительными в русском языковом понимании выделяются следующие доминанты:

Жизнь – это:

1. существование
2. функционирование.
3. определенный период.
4. окружающий мир.
5. уклад (образ жизни).
6. достаток.

Единично используются такие характеристики жизни как:

Жизнь – это

1. энергия.
2. счастье.
3. судьба (биография) и другие [226, 394].

Сама жизнь в общепризнанном понимании диктует как норму своё трактование в виде: «счастье, энергия, внутренняя свобода, полнота духовных и нравственных сил». С учетом русского склада национального характера жизнь, безусловно, оценивается человеком высоко «что наша жизнь? – Игра» - знаменитое крылатое выражение, заимствованное и использующиеся с начала XIX века, отражает другую грань в понимании значения слова «жизнь» среди писателей русского языка. В их понимании «жизнь» некое соревнование, игровой квест, где можно либо одержать победу, либо проиграть все без остатка. Победа в состязании, результат целедостижения не всегда складывается из деятельности человека, иногда это подарок от жизни, возможно и рок судьбы или ее ирония. В связи с чем, в репрезентациях когнитивных признаков, в так называемых ассоциатах языка, концепт «жизнь» ассоциируется с лотерей.

В «Кратком русско-английском фразеологическом словаре» слово *жизнь* отождествляется следующими явлениями: «загадочным (*be*

another/ one of life's great mysteries), либо зрелищем (*be all part of life's rich pageant/ tapestry*). Жизнь мыслится как «место или объект строительства», ее как строение можно построить, или превратить в нечто ужасное (*make/ start one's own life, make somebody's life a hell*). Жизнь соотносится со знанием, т. е. ее можно изучать, повторять (*see life*). Жизнь имеет «большую силу» (*the power of life*); она может быть как путь (*the way of life*); жизнь отражается как высшая ценность («*life is a value*»): *as much as one's life is worth, for dear life, hang/ hold on (to something/ someone) for dear life. За жизнь отчаян, но сражаются («flee/fight/ ride/ run for one's life/ for dear life, be fighting for your life»)*, ею рискуют (*take one's life in one's hands*), ее спасают (*save one's life*), она является «всем» (*be somebody's (whole) life*)» [212, 544].

Наряду с этим А.И. Осипов отмечает, что «образная составляющая концепта «жизнь» формируется системой концептуальных метафор, которые отражают национальный образ мышления, его чувственное восприятие мира» [120, 92].

Определив перед собой цель – обозначить и предопределить сущность, характерные особенности жизни, авторы художественных поэтических произведений демонстрируют личностное представление о многообразных вопросах и проблемах жизни, выражая свое собственное суждение, что дает возможность оценить понятие «жизнь» с разных ракурсов, выявить её суть и многогранность содержания, отраженных в языке. Данный аспект доказывает безбрежность и сложность жизнеустройства, в свою очередь, многообразность концепта «жизнь» говорит нам, что это основополагающий концепт культуры.

В творчестве таджикских поэтов «жизнь» предстает в виде разных природных явлений: *дарё – река – river, роҳ – дорога – way, road, паранда – птица – bird, шамол, бод – ветер – wind, куҳҳо – гора – mountains, бино – здание – building, растани – растения – plant* и многое другое. Следующие строки подтверждают наши высказывания:

«Наливай нам вина, ибо жизнь – быстротечна,

Ибо все остальное на свете – слова!»[162, 41].

Или

«О, глупец, ты, я вижу, попал в западню,

В эту жизнь быстротечную, равную дню» [тамже].

В этих строках концепт «жизнь» отображается текущая река.

В другой строке она отображена как ветер:

«Дай мне чашу вина! Ибо мир этот – сказка,

Ибо жизнь – словно ветер, а мы – словно пух» [тамже, 50].

В английском языке также «жизнь» представлена в разных ракурсах, это и «пространство» и некий сосуд – вместилище. Например: «*life is a container*» такое значение заключено в следующих выражениях: *be settled in life* – быть устойчивым в жизни – устувор будан дар ҳаёт, *be in someone's life* – быть в чьей-то жизни – дар ҳаёти касе будан (бо касе будан), *begin (enter) life* – начать (войти в) жизнь – ҳаётро оғоз кардан, *bring to life* – воплотить в жизнь (родить) – ба дунё овардан (таваллуд кардан), *galvanize into (to) life* – оживить (к) жизни, , *raise to life* – возродиться к жизни, *depart (from) this life* – уйти из этой жизни – аз ҳаёт чаши пушидан. Само слово *life* в английском языке образовано от древнеанглийского *life* (dative *lif*) «одушевленное телесное существование»; время жизни, период между рождением и смертью; история человека от рождения до смерти, письменный отчет о жизни человека; образ жизни (хороший или плохой); состояние бытия живого существа, противоположное смерти, духовное существование, переданное Богом через Христа верующему, из протогерманского «*leiban*» (источник также древнескандинавского *lif* *life*, *body*) жизнь, тело, «древно Саксонского *lif*» *life*, *body*, древнеголландского, *lijf* *body*, «древнегерманского *lib*» *life*, «Германского *Leib* *body*»), «собственно» продолжение, упорство.

Образность «*life is a being – жизнь это существо – ҳаёт ин будан аст*» обладает способностью выражать влияние эмоций: испуг, болезнь

перед страданиями, душевные терзания (*bother – беспокоиться – хавотир шудан, harass – тревожить – безобита кардан, nag – ворчать – гур-гур кардан, plague – plague – фалокат, worry the life out of somebody – беспокоиться чьё-то жизни – хавотир шудан аз ҳаёти касе, frighten/scare the life out of someone – испугаться/бояться за чьё-то жизнь*). А также покушение: *seek somebody's life*. Удавить или вызвать удушье: *chock the life out of somebody*. Защитить, уберечь: *escape with life and limb*.

По мнению Ю.Д. Апресяна, любой национальный язык – это «отражение определенного способа концептуализации (восприятия и организации) мира, при этом значения, которые выражаются в языке, формируют единую систему взглядов, представляющую собой некую «коллективную философию», которая «навязывается» всем носителям данного языка в качестве обязательной» [9, 464].

По мнению О.Б.Абакумова, «языковая картина мира – это зафиксированное в семантике языка (его лексике, фразеологии, грамматике) знание о мире, которое сложилось у представителей данного лингво-культурного сообщества в период становления языковых форм их национального языка» [1, 89].

Выводы к первой главе

Из анализа темы можно сделать вывод, что метафора как языковое понятие в формировании и эволюции трех элементов языка – смысловых слов, фразеологизмов и метафорических выражений имеет общую позицию в выражении разных концептов.

Как выявлено в исследовании первой главы, метафора более широко используется в языке, чем в ее первоначальном значении, и исследователи предоставили различную интерпретацию об этом явлении.

Метафора как термин играет важную роль в литературоведении и лингвистике в сфере искусства и творчества писателей.

Высказывание Мухаммада Гийосуддина: «мачоз зидди хақиқат аст – метафора противоречит истине», является спорным.

Поскольку метафора известна как лингвистический термин, отсюда следует, что у нее есть свои собственные способы выражения и характеристики, которые мы обсуждали во второй части первой главы и описали способы метафорического выражения.

Нами также обнаружено, что метафора – это развитие правописания слов на лексико-грамматическом уровне. На первый взгляд лексическая структура метафоры кажется простой, но если рассмотреть ее глубже, можно заметить, что это очень сложная категория, в которой взаимосвязаны сходства слов, а иногда и их отклонения от первоначального значения.

Анализ морфологической структуры метафорических выражений показал, что на этом уровне языка предпочтение определено больше существительным и прилагательным.

Синтаксическая структура виртуальных выражений предполагает, что в данной области виртуальные выражения с двумя элементами языка – творческими (синтаксисом) и метафорическими, которые позволяют нам отделить это понятие от других лингвистических категорий и рассмотреть его отдельно.

Следует отметить, что с точки зрения синтаксической структуры метафорических выражений, исследователи придумали различные термины (метафорические выражения, метафорические связи, художественная фразеология, наречия, образные единицы).

Данное понятие выразительнее обозначать метафорическими выражениями. При анализе синтаксической структуры возникла нормативная проблема, то есть виртуальные выражения иногда не соответствуют определенным языковым нормам с точки зрения их структуры и нелогичны с позиции своей исходной семантики.

Таким образом, мы пришли к выводу, что в языке, помимо семантического выражения слов (лексического и грамматического), существует еще переносное значение слов, которое формируется в результате лингвистической связи слов с лексическим и грамматическим значениями, которое требует дальнейших исследований.

Таким образом, можно резюмировать, что теория концептуальной метафоры рассматривает соотношения между концептами «*пространство*», «*время*» и «*жизнь*» и исследует относительно устоявшиеся концептуальные отношения. Опираясь на когнитивный подход, можно представить функции языка и, естественно, его связь с окружающим миром, раскрыть некоторые закономерности его функционирования.

Образы, которые мы видим или припоминаем, взаимодействуют с нашей системой метафор. Метафора представляет собой один из важнейших доступов к концептуальной картине мира, так как поиск аналогии, лежащей в основе метафоры, является главным методом обыденного сознания.

В данной диссертации концепты *пространство*, *время* и *жизнь* являются одним из центральных компонентов в структуре представления человека и являются универсальной моделью во многих языках мира.

ГЛАВА II

МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ОСВЕЩЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ПРОСТРАНСТВО», «ВРЕМЯ» И «ЖИЗНЬ» В РАЗНОСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКАХ

2.1 Метафоры понятия пространства в исследуемых языках

Метафоры пространства стали предметом обсуждения в ряде исследований, также были предложены формулы метафорической концептуализации времени и жизни как в таджикском, английском, так и в русском языках. Дж. Лакофф и М. Джонсон отмечают: «Понятийная система языка заключается в том, что вокруг небольшого количества понятий, исходя из опыта человека, появляются новые и могут образовывать в свою очередь новый круг понятий» [198, 696]. Для каждого языка данные ключевые понятия являются опорными, изображающими пространственные критерии (*боло – верх – up/поён – вниз – down/ дар пеш – впереди – ahead / дар пушт – позади – behind* и т. п.), комплекс понятий материально-бытовой направленности (например: *целостность, вместилще*) и ряд сопоставимых личных поступков и деяний (например: *трапеза, деятельность*). Метафоричны по своему характеру те понятия, что проявляются не благодаря нашему багажу знаний, а лишь объединены в комплексе основных понятий на базе нашего опыта. Зачастую можно наблюдать характерный трансфер свойств области-источника в зону цели таких распространенных метафор.

В таджикском языке слово *пространство* переводится как: *фазо, чо, макон, фосила, мобайн, масоҳат* и т.д., но основными его эквивалентами являются лексемы *фазо* и *фосила* (Например: *Барои гирифторони дарди ишқ фазои хонаву берун якест – Для влюблённых пространство внутри и на улице одинаково – For lovers, the space inside and on the street is the same*).

Слово *фазо*, имеющее арабское происхождение – *الفضاء*, на таджикский язык переводится как *холигӣ* – *пустота* – *emptiness*. В свою очередь, слово *фазо* имеет метафорическое определение *дунё* – *мир* – *world* [234, 624]. Это значение можно наблюдать в таджикской художественной литературе, преимущественно – поэтической. Например:

*Чи мураккаб дар ин фазо, чи басит,
Ҳаст хукми фано ба ҷумла муҳит* [тамже, 842].

*Как тяжело и как легко в этом просторном мире,
Где существует приговор смерти для всех людей.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

В приведенном отрывке великий таджикский поэт Джами отмечает, что в этом бренном мире все смертны, независимо от того, богатым или нищим является человек, кем бы он ни был. Или в другом стихе Хокони говорит:

*Аҷзот чун ба пой шабу руз суда шуд,
Товон талаб макун зи қазо дар ин фазо* (Ш. Хоқонӣ) [233, 951].

*Все тело терзали днём и ночью,
Силу не требуй от судьбы в этом мире.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Ш. Хокони в данных стихах говорит о том, что в этом мире не надо ни на кого надеяться и человек должен сделать всё своими силами.

В случае если перевести слово *пространство* как *ҷо* или *макон* на таджикский язык, то можно привести следующие стихи в виде примера из таджикской художественной литературы.

*Дар бешае, ки мераваму мекунам қарор,
Берун зи қаҳтсол шаванд аҳли он макон* [тамже 426].

Сайидои Насафӣ

*Там, куда я поеду и останусь пожить,
Голода не будет в том же месте*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Или:

*Гофил манишин, ки роҳ реш аст,
Бигзар, ки **ҷои зист** неш аст*[тамже].

Бадриддин Ҳилолӣ

*Не сиди, сказав, что дорога плохая,
Иди вперед, **жизнь впереди!*** (подстрочный перевод наш-Ш.С.).

В таджикском языке слова: *рост* – *right* – направо и *чап* – *lef* – налево имеют тот же смысл, как в английском языке, например: *Худоё ба ман роҳи ростро нишон деҳ* – *Боже, укажи мне верный (правильный) путь* – *God show me the right way*. Этого можно отметить и в стихах таджикских поэтов. Например:

*Агар ҷаннат рави рав дар **раҳи рост**,
Ба чап моил машав, ки дузах онҷост* [183,480].

*Хочешь пойти в рай, иди (**направо**) **правильным путём**,
Не поворачивайся налево, потому что там ад.*

*If you want to go to heaven go (**right**) **the right way**,
Do not turn to left because hell is there.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

В данных стихах поэт говорит о том, что рай зависит от наших благих дел, а если мы грешим и совершаем зло для окружающих, то в конце нас ждёт ад.

Или:

*Ҳаст неку зоҳираш, чун ҳаст неку ботинаш,
Оина чун **рост** бошад, **рост** бинмояд хаёл* [233, 348].

Амир Муиззӣ

*Если хороша внешность, то будет хороша и душа,
Ровно стоящее зеркало покажет **правильную** мысль.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

А. Муиззий отмечает, что те, у кого красивая внешность и культура, у них душа тоже чистая и они не таят зла на окружающих.

В английском языке также используются метафоры, обозначающие пространство: *to build castles in the air* – дар ҳаво қасрҳо бунёд кардан – *построить замки на небесах*, *to have a special place in smb's heart* – дар дили касе ҷои махсус доштан – *иметь особое место в чьем-либо сердце*, *to come to the point of conclusion* – ба сари мақсад омадан – *прийти к цели*, *to be caged by depression* – сахт афсурдаҳол шудан – *быть сильно расстроенным*, *to be on the edge of death* – қариб мурдан – *быть на грани смерти* и др. Можно привести примеры с подобными пространственными метафорами на английском языке, и сравнивая их с русским и таджикским языком, сделать вывод, что они имеют те же значения в сравниваемых языках. Например: *at school you do not need to be just a brave, active and happy person, in order not to build castles in the air, you need to improve the real life of yourself and your students* – «в школе нужно быть просто смелым, активным и счастливым человеком, для того, чтобы **не строить воздушные замки**, а улучшая реальную жизнь себе и ученикам»[90, 150]. – дар мактаб шумо танҳо як шахси ҷасур, фаъол ва хушбахт будан басанда нест, то ин ки дар ҳаво қасрҳо бунёд насозед, зиндагии воқеии худ ва шогирдонатонро беҳтар кардан лозим меояд. В данном примере на английском и русском языках выражение: *to build castles in the air* - *построить замки на небе* имеет одно и то же значение, а на таджикский язык оно переводится не как: *сохтани қасрҳо дар ҳаво*, а *орзуҳои амалиношудани* – *не сбывшиеся мечты*. Наряду с этим, пространственная метафора: *to have a special place in smb's heart* – *дар дили касе ҷои махсус доштан* – *иметь особое место в чьем-либо сердце* даёт одинаковое значение во всех сравниваемых языках. Например: *Фарҳод ҳамеша дар дили Ширин ҷойи махсусе дорад* – *Фарход всегда занимает особое место в сердце Ширин* – *Farhod will always hold a special place in Shirin's heart*.

По мнению Дж. Лакоффа, «люди в своих рассуждениях об абстрактных понятиях зачастую пользуются метафорами и в этих общеупотребительных метафорах более конкретные понятия служат для характеристики более абстрактных»[76, 213]. В русском языке метафоризируются едва ли не все названия пространственных объектов.

Известно, что источником метафор, как правило, являются слова, актуальные на определенном этапе общественного развития. Е. О. Опарина считает, что «способность метафоры выражать мировидение проистекает из связи ее образного основания с категориями культуры – символами, стереотипами, эталонами, прототипическими ситуациями» [117, 25]. Таким образом, метафоры пространства и времени тесно связаны и являются распространенными во многих языках.

Необходимо рассмотреть сущность понятий времени и пространства для того, чтобы перейти к природе их метафоризации. Пространство как категория языка является фундаментальным понятием человеческого мировосприятия, оно отображает разноплановый характер существования нашего бытия, его разнообразия. Пространство – это множество предметов, объектов, явлений в окружающей нас действительности.

Характеризуют три дистанционных пояса понятия пространства в зависимости от расстояния предмета описания от говорящего: *наздиктарин – ближайший – nearest (дар наздикии – вблизи – near, дар наздикии-поблизости-nearby), дур – дальний – further (дар дури – вдалеке – far away, дар дури – вдали – far away), промежуточный (невдалеке, неподалеку)*. Противопоставленность слов с семантикой расстояния непосредственного восприятия отчетливо ощущается, например, его функции виднее в следующем контексте: *Аз дури/на аз дури калисо хуб намоён нест – Вдалеке/невдалеке виднеется церковь плохо – Far / not far the church is seen poorly: Аз наздики калисо намоён аст – Вблизи видна церковь – Near the church is visible*; плохо потому, что предикат предполагает взгляд на предмет описания с расстояния большего, чем задает

показатель ближайшего пояса. *У аз дури деҳаеро дид, ки аз чор ё панҷ хавли иборат буд.* – Он увидел недалеко деревушку, состоящую из четырех или пяти дворов [132, 67]. – *He saw not far off a village consisting of four or five courtyards*». Здесь также едва ли уместно использование «вблизи» как показателя ближайшего дистанционного пояса.

Е.С. Яковлева в своей книге «Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)» говорит о пространственных словах, которые для сравнения мы добавили в таджикский и английский переводы следующее: «Слова со значением функциональной, а не перспективной близости – *дар наздикии – близости неподалеку – proximity nearby, дар наздикии – поблизости – nearby* не привязаны жестко к какому-либо одному месту. Конкретный характер их дистанционного прочтения определяется и тем, что именно они описывают: *дар наздикии занбур гингос карда истодааст – поблизости жужжит пчела – a bee buzzing nearby – расстояние одно; дар наздикии дарё шавиув мекунад-поблизости шумит река – nearby the river is noising – расстояние другое. Если задаться целью измерения расстояний, описываемых абсолютными показателями, можно увидеть, что отсутствие у говорящего непосредственного восприятия способствует «приближению» к нему предметов описания. Высказывание «*Чангал дар наздикии мо аст – У нас лес неподалеку – We have a forest nearby*» может описывать расстояние до леса больше, чем, фраза: «*Дар наздикии мо чангалро дидем – Неподалеку мы увидели лес – Nearby we saw a forest*». Эффект приближения в данном случае объясняется тем, что в первом случае речь идет о функциональной близости, а во втором – просто констатируется визуальное восприятие» [188, 152]. Ю.Д. Апресян отмечает, что «возможность употребления неподалеку на коротких расстояниях может определяться и тем, заполнено или не заполнено пространство между говорящим и объектом описания какими-либо однородными предметами» [9, 464]. Если заполнено, то объект может описываться с более короткой дистанции: *Иван дар наздикии ман**

нишастааст (дар наздикии ман баъд аз якчанд одам) – *Иван сидит неподалеку* (через несколько человек от меня) – *Ivan is sitting nearby* (a few people from me). В отличие от остальных дистанционных поясов, ближайший не обязательно предполагает горизонтальную ориентацию объектов. По мере сокращения расстояния между объектом и говорящим признак горизонтальности утрачивается, и в непосредственной близости от говорящего допустимо употребление слов *поблизости, вблизи* относительно сферической окрестности (*Поблизости жуужжит пчела*).

В английском языке выделяют следующие группы пространственных метафор, которые используют для характеристики настроения, внутренних переживаний героев. Например, переживание эмоций – движение в пространстве по вертикали. Глагол *elevate* – *баланд кардан, бардоштан* – *повышать* (*elevated mood* – *кайфияти хуш* – *повышенное настроение*) показывает улучшение настроения персонажа, в то время, как глагол *descend* – *паст шудан* – *понижаться* (*a really bad mood seems to have descended on this world* – *дар ҳақиқат кайфияти нохуш ба монанди дунёи вайрона аст* – *на самом деле плохое настроение-это как разрушенный мир*). Пространственные метафоры движения по горизонтали в предложении «*The right choice is made by him* – *У интихоби дуруст кард* – *Он сделал правильный выбор*» слово *right*, которое с английского языка переводится как «хороший», и как «движение направо», создает ассоциативный ряд: *right* – *good* (*пост* – *хуб*), *left* – *wrong* (*чан* – *бад*).

На основании изложенного в данном параграфе необходимо сделать вывод о том, что описание явлений мира в пространственных понятиях является характерным для разных культур и языков. Как пример, нами рассмотрены пространственные метафоры в русском, английском и таджикском языках. В таджикском языке данные категории метафор практически не исследованы лингвистами. Но в рамках практической работы выделены данные метафоры в разговорном и литературном таджикском языке, которые представлены в

диссертационном исследовании ниже. Метафоры пространства отображены в русском, английском и таджикском языках в важнейших этапах картины мира: *жизнь, смерть, судьба, общество* с его социальной иерархией, нравственными понятиями, качественными и количественными характеристиками.

2.2 Метафоризация понятия времени в сравниваемых языках

Время – контролирующая и руководящая энергия, состояние которой не обладает свободой выбора и в жёсткой последовательности выполняет то, что ему задаётся программой свыше. Был предложен ряд формул метафорической концептуализации времени как в таджикском, английском, так и в русском языках. Дж. Лакоффа и М. Джонсона отмечают: «Понятийной системе языка заключается в том, что вокруг небольшого количества понятий исходя, из опыта человека появляются новые и могут образовывать в свою очередь новый круг понятий»[197, 696]. Время имеет матричную основу, обладает потенциалом и определённым качественным строением, соответствующим конкретному уровню. Физическое время состоит из трёх периодов: *прошлого, настоящего, будущего*. Прошлое и будущее время существует только для земного и нижележащего миров. Высшие меры пребывают только в настоящем времени, которое имеет другое строение, нежели на земле. Время обладает обособленной конструкцией матрицы, предназначенной для содержания в себе других типов матриц, которым оно предоставляет возможность двигаться, развиваться. Время однородно по своей структуре. Оно – триедино, являет собой живую, прогрессирующую структуру и обладает собственной иерархией, в которой порядковое расположение его определяется по величине собственного потенциала. Иерархия объединяет разные временные единицы (состояния) в систему совершенствующихся показателей.

В современную эпоху управлять временем теперь пытается человек, а не наоборот. Все эти сложные и многообразные взаимоотношения человека со временем помогают нам охарактеризовать метафоризацию категории времени. И такие взаимоотношения со временем характерны не только для русского этноса, но и для рассматриваемой нами таджикской, русской и английской культур. Ярким примером является

название романа В. П. Катаева «Время, вперед!» или стихи таджикского поэта Хабиба Юсуфи:

*Вақти он аст эй қалам буррандатар гарди зи тег,
Вақти он аст эй сухан гуррандатар гарди зи барқ.*

*Настало время, мой карандаш, отныне стань острее меча,
Настало время, песнь моя, рази и бей, гремя как гром [179, 16].*

*It's time pencil to be sharper than a sword,
It's time to word to be noisier than lightning.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Современный таджикский поэт Озарахш также в своих стихах пишет о времени. Он считает, что время подобно живому существу и тех, кто напрасно его тратят называет убийцами (времени):

*Садои соати девор менолад ба марғи вақт,
Азизон вақт ҳам ҷон дошт қотилҳо намедонанд[114, 37].*

*Звук настенных часов плачут к смерть времени,
Убийцы не знали что время тоже имел жизнь.*

*The sound of the wall clock weeps for the death of time,
The assassins did not know that time also had life.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Это как призыв к развитию, прогрессу. Однако желание человека на свободное строительство жизни и совместное со временем движение вперед обернулись несоответствиями в концепции понятия «время», то есть возникли противоречия в употреблении слов времени: предстоящий (= будущий) и предыдущий (= прошедший). Ведь время недоступно прямому восприятию, его модели изменчивы и порой противоречивы. В этом его отличие от категории пространства.

Обратившись к современным представлениям о категории времени в таджикском, русском и английском языках, следует отметить, что они по структуре сложны и многообразны. В Словаре таджикского языка (Фарҳанги забони тоҷикӣ) под редакцией М. Ш. Шукурова, В. А. Капранова, Р. Хошима, Н. А. Маъсуми дано следующее определение времени – вақт:

Слово **вақт** от арабского языка وقت в таджикском языке имеет значение *гоҳ-время, ҳангом – время, ҳиссае аз замон-промежуток времени, соатҳои муайяни шабу рӯз-определённые времена дней и ночи*, а также в данном словаре приведены следующие метафорические выражения **времени**:

а) вақти истиво – ними руз, қиём – полдень, например: *Лаишқари Низомшоҳ аз субҳ то вақти истиво доди мардӣ ва мардонагӣ медоданд (Таърихи Фаршита). – Армия Нозимшоха с утра до полдника сражалась. – The army of Nozimshoh fought from morning to afternoon.*

б) мавсим – сезон, фасл – время года, например:

Дӯстон, вақти гул он беҳ, ки ба ишрат кушем,

Сухани пири мугон аст: ба чон май нушем[182, 147].

В этих стихах Ширазия выражению *вақти гул* придаёт метафорический смысл *бахор – весна*, в данном случае поэт имеет в виду время года.

в) вақти бор, вақти хосилдиҳӣ – сезон сбора урожая, например:

Агар муҳолифи ту раз нишонанд андар боғ,

Ба вақти бор ано бардиҳад ба ҷои инаб[108, 94].

Поэт Фаррухи Систони под выражением «*вақти бор*» имеет в виду *сезон сбора урожая*, то есть «*вақти бор*» – это *осень* (время года).

г) замон – время, пора, период, эпоха, аҳд – период, давр – время, круговорот времён, например:

*Гуфтам, ки на вақти сафарат буд чунин зуд,
Гуфто, ки магар маслиҳати вақт чунин буд*[182, 147].

*Сказал я, что сейчас не время для поездки,
Ответил, что это было советом времени.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

В данных стихах Хафиз говорит: **вақти сафар** – **время поездки** и метафорически **маслиҳати вақт** – **совет времени**, что в прямом смысле невозможно [233, 246].

В «Русско-таджикском словаре» под редакцией М.С. Асимова понятию времени дано широкое определение, которое нами было отмечено в первой главе диссертации.

Анологично и в словаре-энциклопедии всемирной книги (The World book encyclopedia dictionary) английского языка понятию **времени** дано весьма широкое определение:

1) **Time** (*tim*) – *время – вақт, all the days there have been or ever will be; the past, present, future – все дни были или когда-либо будут; прошлое, настоящее, будущее, например: a rose-red city half as old as time (John William Burgon) – розово-красный город, наполовину старый как время – шаҳри сурхранги гулоби ба монанди замон куҳан аст.*

2) *a part of time – часть времени – як лаҳза, як қисми вақт; A minute is a short time. He was away from home for a long time. Remember that time is money (Benjamin Franklin) – Минута – это короткое время. Его долгое время не было дома. Помните, что время – деньги – Як дақиқа ин вақти кӯтоҳ аст. Ҷ мӯддати дароз дар хона набуд. Дар хотир доред ки вақт ин пул аст.*

3) *a period of time; epoch; era; age – период времени; эпоха; эра, возраст – (як)мӯддат, давр, эра, вақту соат; in the time of the Stuart kings of England – во времена Стюарта короля Англии – дар замони Стюарт, подшоҳи Англия; b. a period of life; years of living; lifetime – период жизни; годы жизни – давраи зиндагӣ; солҳои зиндагӣ;*

4) *any specified or defined period; period in question* – любой указанный или определенный период; рассматриваемый период – ҳар як давраи муайян ё муайянишуда: *He was with us the whole time* – Он был с нами все время – Ё тамоми вақт бо мо буд.

5) *term of imprisonment, enlistment, apprenticeship, etc.* – срок лишения свободы, призыва, учёбы и т.д – мӯҳлати ҳабс, шогирдгирӣ ва ғ.:

6) *long time* – долгое время – мӯҳлати тӯлонӣ: *What a time it took you!* – Сколько времени это заняло у вас! – Чи қадар вақти шуморо гирифт!

7) *a particular point in time; hour of the clock* – конкретный момент времени; час времени: *What time is it? – Который час? – Соат чанд шуд? At what time do you go to bed? – Во сколько (часов) вы ложитесь спать? – Шумо соати чанд хоб мекунад?* [242, 265].

Таким образом, нами были рассмотрены определения данных понятий, с приведением примеров в русском и таджикском языках, был проанализированы их близость в рассматриваемых языках.

Время есть мера движения и изменения. Это ассоциируется с пониманием времени как всепорождающей и всеуничтожающей сущности в мире. В связи с выявленным многообразием и сложностью категории времени в лингвистике можно объяснить наличие огромного количества его многогранных характеристик. С учётом различного рода процессов движения время подразделяется на астрономическое, биологическое, геологическое, историческое, механическое, социальное, психологическое, физическое. Следуя нынешней научной теории время дифференцируют как объективное (физическое) и субъективное (психологическое), историческое, художественное, библейское и другие. Также выделяют две группы времени: концептуальное и перцептивное. Время определяют как циклическое, то есть постоянство регулярных повторов однотипных событий и как линейное, то есть движение вперед и в одном направлении. Вселенское время упорядочивает жизненный уклад и хозяйственную практику общества складываясь из солнечных и лунных циклов. Последовательность происходящих событий

обуславливает историческое время. Безусловна и неопровержима универсальность апперцепции понятия «время» во всех культурах, включая таджикскую, русскую и английскую, что характеризуется осознанием череды светлого и темного дежурства суток, элементы которых – день, ночь, утро, вечер системно повторяются. Периодично возобновляются и другие составляющие времени – весна, лето, зима, осень и т.д. Понятие времени согласуется с тем, кто испытывает его на себе, с его оценкой, с его восприятием.

Сегодняшнее поколение исследователей выдвигают два типа времени и две базовые методики формирования концепта времени: активная и созерцательная. Созерцательный концепт времени гласит, что человеческие поколения рождаются, в будущем стареют и покидают мир, уходя в прошлое. Современный тип времени отличается процессом движения человека вперед в будущее. Следовательно, нынешнее поколение времени можно считать активным методом. Согласно этому пониманию, необходимо прилагать усилия, чтобы попасть в будущее. Созерцательный подход связан с традиционным пониманием, то есть человек находится в позиции наблюдателя, движется из прошлого в будущее без усилий.

Необходимо отметить взаимосвязь понятий времени и пространства как основных концептов мироокружения человека, его метафорическое воссоздание. Данная взаимосвязь обусловлена философскими, историческими и собственно языковыми причинами которая наблюдается в таком языковом переходе: значения языковых форм имеют тенденцию развития в двух направлениях, таких как место и время, время и место. Установленный срок времени определяется расстоянием, а расстояние обусловлено сроком: *To deҳai mo ду соат роҳ аст – Наша деревня находится в двух часах езды – Our village is two hours away.*

2.3. О соотношении понятий «время» и «пространство»

Понятие «время – пространство» – историческая данность. Это подтверждается тем, в частности, что многие временные концепты русского языка первоначально являлись пространственными: тыкать – стык, угол – сутки, что означает поворот во времени, смену одного дня другим и находит свое подтверждение в значении древнерусского слова сутки – слияние, место, где сходятся границы. Приводимое в Толковом словаре живого великого русского языка В. И. Даля данное определение подтверждает предыдущее высказывание: время – это «пространство в бытии» [213, 39]. Также взаимосвязь в пространственно-временных категориях обладает философским подтекстом. С философской точки зрения данная взаимосвязь свидетельствует об одушевлении мира, описываемого языком времени. Этот мир становится «вещным», наделяется человеческой сущностью. В то время как пространство как категория, которая является близкой человеку, воспринятая им, принимая признаки времени, становится более духовным. Данная пространственно-временная взаимосвязь выражает присутствие временных параметров в пространстве, и наоборот, и тем самым вызывает особый интерес у лингвистов. Это связано с тем, что она имеет широкое распространение в русской поэзии [там же, 439].

Приведём пример из стихотворения *Сивилла – младенцу* Марины Цветаевой.

*«Из днесь – В навек,
Час, а может быть – неделя»* [171, 93].

*Аз алхол то абад,
Як соат ё ҳафтае.*

*From Here – To Forever,
An hour, maybe a week* (подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Или:

*«Но для нее не существует **время**,
И для нее **пространства** в мире нет» [18, 161].*

*Барои у вақт вучуд надорад,
Ва барои у фосилае нест.*

*But for her, there is no such thing as **time**,
And for her, **space** also disappears*(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Наречия, заканчивающиеся суффиксом – *о*, не имеют взаимосвязи с конкретным физическим пространством, а также их динамичность дают возможность описывать с их помощью временные расстояния. Классическим примером такого использования пространственных показателей могут служить следующие строки из Апокалипсиса: *Ва ба ман гуфт (Фаришта) суханҳои наёмбариро дар ин китоб сабт наkun: чунки вақт наздик аст – И сказал мне (Ангел): не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко – «And the (Angel) said to me: Do not seal the words of the prophecy in this book; because the time is near» [201, 1263].*

Т.В. Цивьян указывает, что «исконность идеи пространства в ряде важных понятий, относящихся к движению, а через движение переходящих в другие сферы, или другие коды. В другие коды переключаются именно слова, обладающие семантикой движения» [173, 390].

*«Начало было так далёко,
Так робок первый интерес»[123, 108].*

*Аз аввал он қадар дур буд,
Буздиле, ки нахуст шавқ мекунад.*

*The beginning was so **far**,*

So timid first interest(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Или:

«Еще *далёко асфodelей*,

Прозрачно-серая весна» [тамже, 124].

Still far asphodels,

Transparent gray spring(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Е.С. Яковлева также в своей книге говорит о том, что в силу малой своей динамичности едва ли способны описывать временную близость (приближение событий) фразы типа: *Идхо наздиканд – Праздники рядом – Holidays are nearby; Имтихонхо наздиканд – Экзамены рядом – Exams are nearby*. Что же касается конкретно-пространственных показателей «окрестности говорящего», то они ни при каких условиях не могут быть осмыслены в другой системе координат. Праздники *близко/далеко* при невозможности: Праздники *поблизости/неподалеку*. Таким образом, *свобода* от связи с физическим пространством может подразумевать описание:

- а) бытийного квазипространства;
- б) пространства инобытия;
- в) переключение в систему временных координат [188, 110].

Если рассматривать пространство и время не как самостоятельные, независимые, самоценные и объективные сущности, а видеть в них некие формы, в которые облекается человеческое созерцание (время – это «внутреннее созерцание», форма, в которой человеческий разум постигает явления, а пространство – это внешнее априорное созерцание»), то при пересмотре понятия пространства, транспозиция значения в другой диапазон, отличительный от «пространства», происходит только в последнем случае. Сам смысл пространственности остается в двух первых значениях, испытывая только реорганизацию, как бы «освобождаясь от «тяжести» физической конкретики (б), поляризуясь и оцениваясь (а). Соответствующие модификации могут лишать

пространство протяженности, непрерывности, равноценности частей. Прилагательные близкий/далекий (и их краткие формы) употребляются по преимуществу в переносном значении. Начнем с тех случаев когда они описывают время. Примеры:

*«В этой бездонной лазури,
В сумерках близкой весны.
Плакали зимние бури,
Реяли звездные сны»*[38, 86].

*Дар ин осмони лочвард,
Дар ин шоми баҳорӣ.
Гиристанд туфонҳои зимистон,
Париданд хобҳои ормонӣ.*

*In this bottomless blue sky,
At dusk of near spring.
Winter storms cried,
Soared star dreams*(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

*«И пророча близкое ненастье,
Низко-низко стелется дымок»* [18, 161].

*Пешгуикунон ҳавои борониро
Паҳн мешавад оҳиста-оҳиста туман*

*And forecasting near bad weather
Low-low creeps smoke*(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

*«Молчит сомнительно Восток
Повсюду чуткое молчанье...
Что это? Сон иль ожиданье,*

И близок день или далек» [160, 220].

*Шарқ шубҳанок хомуш аст
Ҳама ҷо хомушии Ҳассос аст...
Ин чист? Хоб ё ки интизорӣ
Ва рӯз (-и марг) наздик аст ё дур?*

*The East is silent doubtfully
Sensitive silence is everywhere...
What is it? Dream or expectation
And the day is near or far? (подстрочный перевод наш-Ш.С.).*

*«Вам жить, а мне не очень,
Тот близок поворот» [19, 53].*

*Шумо зистан мехоҳеду, ман на он қадар,
Ҳамон гардиш наздик аст.*

*You want to live, but I don't really,
That turn is near(подстрочный перевод наш-Ш.С.).*

Прилагательные в приведенных выше примерах, за исключением последнего, имеют отношение к понятию события (сумерки, зима и так далее). А вот прямое значение слова «поворот» не принадлежит ни к одному событийному ряду. К тому же подобный сугубо «пространственный» поворот нельзя понимать в качестве близкого или далёкого. В данном понимании он может быть либо далеко, либо близко.

Смысловое движение понятия пространства обуславливается «собираением», «освоением» пространства человеком. Смысловая одушевленность пространства существования в нем человека практикуется при анализе категории пространства. При сравнении концепта пространства с понятием времени оно легче воспринимается

человеком. Чтобы осознать данный концепт необходимо всего лишь *открыть глаза, оглядеться вокруг, протянуть руки* и т. п. Мы можем наблюдать пространственное одушевление в его привязке к человеку: *у подножия горы, горный хребет, горловина, рукав реки.*

Пространство, формируясь вокруг человека, инсталирует себя в качестве центра макро и микрокосмоса. Таким образом, сам человек находясь в центре мироздания, является близприлегающим кругом микрокосмоса. Анатомические значения организма человека, а также его навыков, его деятельности, созданных им предметов, употребляются в пространственном контексте. Анатомические наименования тела употребляют при выражении компонентов каких-либо объектов (горловина вулкана и того подобного). Выражение *«родиться в рубашке»* означает быть счастливым, удачливым. Его история связана с тем, что рубаха у славян в древности исполняла роль чудотворного оберега и существовал обычай хранить детскую сорочку.

Если проанализировать нашу речь, то можно осмыслить насколько глубоко мы позволяем времени метафорически влиять на наш опыт. Насколько разнообразны метафоры времени, которые мы употребляем в повседневной речи для образности. Тем самым мы неосознанно создаем себе некоторые ограничения. В подтверждении этого приведем несколько наиболее распространенных метафор с предположениями об ограничении времени:

- время - это дефицитный товар – никогда нет времени;
- у времени есть физическая форма и энергия – время работает против нас;
- время можно найти – я не могу найти на это времени;
- время может предпочитать чью-то сторону – время на нашей стороне;
- время ни с кем не считается – время никого не ждет.

Таким образом, представления современного человека о времени сложны и многообразны. Время в мировосприятии человека предстает в

двух образах: как последовательный цикл одинаковых событий, иначе круговорот жизни (циклическое время), и как постепенное движение в одном направлении (линейное время). Время в мире понимается как всепорождающая и всеуничтожающая сущность, так как оно является мерой движения и изменения. Метафоры, которые мы используем каждый день, чтобы выразить свои отношения со временем, могут казаться вполне безобидными, тем не менее, это влияет на наше поведение. Метафорическая речь, которую мы используем, является фильтром восприятия времени, это отражается на нашем поведении.

Автор данного диссертационного исследования на материале предложений из художественной литературы трёх сравниваемых языков в данном разделе охватывает всесторонним анализом слова, стимулирующие лексико-семантические понятия «пространство» и «время», при необходимости строит модели их ассоциативных полей, осуществляет выверку данных ассоциативных полей, описывает их структуру, выявляет ядра, а также ближнюю, дальнюю и крайнюю периферии.

2.4 Метафорические представления слова «жизнь» в таджикском, русском и английском языках

Наши обычные понятия в некоторой степени конструируются на базе метафоры, эта структура проявляется в языке, воспринимаясь с буквальной точки зрения. Понятие «жизнь» является одним из ключевых в выражении смысла данного диссертационного исследования. Понятие «жизнь» в качестве объекта исследования обусловлено рядом причин. Понимание жизни, отношение к жизни в любой лингвокультуре – это ориентир поведения человека, который устанавливает этноспецифические нормы и стереотипы общения, определяет ментальность носителей языка.

Образная составляющая концепта жизни, на наш взгляд, генерируется строением концептуальных метафор, иллюстрирующих мировоззрение и менталитет нации:

1. Метафора вместилище: жизнь – вместилище.
2. Жизнь – это игра.
3. Субстанциальные метафоры: жизнь – река, жизнь – воздух, жизнь – вода.
4. Жизнь – это бремя.
5. Театральная метафора: жизнь – театр.
6. Жизнь – это фрукт
7. Жизнь – это календарь.
8. Конструктивная метафора: жизнь – это здание, строение.
9. Пространственные метафоры: жизнь – тире (дефис), жизнь – путь, жизнь – пространство.
10. Информационные метафоры: жизнь – книга, жизнь – фильм.
11. Рецепторные метафоры: вкусовая, цветовая, световая, тактильная, жизнь – чувства.
12. Техническая метафора: жизнь – механизм.
13. Метафора движения.

14. Научная метафора: жизнь – наука.

В работе Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живём» разработан когнитивный подход к метафоре [76, 256]. В ней также выдвинут тезис о том, что метафоры частично структурируют наши обыденные понятия и что эта структура отражается в языке, понимаемом с буквальной точки зрения. Для дальнейшего утверждения выдвинутого тезиса в данном труде приводятся метафоры и наборы обычных выражений, представляющих случаи реализации этих метафор.

Жизнь – это вместилище – Хаёт – ин зарф (махзан)аст – Life is a container.

Аналогия «жизнь – это вместилище» ассоциируется как чашка, коробка и как некий объем:

«В жизни, как в чашечке кофе, есть и сладость сахара, и горечь гуци. Как ни фильтруй, ни процеживай, без них кофе не кофе» [148, 94].– Хаёт мисли зарфи(ниёлаи) қаҳва аст. Дар он ҳам ширини шакар ва ҳам дурда мавҷуд аст. Чӣ тавре, ки положиш накунед бе онҳо қаҳва қаҳва шуда наметавонад – Life is like a cup of coffee, there is both the sweetness of sugar and the bitterness of the thick. No matter how you r filter it, coffee is not coffee without them.

«Жизнь человека – как тарелочка фирни. Кто бы что ни говорил, белого в ней все равно больше. А темные полосы – временное» [тамже 113]. – Хаёти инсон мисли табақе аз фирнӣ аст. Касе ки чизе ҳам гӯяд, дар он сафедӣ боз ҳам зиёдтар аст. Ва рахҳои торик муваққатӣ мебошанд. – Human life is like a plate of firni. Whoever says anything, there is still more white in it. And the dark stripes are temporary.

Жизнь – это игра. – Хаёт – ин бозӣ аст. – Life is a game

Real life is the game that – literally – everyone is playing. But it can be tough (O. Emberton). – Хаёти ҳақиқи ин бози аст, бозие, ки ҳама бози мекунанд. Аммо ин душвор буданаиш мумкин аст – Реальная жизнь – это игра, в которую – в буквальном смысле – каждый играет. Но она может быть жесткой[252].

Человеческую жизнь часто называют игрой, потому что каждому человеку в жизни отведена своя роль. Кроме того, данная метафора жизни основана на эмпирическом сходстве. Она предполагает то, что поступки в жизни рассматриваются как игра, а возможные последствия поступков воспринимаются как результат игры: *выигрыши или проигрыши*.

Рассмотрим следующий пример:

Ҳаёт – ин бозиест, ки дар он нақишо барои мо пешакӣ тайёранд...вале саҳнаи ниҳоиро мо ҳама вақт метавонем ба он тавре, ки мехоҳем, бозӣ кунем... муҳим он аст, ки дар лаҳзаи лозимӣ интихоби дуруст намоем – Жизнь – это игра, в которой роли для нас заранее предопределены... но вот финал мы всегда можем переиграть под себя... главное сделать правильный выбор в нужный момент... – Life is a game in which roles are prepared for us in advance ... but here we can always replay the ending for ourselves ... the main thing is to make the right choice, at the right time ... [252].

Жизнь называют порой стратегической игрой, потому что отдельные ситуации в ней могут быть подчинены заранее обдуманному плану, который придумал человек.

«Мир я сравнил бы с шахматной доской:

То день, то ночь... А пешки? – мы с тобою» [162, 84].

Омар Хайям сравнивал жизнь с шахматной доской, а сынов адама с пешками на ней. В полемику с ним вступает Дж. Оксенхам, английский поэт рубежа XIX-начала XX веков, который считает, что:

«A Chequer-Board of mingled Light and Shade?

And We the Pieces on it deftly laid?»[103, 10].

Согласно высказанной Оксенхамом мысли, озвученной в стихах, каждый человек волен быть творцом своей судьбы, а удача опирается только на способностей: «No Pieces we in any Fateful Game».

Другой пример, американский современный поэт и спортивный обозреватель Г. Райс сопоставляет игру в американский футбол с человеческой жизнью: «... *in his dream she saw the Field o Fame/Where he would buck to glory in the swirl of Life's big game*» [там же, 11]. – *во сне она увидела Поле Славы / Где он будет сражаться, чтобы прославиться в водовороте большой игры Жизни – вай дар хоб Майдони Шӯҳратро дид / Дар он ҷое, ки барои дар маъхази бози бузурги ҳаёт маишӯр шудан мубориза бояд мебурд.* Лексика данного примера, относящаяся к спортивной игре и отражающая прямые значения («field – поле – майдон», «team – команда – даста», «goal – очко – хол», «game – игра – бозӣ»), свзаимосвязана с абстрактными значениями «life – жизнь – ҳаёт» и «fame – слава – шӯҳрат».

Жизнь как шахматы – клеток много, правильный ход – только один, а в результате – ничья [186, 5]. – Ҳаёт ба монанди бози шоҳмот аст – хоначаҳо бисёранд, интихоби дуруст фақат яктост, аммо дар охир натиҷа дуранг аст. — Life is like chess – there are many cells, the right move is only one, and as a result – a draw

В заключительной части вышеприведённых примеров нами изображен целостный ряд так называемых «речевых формул – speech formulas», или «устойчивых выражений – fixed-form expressions», или «фразовых лексических единиц – phrasal exicalitens». Зачастую они исполняют роль отдельных слов, и в лексике их насчитывается более тысячи. В приведенных фразеологических оборотах каждый из них имеет согласованность и располагает самостоятельным метафорическим концептом, несмотря на то, что в совокупности любого из примеров можно назвать воплощением метафоры *жизнь – игра*. Данные аллегории часто употребляют относительно самого бытия, исключая азартные игры. В рассуждениях о событиях жизни они также естественны, как: *construct – строить, создавать – сохтан* – в обсуждениях теорий. Именно в этом смысле мы относим их к так называемым буквальным выражениям, структурированным метафорическими концептами.

Наблюдаются и другие метафоры, основывающиеся на: *равии* – *ход* – *movement, course*, ярко отражающем семантику пространства. Два словосочетания: *равиии пайвастаи хаёт* – *привычный ход жизни* – *the usual course of life* и *равиии муқаррарии аёт* – *привычное течение жизни* – *the usual course of life* считаются синонимичными.

Между временем и наблюдающим за ним концептуализируется процесс времени как осознанное пространственное движение. Модель движения времени в пространстве взаимосвязана с временным концептом в виде объемного пространства.

Человек, шагает по дороге жизни, после себя, оставляя след:

*«Казалось, час его кончины,
Ждал знак условный в небесах.
Чтобы слететь, и в миг единый,
Из человека сделать – прах!
Ужель степная лишь могила,
Ничтожный в мире будет след.
Того, чье сердце столько лет,
Мысль о ничтожестве томила?»* [95, 703].

*It seemed the hour of his death,
Waiting for a conditional sign in heaven.
To fly off, and in a single moment,
To make of man – dust!
Really steppe only grave,
There will be a trace in the world.
The one whose heart is so old,
Was the thought of insignificance languishing?*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Как утверждал М. Горький, «Героев на час и героев на день у нас было много, но они не оставили особенно яркого следа в жизни и,

несмотря на бесспорное мужество подвигов, не могли заметно изменить ее тягостных условий» [247, 10].

*«Жизнь великих нам покажет,
Как возвысит жизни тон.
И, покинув мир, оставит,
Долгий след в песке времён»* [106, 95].

*The life of the great will show us.
How to raise the tone of life.
And leaving the world, leave.
Long track in the sand of time*(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

По мнению многих лингвистов, не без причины утверждающих «равнинное» мышление людей, употребление возвышенной метафоры можно наблюдать в любой из сфер бытия, будь то само время, пространство или течение жизни с её фазами для человека – индивидуума. Время, выражаясь в языке пространственностью, визуализируется образностью движения в горах (с горы, в гору): *время катится под уклон, достичь вершины лет, пик развития, не за горами*, – что указывает на единство пространства и времени.

Надо отметить, что в сопоставляемых языках, водная тематика метафоры также часто наблюдается.

Нередки и метафоры, которые основаны на восприятии водного *Течение жизни – течение времени* – это одно из самых используемых. Эта метафора созвучна с совокупностью качественных свойств, в частности, течение бурное, быстрое, однообразное, или плавное, серое, стремительное, утомительное и другие.

*«Аз манзили куфр то ба дин як нафас аст,
В-аз олами шак то ба яқин як нафас аст.
Ин як нафаси азизро хуш медор,
К-аз ҳосили умри мо ҳамин як нафас аст»* [162, 49].

*«От безбожья до бога – мгновенье одно,
От нуля до итога – мгновенье одно.
Береги драгоценное это мгновенье:
Жизнь – ни мало ни много – мгновенье одно»*[тамже].

*From doubt to clear assurance is a breath?
A dearth from infidelity to faith;
O precious breath enjoy it while you may,
Tis all that life can give, and than comes death*[тамже].

Жизнь может ассоциироваться с рекой:

«Жизнь – эта быстрая река, сносит течением, и все тут дела...»
[121, 110-119]. – *Ҳаёт – ин дарёест тезгузар ва ҳама чизро бо мочарояи мебарад... – Life is such a fast river, blows away by the current, and that's all ...*

«Зиндаги дарёст, дарё бигзарад» [181, 308]. – *Жизнь – река, и она течет. – Life is a river and it flows.*

«The river and the garden have been the foundations of my economy here»
[255]. – *Дарё ва бог асоси хоҷагии ман буданд. – Река и сад были основой моего хозяйства.*

Образность бездны в художественном стиле характеризует глубину (дальность) прошлого, бесконечность времен: *бездна, веков, дней, лет:*

*«Нет никогда моей, и ты ничьей не будешь,
Так вот что влекло сквозь бездну грустных лет.
Сквозь бездну дней пустых, чье бремя не избудешь,
Вот почему я – твой поклонник и поэт!»*[39, 244].

Жизнь и ее течение (застой) во все эпохи сопоставлялась течением с рекой, с морем или плаванием: *по реке жизни, в житейском море*. Образ море или океана в понимании жизни присутствует с характерной для него символикой: рифамы, скалы, пучина, острова, для образа реки характерной быстрое течение, смывающее все:

Характеристики лексемы *жизнь* взяты из примеров средства массовой информации (примеры метафорических употреблений приводятся в ограниченном количестве).

Чаще всего лексема *жизнь* употребляется в качестве субъекта. Под термином «субъект» обозначается тот актант, с позиции которого говорящий смотрит на представленное в высказывании положение дел. Например, в предложении *Саша посадил дерево* субъектом является *Саша*. По мнению Дж. Волкова, различаются следующие разряды субъектов: «1) субъект передвижения; 2) субъект воздействия и субъект-каузатор; 3) субъект обладания или получения (субъект-владелец и субъект-реципиент); 4) субъект речи; 5) субъект ментальных операций; 6) субъект-потенциальный агенс; 7) субъект-носитель человеческого (эмоционально – ментально-этического) признака или состояния; 8) субъект – объект неконтролируемой ситуации» [51, 82].

Присвоение субъектных ролей словом *жизнь* олицетворяет его. О жизни говорят, что она *меняется* или *меняет* кого-то, *ждет* кого-то или, наоборот, никого *не ждет*. У жизни есть *образ*, и с ней даже можно *встретиться лицом к лицу*, что означает воспринять ее такой, какая она есть. Дж. Волкова полагает, что «Если сложить вместе все субъектные роли, в которых выступает лексема *жизнь*, то получится, что за последние 10 лет среднее количество использования таких метафорических выражений составляет 4524 раза в год» [там же, 82]. Таким образом, данные метафорические обороты занимают первое место по широте своего употребления.

Слово *жизнь* способно выступать в разных субъектных ролях. Самой частотной из них является роль субъекта передвижения. *Жизнь* может *идти*, *бежать*, *спешить*, *лететь*, *сталкивает*, *мчаться*, *притормаживать* и *ускоряться*. Хотя *жизнь* иногда как будто *останавливается*, но чаще всего она все же *не стоит на месте*. Изредка *жизнь* принимает роль субъекта движения, который может *шагать* или *катиться* (вперед). Довольно часто *жизнь* играет роль «водного»

субъекта передвижения. Она: *течет, бурлит, кипит и бьет ключом*. О жизни говорят, что она *бьёт ключом* тогда, когда человеческая жизнь протекает бурно и активно.

*«Жизнь сталкивает человека
С обстоятельствами жизни и людьми»*[91, 16].

Ҳаёт шахсро бо душвориҳои ва одамони дигар ру ба ру месозад - Life pushes a man with the circumstances of life and other people.

Ҳаёт ҳам бо ту ва ҳам бе ту давом меёбад. – Жизнь течет (продолжается) с тобою и без тебя. – Life flows on within you and without you [253].

Выражение *жизнь катится*, вызывает ассоциацию, что *жизнь – это колесо*, которое пребывает в постоянном движении. В виде доказательства приведём пример из стихов Кузнецовой В.В:

*«Они – ступени жизни, которая
Катится по горке то вверх, то вниз.
Вверх идти сложнее, нужны усилия и воля,
Вниз катиться легче и беззаботней,
Важно, чтобы не очень радоваться скорости,
Которую набрали, ибо можно всё свалить,
И уничтожить на своем пути»*[там же, 18].

Довольно часто лексема *жизнь* выступает в роли субъекта воздействия и субъекта – каузатора. В данной позиции она может диктовать, учить, показывать, воспитывать, привести, наградить, одарить и закружить. А также она в некоторых случаях способна *бросить, отнять, создать, породить, задушить, определять, менять и играть*.

*«Ҳарки н-омухт аз гузашти рӯзгор,
Низ н-омузад зи ҳеҷ омӯзгор»* [138, 51].

*«Тех, кто жизнь прожив, от жизни не научится уму,
Никакой учитель в мире не научит ничему»[252].*

*Those who live life, from life will not learn the mind,
No teacher in the world will teach anything.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

В этих строках концепт «жизнь» выступает в роли воспитателя. Здесь намывается, что сама жизнь и ее тягости являются невидимым воспитателем.

*«Так только может измениться человек,
Уча уроки, становиться мягче,
Понимая нужды других людей,
Проблем у которых не меньше.
Поэтому молиться нужно людям,
Благодаря святых и ангелов
За помощь, за уроки, что жизнь даёт им
В избытке щедрости своей»[91, 16].*

Здесь лексема **жизнь** выступает в роли учителя, диктующего свои правила. Жизнь воспитывает и учит нас бесцеремонно и жестоко. Но считать себя хорошими учениками можно тогда, когда, пройдя испытания, пережив удары судьбы, мы остаемся самими собой, не утрачивая прежних качеств.

О жизни говорят, что она воспитывает тогда, когда с течение обстоятельств или ход жизненных событий заставляют человека поступать правильно, согласно каким-то определенным законам, а не по его собственной прихоти.

Жизнь умеет доказывать, требовать и убеждать.

«У всякого человека в отдельности и у всех вместе есть, можно сказать, известная цель, стремясь к которой они одно избирают, другого избегают. Жизнь требует движения»[79, 15]. – Хар як шахс дар алоҳидагӣ

ва дар маҷмуъ ҳаммаи одамон як мақсаде доранд, бо ноил шудан ба яке дигараширо аз ҷдаст медиҳанд – Each person individually and all together has, one might say, a certain goal, striving for which they choose one thing and avoid the other. Life requires movement.

Мо ақибмондагиатонро таваккал мекунем, барои он ки шумо аз таваккал рӯй гардондед. Худи ҳаёт низ таваккалро тақозо мекунад – Мы стоим на пороге регрессии, потому что вы отказались рисковать. Так что жизнь требует рисков. – «We stand the risk of backwardness, because you refused to take risks. So life demands risks»[255].

Таким образом, жизнь выступает в качестве одного из участников коммуникации, позиция которого по отношению к (воображаемому) адресату либо выше адресата (т. е. требовать или приказывать может только вышестоящий).

Жизнь – это бремя. – Ҳаёт ин фишор (гаронӣ) аст – Life is a burden.

Есть все основания полагать, что уподобление жизни тяжкому бремени впервые встречается в Библии [196], например, в следующих контекстах, в которых жизнь людей связана с бременем болезней, неприятностей и т. п.

«I myself alone bear your cumbrance and your burden, and your strife?»[196, 1:12].

«Как же мне одному носить тягости ваши, бремена ваши и распри ваши?»[36, 1:12].

«Земная жизнь – это война. Мы тягости бремя несем, покуда нас не остановит время» [254].

*«Thirty-three years have I but gone in travail
Of you, my sons; and till this present hour
My heavy burden ne'er delivered» [256, 88].*

*Мне тридцать три года, но ушел в муках
Из-за вас, сыновья мои; и до сего часа
Мое тяжелое бремя не сброшено.*

Здесь говорится о бремени, которое несет каждый человек на протяжении своего жизненного пути; это несчастья и невзгоды, с которыми неизбежно связана земная жизнь.

Баъди вафоти падару модар тамоми бори зиндагӣ ба дӯши Садриддин меафтад[17, 93]. – После смерти отца и матери, все тягости жизни взял на себя Садриддин. – *After the death of father and mother, all the burdens of life were taken on by the Sadriddin.*

В этом предложении показана тяжелая жизнь одинокого Садриддина. Слово «тягость» является синонимом слова «бремя» и выступает в качестве понятия жизни.

Жизнь – это театр. – Хаёт ин театр аст.– Life is theater.

«All the world's a stage,

And all the men and women merely players;

They have their exits and their entrances...

And one man in his time plays many parts»[256, 88].

Весь мир – театр,

В нем женщины, мужчины – все актеры.

У них свои есть выходы, уходы,

И каждый не одну играет роль.

Каждый из нас живет своей жизнью, и каждый из нас актёр своей жизни. Мы играем роль в ней, а когда меняется цель, меняется и роль.

В некоторых предложениях встречаются слова, которые относятся к лексеме театр, но употребляются со смыслом «жизнь», а именно сцены и роли:

Нақши зан модар дар ҷомеа – Роль женщины в обществе – The role of women in society.

На протяжении долгих столетий женщина выступала исключительно хранительницей домашнего очага, тогда как все виды соприкосновения с внешним миром брал на себя мужчина. Женщина в

современном таджикском обществе имеет совсем иной статус и призвание, у нее появились другие ценности и потребности, которые заставляют пересмотреть взгляды на роль женщин в современном мире.

Понятия «театр» и «спектакль», выступающие в качестве *метафор жизни*, характеризуются в основном только словами (самый) «замечательный» и «сплошной». Данные характеристики показывают, что **жизнь** – это на самом деле какое-то необычное и небывалое природное явление.

«Жизнь подобна играм: иные приходят на них состязаться, иные — торговать, а самые счастливые — смотреть; так и в жизни иные, подобные рабам, рождаются жадными до славы и наживы, между тем как философы — до единой только истины» [79, 86]. – Ҳаёт ба монанди бозиест(нақшест): баъзеҳо барои рақобат омадаанд, гурӯҳи дигар барои савдо ва аз ҳама хушбахттаринҳо барои тамошо; дар ҳаёт баъзеҳо ба монанди гулом, баъзеи дигар ҳасуд таваллуд мешаванд ва танҳо файласуфон ҳама барои ҳақиқат зиндагӣ мекунанд – Life is like games: some come to compete, others come to trade, and the happiest ones come to watch; so in life, others, like slaves, are born greedy for fame and profit, while philosophers - to the only truth.

«Жизнь — как пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна» [тамже, 298]. – Ҳаёт мисли бозӣ аст: муҳим нест, ки он дароз бошад, балки хуб бозӣ карда шуданаи муҳим аст – Life is like a play: it is not important whether it is long, but whether it is well played.

Или: *«Жизнь как пьеса в театре: важно не то, сколько она длится, а насколько хорошо сыграна» [тамже, 310]. – Ҳаёт мисли нақшофарӣ дар театр аст: муҳим нест, ки чиқадар дароз давом кунад, муҳим он аст, ки хуб гузарад – Life is like a play in the theater: it is not important how long it lasts, but how well it is.*

«Жизнь – это фрукт» (Ҳаёт ин мева аст – Life is a fruit).

«Все фрукты на земле имеют свой вкус, некоторые из них можно с легкостью очистить, а некоторые сложно».

На примере этого предложения можно понять, что, прожив свой век, человек встречается с счастьем и горем, но в конце все же наступает смерть.

Ҳаёт – ин меваи дарахти норинҷ аст. Аввал шумо бояд пусти вайро тоза кунед; барои ин шуморо мебояд вайро якчанд маротиба газед, то ин ки ба таъмаш одат кунед ва ҳангоме ки шумо аз вай ҳаловат бурданро оғоз мекунад, ӯ ба чашмони шумо мепарад – Жизнь – это грейпфрут. Во-первых, вы должны прорваться через его кожу; для этого требуется несколько укусов, чтобы привыкнуть к вкусу, а когда вы начнете наслаждаться им, он брызгает вам в глаза – Life is grapefruit. First you have to break through the skin; then it takes a couple of bites to get used to the taste, and just as you begin to enjoy it, it squirts you in the eye [251].

«Жизнь – это календарь» (Ҳаёт таквим аст – Life is a calendar).

Данная субкатегория заслуживает внимания, ибо определяет жизнь, во-первых, как отрезок времени, и отражается в конвенциональных метафорах «время как объект движения» (время пошло) и «время – деньги», «тратить время».

В таджикской прозе и поэзии нередко приведены метафоры «время – деньги». Подтверждением этому может быть следующий пример великого поэта и мыслителя Абдурахмона Джами. В своих стихах он отметил **наличие времени – нақди вақт – availability of time (time demands to pay)::**

Ҳар кӣ оқил бинӣ, ӯро баҳраест,

***Нақди вақт** аз мояи девонагӣ.*

Мезияд аз офтоби ҳодисот

Шодмон дар сояи девонагӣ [74, 68].

Тот, кто видит разум, наслаждается им,

Вытаскивая время из сущности безумия.

Переживает от солнце событий,

Радостно в тени безумия (подстрочный перевод наш-Ш.С.).

*He who is wise has always still a share
Of folly's store as time demands to pay;
While burns the sun of evil chance his life
Beneath the shade that folly gives is gay*[203].

Жизнь – это здание Хаёт ин иморат/сохтмон аст.– Life is a building.

*«Мы делимся уроками своими,
Чтобы вам помочь, тем, кто думает,
Мечтает, строит жизнь, мечту о счастье
Воплощает. Если тяжело вам,
И вы больны и немощны, –
Читайте Книгу Жизни»*[91, 25].

В число устойчивых конвенциональных метафор, о которых упоминают Лакофф и Джонсон, данная субкатегория не входит [199, 242]. Из описанных ими конструкций аналогичными ей можно назвать «спор – это строение» и «идеи – это изделия», а также конструкция «отношения – это здание». Исходя из чего, мы допускаем, что последнее выражение характеризуется как производное от многогранной структурной метафоры «Жизнь – это крепость», включающая в себя многообразие разных «архитектурных компонентов».

*Хишти аввал чун ниҳад меъмор қач,
То ба охир меравад девор қач*[166, 22].

*Жизнь наша как здания, если мы положим первый кирпич неправильно,
то вся стена будет кривой – Our life as buildings, if we put the first brick
wrong, then the whole wall will be crooked.*

Жизнь – это тире (дефис) – Хаёт ин тире (нимтире) аст– Life is a dash (hyphen).

Стихотворение Э. Рязанова детально проанализировано:

*«Меж датами рожденье и кончины
(а перед ними наши имена)
стоит тире, черта - стоит знак «минус»,
И в этом знаке – Жизнь заключена»*[142, 176].

*Between birth and death dates
(and in front of them are our names)
there is a dash, a line - there is a minus sign,
And in this sign - Life is concluded*

*Миёни санаҳои таваллул ва марг
(неш аз онҳо номҳои мост)
Аломати тире – аломати «тарҳ»,
Дар ин аломат – Ҳаёт интиҳоси (подстрочный перевод наш-Ш.С.).*

Действительно, обстоятельства жизни – это ее ограниченность во времени, присутствие человека в мире в данный момент и его отношение себе в этом пространстве, к тому, что «я есть».

Жизнь – это книга – Ҳаёт ин китоб аст – Life is a book.

В качестве примеров данной концептуальной метафоры можно привести следующие метафорические выражения:

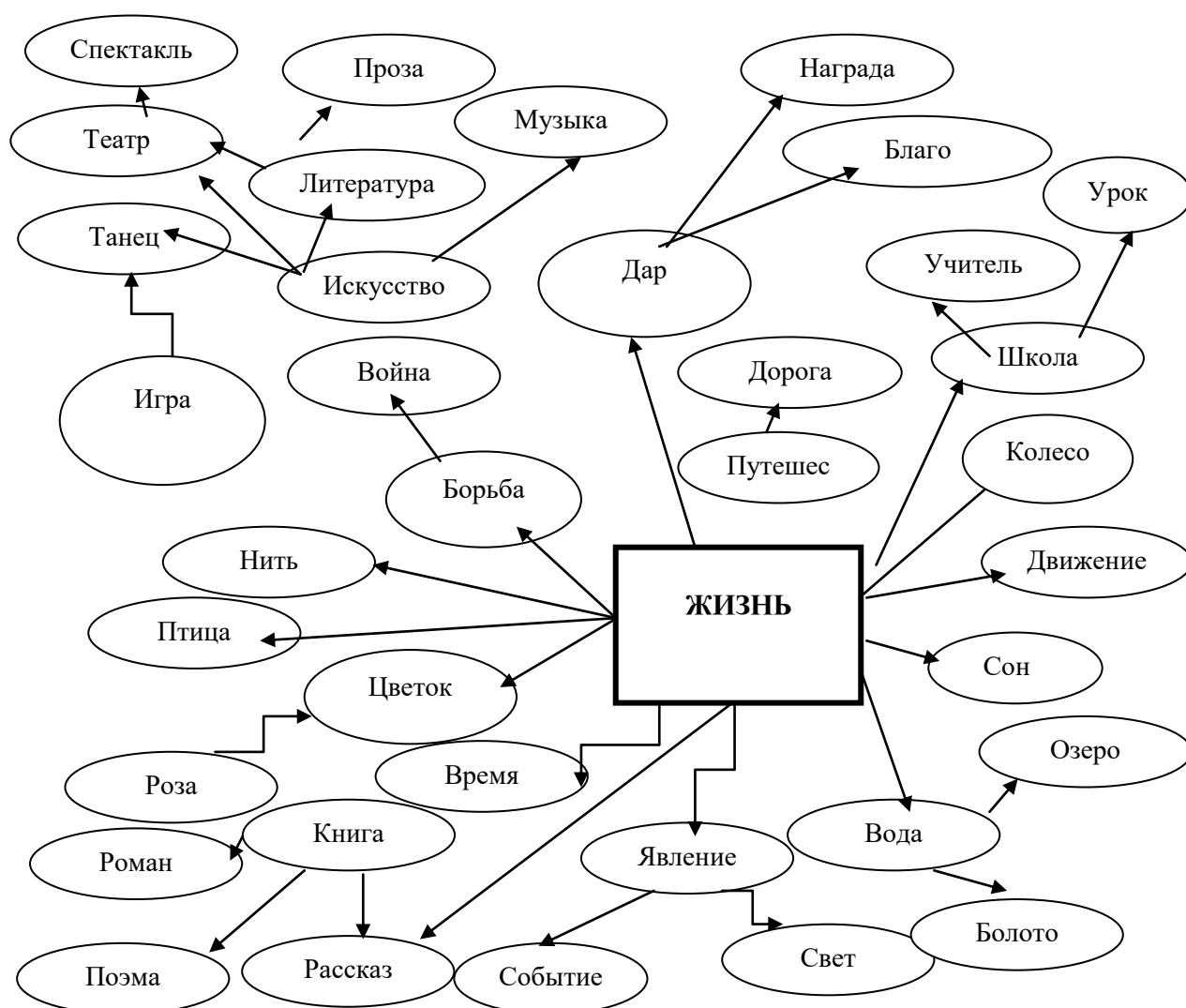
«Жизнь – прекрасная книга, но бесполезная для того, кто не умеет читать» [79, 817]. – *Зиндаги китоби хубест, аммо бемаъно барои онҳое, ки хонда наметавонанд – Life is a wonderful book, but useless for someone who cannot read.*

«Книга есть жизнь нашего времени, в ней все нуждаются – и старые, и малые» [там же, 1143]. – *Китоб ин ҳаёти даврони мо аст, ба ӯ ҳама ниёз доранд, чи калонсол бошад чи хурдсол. – The book is the life of our time, everyone needs it - both old and small.*

Как показал проведённый анализ языкового материала, круг метафорических выражений, употребляющихся со словом «жизнь», довольно широк. Представим его в виде схемы (см. схему 1),

обозначающей широту метафорического поля жизни. В данной схеме представлена метафорическая лексика, сконцентрированная вокруг концепта «жизнь» и образующая семантическое поле данного понятия. Эта схема наглядно отображает системные связи и отношения метафор, употребляемых с лексемой «жизнь». Широта использования этих метафор приблизительно отражена в размерах каждого из овалов, внутри которого они заключены.

Схема №1

2.5 Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в таджикском, русском и английском языках

Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в таджикском языке широко используется в священной книге Коран, художественных произведениях и в различных дискурсах. В таджикском языке концепт модели «жизнь» выражается словами *зиндагӣ*, *умр*, *ҳаёт*, а выражением элемента *дорога* являются лексемы *роҳ*, *саёҳат*.

«Тавре зикр гардид, инсон дар зиндагӣ аз озодии комил бархурдор буда, дар интихоби роҳи зиндагӣ низ соҳибихтиёр аст» [185, 59]. – Как уже было сказано, человек имеет полную свободу в жизни и волен выбирать жизненный путь – *As already mentioned, a person has complete freedom in life and is free to choose the path of life.*

«Чун инсон ҳамеша дар фарозу нишебии зиндагӣ саргардон аст, бояд чароғи ростиро дар аъмоқи дили худ ҳамеша равшану покиза нигоҳ дорад» [тамже, 69]. – Поскольку человек всегда блуждает по жизненным взлетам и падениям, он всегда должен сохранять свет истины в глубине своего сердца ярким и чистым – *Since a person always wanders through life's ups and downs, he must always keep the light of truth in the depths of his heart bright and pure.*

«Ҳар инсони комил, бахусус, пайрави дини маздаясно муваззаф аст, ки падари маънавии дигарон бошад, роҳи дурусти зиндагиро омӯзад, раҳнамоӣ кунад» [тамже, 70]. – Каждый совершенный человек, особенно последователь религии Mazda, обязан быть духовным отцом других, учить и вести правильный образ жизни – *Every perfect person, especially a follower of the Mazda religion, must be the spiritual father of others, teach and lead a correct lifestyle.*

«Чун манишаъ ва асли одамӣ, рӯҳ азони Худост, вақте вай роҳи зиндагии худро ба поён мерасонад, ин асл бояд ба худованд бозгардад» [тамже, 79]. – Как источник и сущность человека, душа принадлежит Богу, и когда он заканчивает свою жизнь, эта сущность

должна вернуться к Богу – As the source and essence of man, the soul belongs to God, and when he ends his life, this essence must return to God.

Если в русском и английском языках источником возникновения метафоры является Библия, то в таджикском языке Коран является основным источником метафор, в основном концептуальных - «Жизнь равна дороге». Концептуальная метафора «Жизнь равна дороге» в религиозном контексте содержит ясное, дихотомическое различие между двумя образами жизни: разумная, целомудренная жизнь, с одной стороны, и плохая, безнравственная жизнь – с другой. Эта дихотомия проходит через все детальные аспекты метафорической модели.

Моральная суть жизни обсуждена в Коране на двух уровнях: положительная, моральная жизнь и плохая, безнравственная жизнь. Положительная моральная жизнь включает следующие аспекты: как инструкции Бога и как следование им приводит людей к достойному пути. Как люди следуют за одним Богом хорошими путями, раскаяниями грешников и умением их прощать, и наконец, человек свободен сам выбрать себе достойный жизненный путь. Безнравственный образ жизни не исключает и соблазнение дьявола и непослушание наказов Бога, что приводит к совершению грехов и различных злых, аморальных и недостойных поступков, за которые впоследствии придётся отвечать.

Структура метафоры «Жизнь равна дороге» включает в себя нравственный императив. Этот императив совершенно четко звучит в следующей суре (стихе):

Ва ин аст роҳи рости Ман. Аз он пайрави кунед ва ба роҳҳои гуногун маравед, ки шуморо аз роҳи Худо пароканда месозад. Инҷост он чи Худо шуморо ба он супориш мекунад, шояд парҳезгор шавед! [163 94-95] – «Таков Мой прямой путь. Следуйте по нему и не следуйте другими путями, поскольку они собьют вас с Его пути. Он заповедал вам это, быть может, вы устращитесь»[149, 1029]. – This is My direct path. Follow it and do not follow other paths, as they will lead you astray. He commanded you this, perhaps you will be afraid.

Ва ҳар ки ба Худо тамассуқ ҷӯяд, ба роҳи рост ҳидоят шудааст [163, 39] – *Кто крепко держится за Аллаха, тот действительно наставлен на прямой путь*[149, 1029]. – *He who holds fast to Allah is truly set on a straight path.*

Как показывает первый аят, требование (императив) непосредственно исходит от Бога и состоит в повелении следовать путем Бога точно и без стремления изменить его.

Во втором примере указывается что, тот, кто придерживается руководства, будет приведен к правильному пути.

Правильный путь в противоположность плохому означает полезный и плохой, то есть положительный, достойный противостоит вредному.

Единственно хороший путь в существующей метафорической религиозной модели – путь Бога. Наибольшая отличительная особенность этого пути – своя честность: «Путь бога – прямой путь», как замечено в следующих примерах:

Моро ба роҳи рост ҳидоят кун [163, 3] – *Покажите нам прямой путь (верный путь)* [149, 1029]. – *Show us the direct path (the right path).*

Ва онҳоро ба роҳи рост далолат кардем [163, 299] – *И Мы вели их к прямому пути (верному пути)* [149, 1029]. – *And We led them to the direct path (the right path).*

Мы видим, что определенный артикль используется во фразе «прямой путь», с целью указать на этот путь Бога, известный всем людям что отклонение от него полностью неоправданно.

Ва касоне, ки оёти Моро ба дурӯғ нисбат карданд, каронанд ва гунгонанд, дар торикиҳоанд. Худо ҳар киро хоҳад, гумроҳ мекунад ва

ҳар киро хоҳад, ба роҳи рост мегардонад [163, 83] – *«Те, которые считают ложью Наши знамения, глухи и немые во мраках. Аллах вводит в заблуждение, кого пожелает, и наставляет на прямой путь, кого захочет»* [149, 1029]. – *Those who consider – Our signs false, deaf and dumb in*

the darkness. Allah misleads whomever he wills and directs to the direct path whom he wills.

Очевидно, что в вышеупомянутом примере глубокая темнота, которая окутывает злые пути, предсказана преднамеренно Богом как наказание инакомыслящего для отвращения от прямого пути. Нужно отметить здесь, что эта темнота не реальная, а скорее, психологическая, то есть это – темнота невежества и ограниченности.

Теперь рассмотрим концептуальную метафору «Жизнь равна дороге» в таджикской поэзии.

*Ҳар он ки Эзад-ш ин ҳар чаҳор рӯзӣ кард,
Сазад, ки шод зияд ҷовидону ғам нахурад*[140, 83].

*Любой, кому даны Всевышним четыре качества такие,
Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалей не узнав.*

*Anyone who has been given the four highest qualities by the Supreme,
It will go its long way without grief, human sorrows without knowing.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

В этом отрывке говорится о жизни, хотя слово «жизнь» здесь не употребляется, но, если вдуматься в эти строчки, можно понять, что «путь» и означает жизнь, которая доведёт до истины.

Обычно в произведениях, в основном в поэзии, в качестве метафоры «жизнь» часто употребляется понятие «путь», потому что у каждого в жизни есть определенная цель, а путь является средством для достижения цели:

*Қасам ба роҳи ҳақ,
Ки томоми умри худро дар ин роҳ кушам*[74, 139].

*Клянусь по справедливому пути,
По честному пути всю жизнь идти.*

I swear on a fair path,

Follow the honest path all my life(подстрочный перевод наш-Ш.С.).

Здесь жизнь и воспринимается как путь к истинной цели.

Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» отражает эмпирический опыт людей. Двигаться по дороге жизни необходимо, чтобы жить:

Зиндагӣ боз бо раҳи хушед

Сӯи фардо ҳама равон гардад [181, 77].

Жизнь солнечным путём,

Движется всегда к будущему.

Living in a sunny way

Always moves towards the future.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Ҳамон беҳ, ки нодон ба доно равад,

Ки зи донишаи қор боло равад[75, 263].

Пусть к мудрому несведущий придет,

Чтоб научиться двигать жизнь вперед. Перевод В. Державина

Let the ignorant come to the wise,

To learn how to move life forward

В наших представлениях человек проживает жизнь, как будто проходит (*проезжает*) дорогу. И так как жизнь – это отрезок пути от колыбели к могиле, то о тех, кто умер, говорится как об ушедших, исчезнувших из поля зрения, удалившихся за пределы видимости:

«Онон, ки куҳан буданду онон, ки наванд

*Хар як паи якдигар якояк бишиванд,
В-ин мулки ҷаҳон ба кас намонад ҷовид:
Рафтанду равему боз оянду раванд»[162, 83].*

*«Всех, кто стар и кто молод, что ныне живут,
В темноту одним за другим уведут.
Жизнь дана не навек. Как до нас уходили,
Мы уйдем, и за нами придут и уйдут» [тамже].*

*All who are old and who are young that live now,
One after another, the darkness will be gone.
Life is not given forever. As they left before us,
We will leave, they will come and go from behind us[тамже].*

В других дискурсах концепт «жизнь» в таджикской концептуальной модели «жизнь равна дороге» характеризуется как сложная, извилистая дорога в заблуждении, разочаровании и т. п.:

Хотири худ ҷамъ бинмуда, паи ишқу ҳавас

*В-аз паи рӯзӣ ба роҳи зиндагӣ биштофтанд [181, 17]. – Успокоив себя
вслед за любви, и вслед за пропитании пошли к дороге жизни. - Having
calmed ourselves down after love, and after feeding we went to the road of life.*

*Ман ҷавонам, бе ту роҳи зиндагӣ гум кардаам,
Хандае ё шодие аз ҳолатам бегона шуд [тамже, 24].*

*Я молод без тебя дорогу жизни потерял,
Смех и радость покидали мою душу.*

*I'm young without you, I lost my way of life,
Laughter and joy are left my soul.*

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Ба роҳи умр дастодаст бо ман зиндагӣ ҷӯӣ [тамже, 29]. – В пути жизни рук в руки живи со мной – In the path of life, hand to hand, live with me.

В таджикском языке есть слово «дароз» (длинный) употребляется с понятием «умр» (жизнь), и вместе они выражают «умри дароз» (долгая жизнь). Это выражение чаще всего встречается в мольбе и пожелании.

«Ҷаноби Олӣ ман шодам, ки шумо пешвои миллати тоҷик гаштед, Шуморо аз самими калбам табрик намуда, ба шумо аввало хамеша тани сихатро хоҳонам ва умри дарози Саъдиёнаро баҳратон таманно дорам (Н. Шафиев)»[250]. – Уважаемый президент я рад, что Вы стали Лидером нации, поздравляю Вас от всей души, желаю крепкого здоровья и долгой жизни, как у Саади. – Dear President, I am glad that you have become the Leader of the nation, I congratulate you with all my heart, I wish you good health and a long life like Saadi.

Когнитивными признаками модели «жизнь равна дороге» в таджикском языке, которые сопутствуют основным способам выражения изучаемой модели в различных дискурсах, используются такие выражения, как: *берун шудан аз роҳи ҳақ ва дурусти (сойти с правильного пути), дар роҳи илм (на пути знания), роҳи рост (правильный путь, верный путь):*

«Такрор ҳамон вақт фоида медиҳад, ки талаба дар сармо ва дар ҷоҳои болояш кушода нишаста риёзат кунад. Чунки ин роҳи ба даст даровардани илм аст ва дар роҳи илм ҳар қадар, ки риёзат ва азоб каиӣ ҳамон қадар фоида мебарӣ»[4, 192]. – Повторение полезно, когда ученик сидит на морозе и на свежем воздухе. Это потому, что это способ приобретения знаний, и чем больше вы страдаете на пути знания, тем больше вы извлечете из него пользу. – Repetition is useful when the student is sitting in the cold and outdoors. This is because it is a way of acquiring

knowledge, and the more you suffer on the path of knowledge, the more you will benefit from it.

Жизненный путь у каждого складывается по-разному. Он может привести к счастью и к печали:

Зиндагӣ пур аз тазод ва мубориза аст. Дар мубориза, албат-та, касе қурбон мешавад, ҳарчанд натиҷаи ин мубориза ба касе суд нахоҳад овард[170, 9]. – *Жизнь полна противоречий и борьбы. В борьбе, конечно, кого-то убивают, хотя результат этой борьбы никому не принесет пользу.* – *Life is full of contradictions and struggles. In the struggle, of course, someone is killed, although the results of this struggle will not benefit anyone.*

Фарзандонам роҳи дурусти зиндагиро интихоб карданд[тамже, 99]. – *Мои дети выбрали правильный путь жизни.* – *My children have chosen the right way of life.*

Омар Хаям в своих стихах указывает, что жизненный путь человека бесконечен и обратного пути не бывает:

*«Аз чумлаи рафтагони ин роҳи дароз,
Бозомадае ку, ки ба мо гӯяд роз?
Зинҳор дар ин сароча аз рӯи маҷоз,
Чизе нагузорӣ, ки намеоӣ боз»* [162, 251].

*«Из всех ушедших в бесконечный путь,
Сюда вернулся разве кто-нибудь?
Так в этом старом караван-сараяе,
Смотри чего-нибудь не позабудь»*[тамже].

*Who e er returned of all that went before,
To tell of that long road they o er?*

*Leave naught undone of of what you have to do,
For when you go, you will return no more* [там же].

2.5.1 Метафорическая модель «жизнь равна дороге» в русском языке

Анализ языкового материала показывает, что лексема *жизнь* широко употребляется в разных субъектных ролях. Весьма часто она используется в качестве субъекта передвижения, потому что окружающий нас мир и все люди, находятся в непрерывном движении. Соответственно, и жизнь обычно не стоит на месте, она идет, спешит, бежит и мчится. Иногда жизнь способна лететь настолько быстро, что человек никак не может за ней успеть, и тогда люди говорят о жизни, что она никого не ждет. Итак, жизнь становится субъектом-носителем человеческого признака или состояния и данная позиция в основном характерна для слова *жизнь*.

Понятие «дорога», относящееся к жизни, довольно широко, оно включает в себя такие концепты, как «путь» и «путешествие». «Жизнь равна дороге» – данная метафора характеризует связь между продолжительностью процесса движения во времени и пространстве. Описание данной взаимосвязи можно наблюдать в физике (термодинамика, теория относительности), в философии (Хайдеггер, Гуссерль, понятие историчности) в литературоведении (Бахтин). Это выражение приходит в качестве исходной области понятия «дорога», а в целевой области понятия «жизнь». Жизнь ассоциируется с дорогой в разнообразных языковых конструкциях («в жизни бывает много поворотных моментов», «жизнь прожить – не поле перейти»). Дорога относится к числу тех базовых, «несущих» элементов культуры, которые имеют всеобщий характер (т. е. присутствуют в культурах разных народов независимо от этапа исторического развития, географической отнесенности и социально-экономического устройства общества), она является важнейшим элементом «картины мира».

Символизм дороги тесно связан с символизмом развития жизни. Период жизни – это путь человека по дороге бытия, имеющий заключительный этап: *«Не в гору живем, а под гору»*, гласит русская пословица. Таким образом «пространственные отношения, наряду с временными, являются одним из типов базовых отношений, воспринимаемых человеком и отражаемых формами языка» [56, 6-26].

Такой тип бытия, как жизнь, подразумевает преимущественно наличие определённой структуры пространственно-временного местоположения. Пространственно-временное положение человека ничто иное, как физический закон бытия каждого объекта, не исключая и объект оптимальной среды. Связь определенного пространства с жизнью человека выражается в виде городской (протекающая в городе), дачной, сельской и т. д. территориях.

«Кричали дети, кудахтали куры, судачили хозяйки. Шла тихая деревенская жизнь»[245, 196]. – *Кӯдакон дод мезаданд, мургон фарёд мезаданд, занон гайбат мекарданд. Ҳаёти оромонаи қишлоқ давом меёфт.* – *Children shouted, chickens cackled, housewives gossiped. There was a quiet village life..*

Понятийная модель в виде жизнь = *дорога/ путь* является нейтральной, вместе с ней нейтральными являются и действующие в процессе метафоризации концептуальные стороны жизни (времени) и дороги (пространства).

Представление о жизни как о некоторой дороге основано на сходстве двух процессов: реального физического перемещения (идти по дороге) и процесса существования человека, (движение во временном пространстве (рост, развитие), идти по жизни) и их контаминации (идти по дороге жизни, выбрать себе дорогу в жизни).

«Но жизнь ведь не стоит на месте»[91, 12]. – *Ҳол он ки ҳаёт дар қояи намеистад (ҳамеша равон аст) – But life does not stand still.*

«Бо меҳнат нон ёфта хӯрдан ин ба роҳи дурусти зиндагӣ рафтан аст»[170, 110]. – *Зарабатывать честным трудом – это как идти к*

правильному пути жизни. – Earning by honest work is like walking towards the right path of life.

Метафора «*Жизнь равна дороге*» в русской языковой культуре является центральной для многих художественных образов мышления. Но расшифровываются они по-разному, в зависимости от наполнения идеями и настроениями художников слова.

Представляем некоторые примеры из произведений М. Лермонтова:

*«Иных тревог
Довольно есть
В самозабвенье,
Не лучше кончить жизни путь?
И беспробудным сном заснуть,
С мечтой о близком пробужденье?»* [95, 125].

Во втором отрывке описано, что каждая дорога заканчивается и приводит нас к тупику, и наша жизнь, как дорога, закончится и приведет нас к смерти:

*«И когда с улыбкой мимоходом
Распрямлю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь...»*[95, 703].

Как следует из приведённого примера, метафора «*Жизнь равна дороге*» в русском языке приобретает различные характеристики, и одной из них является «завершение жизненного пути мечтой о пробуждении после смерти».

Метафора «*Жизнь равна дороге*» приобретает в русском языке различные характеристики: длинная и извилистая, с кочками и сплошь

усеянная камнями, непрямая и скользкая, горная и ухабистая, долгая и полная преград дорога:

«Воспоминаний много, а вспомнить нечего, и впереди передо мной длинная, длинная дорога, а цели нет... Мне и не хочется идти»[159, 288с.]. – *Ёддоитхo бисёранд, аммо барои ёдоварӣ чизе нест ва дар пеи роҳи дарозе ҳаст, роҳи дароз, вале мақсаде нест... Ман низ рафтан намехоҳам. – There are many memories, but there is nothing to remember, and there is a long, long road ahead of me, but there is no goal ... I don't even want to go».*

Жизненная дорога очень трудна, а порой и опасна. Ее опасность заключается в том, что жизнь человека непредсказуема, в ней могут быть и взлеты, и падения, и счастье, и несчастье. В зависимости от того, какую дорогу в жизни изберет себе человек, она приведет его, например, к Богу, к себе, к счастью, к смерти, в очень грустные места или от любви к любви:

*Первым открыть врата рая,
Или первым вкусить свободу.
Просто глаза закрывая...
Жизнь вся – дорога к Богу...*[167, 194].

Как отмечено выше, значением лексемы «дорога», кроме пути, является еще слово *путешествие* – *саёҳат* – *journey*. Эта лексема нередко выступает в качестве метафоры жизни, потому что люди часто смотрят на жизнь, как на путешествие, где можно многому научиться:

*«Проанализируйте её, и помните,
Читая эту Книгу Жизни, вы читаете
Рассужденья, наставления Богов,
Учителей, святых, – людей учёных, мудрых,
Прошедших долгий в жизни путь,*

Немало повидавших на своём пути»[91, 25].

Жизненное путешествие может провести человека как по довольно диким, незнакомым и опасным местам, так и по сказке, как от любви к любви, так и по горам, по долам, как через знания, так и в самого себя. – Саёҳати ҳаёт одамро метавонад бо роҳи ношинос, хатарнок инчунин ба роҳҳои хавфнок, афсонавӣ, аз ишқ то ишқ, ба қуҳҳо, водиҳо бо воситаи ақлу савод барад. – A life journey can take a person both through rather wild, unfamiliar and dangerous places, and through a fairy tale, both from love to love, and through the mountains along the valleys, both through knowledge and into oneself.

К понятию «путешествие» относится такое метафорическое выражение, как *путевка в жизнь*. Эта метафора довольно широко используется и даже выступает в качестве названия фильма. Данное употребление говорит обычно о поворотном моменте в начале жизни, которое открывает новую дорогу, путь к полезной деятельности:

Ребята получили свои путевки в жизнь. – Бачаҳо барои ҳаёти ҳудашон роҳхат гирифтанд. – The guys got their start in life. (из фильма «Путевка в жизнь»).

2.5.2 Метафорическая модель «Жизнь равна дороге» в английском языке

В английском языке наиболее часто встречающейся аналогией слову *жизнь* считается *путь*. Можно предположить, что источником возникновения аналогии «*Жизнь равна дороге*» является Библия. Чаще всего эта концептуальная метафора в английском языке выражается при помощи словосочетаний «*the way somebody takes/keeps*», «*the way someone has trodden*», а также «*the way of life*» и «*the path of life*». В сопоставляемых языках элемент «дорога» по аналогии со словом *жизнь* выражается синонимично лексеме *путешествие*. Выражение «*Жизнь равна дороге*» в Библии воспринимается особым образом: это способ поведения

человека, который приблизит его к праведности и приведет к вечному блаженству в загробном мире:

«But he knoweth the way that I take: when he hath tried me, I shall come forth as gold. My foot hath held his steps, his way have I kept, and not declined»[196, 11]. – *«Но он знает путь мой; пусть испытает меня, - выйду, как золото. Нога моя твердо держится стези Его; пути Его я хранил и не уклонялся»*[36, 10-11].

«Get you out of the way, turn aside out of the path, cause the Holy One of Israel to cease from before us»[196, 11]. – *«Сойдите с дороги, уклонитесь от пути; устраните от глаз наших Святаго Израилева»* [36, 30-11].

«Thou wilt shew me the path of life: in thy presence is fulness of joy; at thy right hand there are pleasures for evermore»[196, 11]. – *«На всяком шагу нашем ныне окружают нас; они устремили глаза свои, чтобы низложить меня на землю»* [36 16-11].

Метафора «Жизнь равна дороге» встречается также в английском художественном стиле. Уильям Шекспир в своих произведениях жизненный путь человека представлял так же, как и в Библии, в виде совокупности поступков. В монологе Перикла из одноименной пьесы Шекспира «путь жизни», противостоящий «пути смерти», означает совокупность поступков человека, которые могут повлечь за собой либо сохранение, либо утрату жизни:

*«Thus ready for the way of life or death,
I wait the sharpest blow, Antiochus»*[256, 1: 87].

*Таким образом, готовы к пути жизни или смерти,
Я жду острый удар, Антиох.*

Пьесы Шекспира отличаются от Библии тем, что в них нет подтекста жить в праведности, тем самым обеспечивая переход в вечную жизнь, сопряженную с вечным блаженством.

В исторической драме «Генрих IV, часть I» мы находим в качестве примера метафору «Жизнь равна дороге», выраженную в словосочетании «*passages of life – отрывки из жизни – лаҳзаҳои ҳаёт*» («*passage*» – away through a place, especially when this is difficult») имеющую значение отрицания:

*«But thou dost in thy passages of life,
Make me believe that thou art only mark'd»*[тамже].

*Но в своих прохождениях жизни
Вынуждаешь меня полагать, что твоё искусство-только мрак.*

В данной пьесе наблюдается еще одно высказывание, аналогичное фразе «Жизнь равна дороге»:

*«And all the courses of my life do show,
I am not in the roll of common men»* [256, 3].

*И все события моей жизни действительно показывают, что
Я не нахожусь вместе с обычными людьми.*

Оборот речи «*all the courses of my life*», демонстрирующий пример исследования в данном образе имеет смысл, что «*события жизни*», выражают убежденную эксцентричность Глендаура. Приведем двустишие из монолога Макбета, где также встречается концептуальная метафора «Жизнь равна дороге», иллюстрирующая необратимое наступление старости. Главный герой трагедии скорбит об утрате того, что должно быть спутником человека на протяжении жизни и может утешить в старости – о любви, скорбит о друзьях, о чести. Оборот речи «*my way of life – дорога, путь моей жизни – роҳи ҳаётии ман*» обращается в идиому, синонимично созвучную со словом «*life – жизнь - ҳаёт*»:

*«I have lived long enough: my way of life,
Is fall'n into the sear, the yellow leaf»[256].*

*Я прожил достаточно долго: мой путь жизни
Усохший, как желтый лист.*

Теперь приведем примеры концептуальной метафоры «Жизнь равна дороге», встречающейся у Шекспира, где понятие *дороги* или *путешествия* выражается словом «*voyage*»:

*«Omitted, all the voyage of their life,
Is bound in shallows and in miseries»[256].*

*Упущены, все путешествия их жизни
Связанные с отшельями и страданиями.*

Данное двустишие посвящено не зависящим от человека обстоятельствам. «*The voyage of their life – Путешествие их жизни – Саёхати умри онхо*» по смыслу, связано с удачей, с благоприятным течением обстоятельств, и наоборот, с неудачей, с провалом, с крушением надежд, как это часто случается в море житейских проблем. Начальный метафорический концепт «Жизнь равна дороге» формулируется определением конкретного слова «*road – дорога - роҳ*» где «*life – жизнь – ҳаёт*» и «*road – дорога – роҳ*» проявления синонимичности, благодаря чему данная парадигма как бы оживает и активизирует в своем музыкальном выражении значительный зрительный образ:

*«Even if life is a bumpy road or your dreams are taking a circuitous route,
take time to live in the moment and enjoy the scenery along the way»[195, 13]. –
Даже если жизнь – ухабистая дорога или ваша мечта идет окольным
путем, найдите время, чтобы жить настоящим моментом и*

наслаждаться пейзажами по пути. – *Ҳатто агар ҳаёт роҳи ноҳамвор бошад ё инки орзуҳои шумо бо роҳи ғайримустақим амал кунанд, барои зиндагии хуб кардан вақт ҷудо кунед ва аз манзараҳои дар роҳ буда ҳаловат баред.*

Часто использование слова «road – дорога – роҳ» связано с выбором человека, шагающего по дороге жизни:

«Love's the only road to travel»[тамже, 18]. – *Любовь – это единственная дорога для путешественника. – Ишқ роҳи ягона барои саёҳат кардан мебошад.*

Жизнь человека состоит из «перемен и выбора – *choices and changes in life – тағирот ва интихоб*» который шаг за шагом совершает человек.

Жизнь – это страдания, испытания для того, чтобы очиститься, обрести мудрость и приблизиться к Богу, предполагающая выбор сложного, тяжелого, длинного пути. Человек может добиться успеха, лишь выбрав трудный путь:

«Success is not a destination, but the road that you're on. Being successful means that you're working hard and walking your walk every day. You can only live your dream by working hard towards it (Marlon Wayans)» [251]. – *Успех – это не пункт назначения, а дорога, по которой вы идёте. Быть успешным означает, что вы много работаете, но и отдыхаете каждый день. Вы можете только жить своей мечтой, упорно работая для нее. – Бурдборӣ ин охири манзил нест, балки роҳест, ки шумо қарор доред. Шумо метавонед танҳо бо орзуи худ зиндагӣ кунед ва барои ба мақсад расидан кушиши кунед.*

Легкие, короткие, быстрые, удобные пути имеют отрицательные коннотации и приводят к саморазрушению:

«The nearest way is commonly the foulest. A short cut is not always the fastest way (Alexsandr Marglin)» [тамже]. – *Самый близкий путь – обычно грязный. Кратчайший путь не всегда быстрый путь. – Роҳи кӯтоҳ одатан*

ифлос мешавад. Роҳи кӯтоҳтарин бошад на ҳама вақт тез ба манзил мебарад.

Жизнь подобна путешествию, а наши опыты подобны различным частям поездки. Рассмотрим эти разговорные стили речи. Все они пользуются ключевой идеей «Жизнь равна дороге».

My life has no direction at the moment. – Сейчас моя жизнь не имеет никакой цели. – Айни ҳол ҳаёти ман самти муайяне надорад.

You can't just go through life with your eyes closed (J. Dann) [тамже]. – Вы не можете пройти жизнь с закрытыми глазами. – Шумо ҳаётро бо чашмони пӯшида тай карда наметавонед.

2.6 Сравнение метафор пространства, времени и жизни в таджикском, русском и английском языках

На основании вышеизложенного материала в предыдущих параграфах, становится очевидным, насколько скуден был бы наш язык, без таких ярких образных фрагментов и художественных средств как метафора. В результате употребления метафор предложения приобретает новый смысл. Стоит еще раз отметить, что метафоры это – универсальное явление, они наблюдаются во всех языках мира и во все времена. Они являются важнейшим элементом языковой культуры в таджикском, русском и английском языках. Создание метафор – один из главных и неиссякаемых источников языкового развития. Благодаря метафорам создаются яркие образы, так как в ее основе лежит образность. В языках, которые мы рассмотрим ниже, основной принцип создания метафоры – сравнение, но не обычное, а аналогия, то есть сравнение объектов принципиально несходных, разноплановых. Нужно обладать особым поэтическим даром, чтобы сопоставлять мало сопоставимые объекты и смыслы, создавая при этом яркие и емкие образы, обогащающие речь. Именно поэтому людей, способных на это, часто называют поэтами, хотя к созданию стихов они не имеют отношения. Одна из основных функций, которую выполняет метафора – это придание речи образно-экспрессивной окраски, сочетающейся с эффективностью, ярко выраженной эмоциональной оценкой. Понятия *пространства, времени и жизни* тесно связаны. В данном параграфе нами проанализированы метафоры пространства, времени и жизни в таджикском, русском и английском языках.

Следует отметить, что в таджикском языке тоже не все названия пространственных объектов метафоризируются. Таким образом, метафоры пространства, времени и жизни тесно связаны и являются распространенными во многих языках.

Рассмотрим представление данных метафор в таджикском языке и их эквиваленты в русском и английском. В таджикском языке существует ряд метафор, концептуализирующих время в образе пространства: «*Вақт ашӣи маҳдуд аст* – *Время – локализуемый предмет* – *Time – is localizable thing*, *Вақт ашӣи ченакшаванда аст* – *Время – измеряемый предмет* – *Time – is measurable thing* и *Вақт маҳдудкунандаи фазо аст* – *Время – (локализирующее) пространство* – *Time – is localizable thing*».

Своеобразие пространственной модели времени проявляется в том, что темпоральная близость отличается от пространственной в трёх отношениях. Во-первых, темпоральное близко фиксирует лишь расстояние отрезка времени, приближающегося к объекту (т. е., будущее), но не удаляющегося от него (т. е., прошлое) [188, 344].

Например: а) *Ин мошин аллакай наздик шуд* (*ашӣ ба бинанда наздик шуда истодааст*) – *Этот автомобиль уже близок (предмет приближается к наблюдателю)* – *This car is already close (the subject is approaching to the observer)*; б) *Ин мошин ҳоло наздик аст* (*ашӣ аз бинанда дур шуда истодааст*) – *Этот автомобиль ещё близок (предмет удаляется от наблюдателя)* – *This car is still close (the subject is moving away from the observer)*. в) *Ин рӯз наздик аст* (*яъне ба наздикӣ фаро мерасад*) – *Этот день уже близок (т.е., скоро наступит)* – *This day is near (i.e. coming soon)* г) *Ҳоло ин рӯз наздик аст* – *Этот день ещё близко* – *This day is still near*.

Второе отличие в том, что метафорическое расстояние, определяемое мысленным взором до некоторого ожидаемого отрезка времени, может оцениваться как далеко-недалеко, но не может оцениваться как близко, хотя это вполне возможно при оценке расстояния приближающегося к объекту в реальном пространстве.

Например: а) *То ин вақт / рӯз ҳоло дур аст* (*яъне ба наздики фаро намерасад*) – *До этого времени / дня ещё далеко (т. е., наступит не скоро)* – *This time / day is still far (i.e., it will not come soon)*. б) *Ин вақт / рӯз аллакай дур нест* (*яъне ба наздики фаро мерасад*) – *До этого времени / дня уже недалеко (т. е., наступит скоро)* – *This time / day is not far away (i.e.,*

coming soon). в) *Ин вақт / руз аллакай наздик аст – До этого времени / дня уже близко.* г) *Шаҳр аллакай наздик аст – До города уже близко – The city is already close.*

В-третьих, отрезки времени не могут быть локализованы с помощью слов: *вдали, вблизи, невдалеке, поблизости, рядом (Ин руз наздик аст/дур аст – Этот день рядом/вдали – This day is near/far)*. Причиной этого является статичность таких наречий, несовместимая с динамичностью отрезков времени. Различий между отрезками времени в выражении близости обнаружено не было, хотя наречия, несовместимые с концептом будущего (*детство, прошлое, бывшее* и другие), не сочетаются с лексемами близости (*близкое детство; моё прошлое близко*). Выражения: *за окном, на дворе, на улице* конвенциональны для «природных» отрезков времени – частей суток и времён года, включая месяцы.

Например: *За окном утро/неделя. На дворе осень/октябрь /молодость.* Понятия близости *не за горами, на носу, на пороге* сочетаются со многими отрезками времени, непротиворечащими концепту будущего: *Ин соат дер нест(наздик аст) – Этот час не за горою; Ин руз дер нест(наздик аст) – Этот день не за горами;* однако: *Ваше детство /прошлое не за горами. Вот и зима на носу; Дар остонаи баҳор қарор дорем – Весна на пороге!* Понятия *за плечами, за спиной*, передающие идею прошлого, сочетаются с отрезками времени, непротиворечащими этой идее: *Председатель у нас опытный – два срока за плечам – Раиси мо ботачриба аст – мӯҳлаташ дароз менамояд.* Размеры времени могут характеризоваться длиной и глубиной. Высота встречается лишь в индивидуальной речи, например: *высокое утро у Распутина.* По длине отрезки времени определяются как короткие или (реже) длинные: *короткое время – вақти / муддати кӯтоҳ; короткий миг – лаҳзаи кӯтоҳ; короткие моменты имкониятҳои маҳдуд; короткое мгновение; короткая пора; короткие сроки – мӯҳлати кӯтоҳ; короткие дни – рӯзҳои кӯтоҳ; короткая ночь – шаби кӯтоҳ* и так далее.

Широкая сочетаемость лексемы «короткий» обусловлена её антонимичностью не только пространственной лексеме «длинный», но и темпоральным «долгий – дароз и длительный – давомнок»: *сӯҳбати тӯлонӣ, дароз, кӯтоҳ – длинный, долгийкороткий разговор – long – short talk; сайругашти тӯлонӣ – длительная – короткая прогулка – long corpus walk*. Объективно изменчива продолжительность месяца и (рабочей) недели: Более короткие месяцы чередуются с более длинными. *Ин ҳафта кӯтоҳ аст, аммо ҳафтаи оянда боз дароз мешавад – Эта неделя короткая, а следующая опять будет длинной – This week is short, and the next one will be long again*. Объективно изменчивыми могут быть сроки и периоды: *Панҷ сол – муддати хело дароз аст – Пять лет – срок довольно длинный – Five years is a rather long period. Давраи яхбанди хело дароз буд – Ледниковый период был очень длинным – The ice age was very long*.

Другой фактор – субъективное ощущение продолжительности. Хотя объективно продолжительность единиц времени строго фиксирована, субъективно она может представляться разной: *Як соати интизорӣ назар ба як соати кор ҳамеша дароз ба назар мерасад – Час ожидания всегда кажется длиннее часа работы – An hour of waiting always seems longer than an hour of work. Ин соли бекорӣ ба назари ӯ соли дарозтарини умраи буд – Этот год без работы казался ему самым длинным годом в его жизни – This year without work seemed to him the longest year in his life. Ба монанди умр солҳо низ дароз буда метавонанд – Как и жизнь, длинными могут быть годы – Like life, years can be long: Солҳои мо дарозанд – Наши годы длинные – Our years are long*.

Однако некоторые отрезки времени, например: *время, периоды жизни и отрезок времени* длинными быть не могут: *длинное время, длинное детство, длинное будущее*. Время может образно измеряться мерами длины: *Дай мне три километра твоего волшебного времени* (А. Вознесенский) – *Give me three kilometers of your magical time*. В переводе этого предложения в таджикском языке мы не можем сказать или измерять время километром. Это предложение можно перевести

следующим образом: *Як қисмати умри дилрабоятро ба ман бубахи – Дай мне часть твоего волшебного времени.*

Пространственная метафора считается одной из основных в русском языке. В основе ее лежит возможность описания важнейших понятийных сфер языковой культуры. Например, О.П. Ермакова описывает следующие варианты передачи русского ландшафта через метафору:

«1. Описание одного пространства через другое (Бугры волн, море тайги, снежное море, песчаное море, морская пустыня и т. п.).

2. Человек предстает нам в образах ландшафта (Гора – огромная и толстая; Бугор – (жарг) начальник; остров – выделяющийся среди других; река – об изменчивой натуре; айсберг – холодный и не до конца понятный). Даже группы людей можно охарактеризовать словами из сферы пространство: болото, дно, трясина.

3. Ассоциация человеческой жизни с плаванием *по морю / по реке*, в ходе которого человек может наткнуться *на рифы, подводные камни*, может выбираться *на спасительный берег во время житейских бурь* и т. п.

4. Конец человеческой жизни характеризуется пространственными понятиями (*бездна, пропасть, пучина, яма и другие*). Подобная метафоризация обусловлена сакральными представлениями о загробном мире, находящемся под землёй. Это поддерживается и погребальной традицией, где конец жизни связан с погружением тела в яму (могилу).

5. И наконец, время предстает в образах пространства (*время пошло под уклон, достиг вершины дней, пик времени, не за горами и др.*). Жизнь – это движение к горе в данных метафорах.

6. Множество, совокупность, большое количество каких-либо объектов (*Горы снега, книг, дел; пропасть (бездна) вопросов, дел; море света, крови, огней; реки (потоки, ручьи) слёз, крови, лавы; океан горя, радости, любви и другие*)»[78, 289-298].

Дж. Лакофф определил значительное место теории метафоры в когнитивной лингвистике. С его точки зрения, «метафора – это один из

основных видов когнитивной модели, механизм мышления и образования концептуальной системы» [76, 256].

Метафоры образуют абстрактное понятие путем переноса в них концептуальной системы из другой области. Тогда принято говорить о переходе из области-источника в область – мишень. Область-источник для нас более знакома и привычна, более конкретна и понятна и описана через непосредственный физический опыт. Для разных языков характерна метафора «*время – деньги*», это пример концептуальной метафоры. В таджикском, русском и английском языках метафора «*Time is money*» заключает в себе уподобление времени деньгам, сравнивая время с материальным потенциалом.оборот речи «*time is money – время денги – вақт пул(гавҳаари ноёб) аст*» в английском языке уходит своими корнями глубоко в историю. Начало положено английским драматургом Уилсоном, который в своей пьесе «*Discourse upon Usury*», в первый раз упоминал данное выражение, получившие сегодня массовую популярность во всех языках мира, а также в сопоставляемыми нами языкам в данной диссертационной исследовании. Само слово «*time – время – вақт*» начиная с 19 века, употребляется при выражении финансовых процессов: «*time deposit – временный вклад – саҳмя(захира)-и муваққатӣ*» (1853); «*time bill – вексель, фиксированной датой уплаты по нему – вексел, ки мӯҳлати қарзро дар бар мегирад*» (1831); «*time draft – временный чек – чеки муваққатӣ*» (1863). Одновременно выражение «*on time – во время – сари вақт*» получает еще один смысл – «*в кредит*».

Согласно нашим наблюдениям, в современном английском языке использование слова «время» в значении «деньги» характеризуется посредством семантики к слову «*Money*»: «*Time Cents: The monetization of the Workday in Comparative perspective*» (Монетизация трудодня в сравнительной перспективе); «*Time-keeping passed into time-saving and time-accounting and time-rationing*» (*Хронометраж выражается в экономии времени, времени учета и времени нормирования*). Трата денег, капиталовложение отождествляется с обращением человека со временем:

«...time-budget studies were...only studying how much time was allocated for the family, work, and leisure» (изучать, сколько времени было выделено для семьи, работы и отдыха).

Экономия связана не только с понятием денег, но и времени: «prosperity has intensified the problem of 'budgeting' the day» (процветание активизировало проблему «бюджетирования» на следующий день); «The idea of saving and compressing time has been stamped into the psyche of Western civilization» (Идея сохранения и сжатия времени характерна для психологии западной цивилизации), и наоборот, расточительство и даже незаконность получения денег сопоставляются с изменением расходом времени (или невнимательным к нему отношением): «I value time and ...it's so easy to just fritter it away» (Я ценю время и ... это так легко просто транжирить). Богатство ассоциируется со временем (при его наличии), а бедность – с его отсутствием: «different situations and time constrains would likely to impact on those who predominantly feel 'time rich' or 'time poor' so that they feel somewhat 'richer' or 'poorer'» (различные ситуации и временные ограничения, скорее всего, чтобы воздействовать на тех, кто в основном чувствует «время богатых» или «время бедных», так что они чувствуют себя несколько «богаче» или «беднее»). Заслуживает внимание тот факт, когда время, потраченное на осуществление помощи, отождествляется с займом: «women often joined forces and exchanged time favours. In order to enable a neighbor...to undertake her shopping, one woman would take care of the children of two households. When she in turn needed to 'borrow time'...she would call in the 'time debt»[81, 472]. – женщины часто объединяли свои силы и обменивались временем. Для того, чтобы позволить соседу ... провести ее покупки, одна женщина будет заботиться о детях вторая домохозяйств. Когда она, в свою очередь, будет иметь необходимость «занять время» ... другая будет во «временной задолженности».

Для описания эмоционального состояния человека самой популярной можно считать пространственную метафору, что

подтверждает лингвистическую особенность подобных метафорических оборотов речи. Писатель, литератор, пытается таким образом привести в порядок само пространство произведения, его очертания внешний облик мира, внутренний мир человека – психологический – чувствительный, эмоциональный, незримый микрокосмос.

Изучив метафоры пространства, времени и жизни в таджикском, русском и английском языках, мы пришли к выводу, что универсальность и специфичность характерны для метафор, так как, с одной стороны, она является орудием мышления и познания, а с другой – основана на национально-культурном мировидении, отражающем как фундаментальные культурные ценности, так и согласованные с ними в пределах определенной субкультуры индивидуальные системы ценностей. Пространство, как и время, является важным аспектом не только в лингвистике и других науках, но и в повседневной жизни каждого человека, их языковой культуре. В подтверждение данного факта мы считаем необходимым привести примеры метафор в разных языках (таблица 2).

Таблица 2.

Примеры метафор пространства, времени и жизни в сопоставляемых языках:

Таджикский язык	Русский язык	Английский язык
<i>вақт гавҳари ноёб</i>	<i>время – деньги</i>	<i>time is money</i>
<i>кашидани рӯз</i>	<i>тянутся дни</i>	<i>long are the days</i>
<i>ба роҳи гайб рафтан</i>	<i>идти по проторенному пути</i>	<i>to keep to the beaten track</i>
<i>сари роҳи касеро гирифташ</i> <i>сари роҳи касе</i> <i>истодан/ монеа шудан</i>	<i>стать на чьем-либо пути/ стать кому-либо поперек пути</i>	<i>to stay in the way</i>
<i>дар роҳи ҳақ сахт истодан</i>	<i>наставить на путь истины/ совратить с пути истинного</i>	<i>to set / put smb. on the right path / track // to lead smb. astray</i>
<i>ба роҳи хуб/бад рафтан</i>	<i>стоять на правильном / ложном пути</i>	<i>to be on the right / wrong track</i>

<i>роҳи ҳаёт</i>	<i>жизненный путь</i>	<i>life's journey</i>
<i>кашола кардани вақт</i>	<i>тянуть время</i>	<i>play for time</i>
<i>вақт давоқунандаи дардҳост</i>	<i>время лечит</i>	<i>time cures</i>
<i>вақт тез мегузарад</i>	<i>время быстро летит</i>	<i>life moves pretty fast</i>
<i>вақт намеистад</i>	<i>время не терпит</i>	<i>time runs out</i>
<i>самт пеш гирифтан</i>	<i>держать путь</i>	<i>to hitch ones way</i>

Таким образом, в повседневной жизни разных языках в частности в таджикском, русском и английском, метафоры пространства, времени и жизни находят широкое применение для выражения определённых явлений или событий. Они не раздвигают границы мыслимого, а только обеспечивают доступ к тем вещам, которые смутно видны на дальних рубежах. Метафора пространства, времени и жизни нужна не только для того, чтобы сделать выражения человека доступной другим людям, но и самому человеку, чтобы объект стал более интересен, более эмоционален, выразителен, чтобы воспринимать его, осознавать, оценить не только в прямом, но и в переносном смысле. Метафора может отражать что-то лаконично, но ярко и образно.

Также метафоры пространства, времени и жизни характерны для художественных произношений на таджикском, русском и английском языках. Через метафорическое значение слов и словосочетаний авторы текстов не только усиливают зримость и наглядность изображаемого, но и передают неповторимость, индивидуальность предметов или явлений, проявляя при этом глубину и характер собственного ассоциативно-образного мышления, видения мира, степень таланта. Подтверждающие примеры рассматриваемых языков были приведены нами ранее. Здесь мы остановимся на примерах художественного слова на таджикском языке.

Безусловно, метафоры характерны для восточных языков, они достаточно поэтичны и образны, хотя и недостаточно изучены с точки зрения современной философии и лингвистики, несмотря на то что

категория пространства, времени и жизни затрагивается во многих произведениях мусульманского мира. Вопрос о том же, какова роль метафор пространства, времени и жизни, их характерные особенности, сущность остаются малоизученными. Необычайная широта, многогранность поэтического искусства мусульманского мира, его качественная и количественная определённость и высокое развитие как духовного феномена бесспорны, поэтому и были нами проанализированы в данном исследовании, но лишь недостаточная часть этого национального богатства. Поэтическое мышление любого народа, этноса имеет общие принципы человеческой духовной деятельности, оно непостижимо вне их, и в то же время они не всегда дают возможность всесторонне объяснить его сущность и специфику. Как духовный процесс поэтическое мышление включает в себя много аспектов, безусловно, в том числе и понятия времени, пространства и жизни находят свое отражение у народов Востока.

Стоит отметить, что метафоры пространства, времени и жизни широко используются в таджикском языке, в том числе и в таджикской художественной литературе:

Ламъае дар шабони зулмонӣ,

Мухбири вақти хештан будӣ[Л. Шерали. Куллиёт, 41].

Сияя в те мрачные ночи,

Вестником времени были мы.

Shining on those dark nights,

We were the messenger of time.

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

Здесь понятие времени одушевлено для придания трагичности, безысходности события и чтоб подчеркнуть, как важно было в данном случае то время, когда они были вместе вдвоем.

Зи куштӣ гирифтан сухан буд дӯи,

*Нагирам фиреби ту, з-ин дар макӯш.
На ман кӯдакам, гар ту ҳастӣ ҷавон,
Ба куштии камар баста дорам миён[164, 307].*

Зачем напрасно время нам тянуть?
*Не тщись меня ты лестью обмануть.
Ты молод – зато я седоголовый.
Я опоясался на бой суровый [165, 185].*

Why should we waste time in vain?
*Do not try to deceive me with flattery.
You are young – but I am gray-headed.
I girded on a fierce battle[тамже].*

В приведенном стихотворном отрывке речь идёт о том, что жизнь человека очень коротка, и он может в любую минуту покинуть этот мир. Метафорическое выражение «*беҳуда гузаронем вақт*» – «*напрасно время нам тянуть*» - «*we waste time in vain*» употреблен во временном значении – жизнь коротка. В стихотворении великого Фирдоуси метафора используется для придания образности речи.

Як қадам роҳ аст Бедил аз ту то домони хок,
Дар сари миҷгон чу ашк истодаи ҳушёр бош[31, 81].

Пространство между тобой и могилой всего лишь один шаг Бедил,
Стоишь как слеза на ресницах, будь бдительным (приходи в себя).

The space between you and the grave is just one step,
You stand like a tear on your eyelashes, be alert (come to your senses).

(подстрочный перевод наш-Ш.С.)

В этом примере тоже речь идёт о том, что жизнь человека очень коротка, и он может в любую минуту покинуть этот мир. Термин

«пространство» употреблен здесь во временном значении – жизнь коротка. В этом отрывке метафора используется для придания образности речи.

*Кунун замона дигар гашту ман дигар гаштам,
Асо биёр, ки вақти асою анбон буд*[140, 78].

*Но годы весны сменялись годами суровой зимы.
Дай посох! Настало время для посоха и сумы.*

Перевод Вильгельма Левика

*But the years of spring gave way to years of harsh winter.
Give me the staff! It is time for the staff and the bag.*

*Замона панде озодвор дод маро,
Замонаро чу накӯ бингарӣ, ҳама панд аст.
Ба рӯзи неки касон, гуфт, гам махур зинҳор,
Басо касо, ки ба рӯзи ту орзуманд аст*[тамже, 71].

**«Однажды время мимоходом отличный мне дало совет
(Ведь время, если поразмыслить, умней, чем весь ученый свет)
О Рудаки, – оно сказала, – не зарься на чужое счастье.
Твоя судьба не из завидных, но и такой у многих нет»** [138, 117].

*Once upon a time, an excellent one gave me an advice
(After all, time, if it's time to think, is smarter than the whole learned
world)*

«O Rudaki,» it said, «do not stare at the happiness of others».

«Your fate is not enviable, but many people do not have.»

Поэт метафорически делает время своим собеседником, подчеркивая мудрость веков, которая приходит с годами.

Омар Хайям – выдающийся персидско-таджикский философ, математик, астроном и поэт, в своих знаменитых рубаях также

метафорически описывал пространство и времени и жизни. При жизни Хайям прославился как выдающийся учёный. В своих стихотворениях афоризмах (рубаях) он высказывался о жизни, человеке, знаниях, времени и его быстротечности. Общее количество четверостиший о жизни и судьбе Хайяма к XX веку превысило 5000.

*«Донӣ, ки сапедадам хурӯси саҳарӣ,
Ҳар лаҳза чаро ҳамекунад навҳагарӣ?
Яъне, ки намуданд дар оинаи субҳ,
К-аз умр шабе гузашту ту беҳабарӣ»*[162, 80].

1. О чем кричит, тревожа чуткий слух?

Что в зеркале зари узрел петух?

— Вот жизни ночь еще одна минула,

Но дремлешь ты и к вести горькой глух[тамже]. (перевод К. Арсенева)

2. «О чем кричит, тревожа чуткий слух,

Что видел в зеркале зари петух?

Проходит жизнь, и эта ночь мелькнула,

Но дремлешь ты и к страшной вести глух» [тамже]. (перевод К. Арсенева).

Дар доираи сипеҳр нопайдо гавр,

Чомест, ки чумларо чашонид ба давр.

Навбат чу ба даври ту расид оҳ макун,

Май нуш ба хушидилӣ, ки давр аст ба чавр.

«Круг небес, неизменный во все времена,

Опрокинут над нами, как чаша вина.

Это чаша, которая ходит по кругу.

Не стони – и тебя не минует она» [тамже, 80].

Перевод В. Державина

Deep in the fordure of the heavenly blie,

*There is a cup, concealed from mortal view.
Which all must drink in turn; Oh sigh not than,
But drink it gladly, when it comes to you*[там же, 80].

*Афсус, ки номаи ҷавонӣ тай шуд,
В-ин тозабаҳори шодмони дай шуд.
Он мурғи тараб, ки номи у буд шабоб,
Фарёд, надонам, ки кай омад, кай шуд*[там же, 64].

*«Книга жизни моей перелистана – жаль!
От весны, от веселья осталась печаль.
Юность – птица: не помню, когда прилетела
И когда унеслась, легкокрылая, вдаль»* [там же, 81].

Перевод В. Державина

*Now is the volume of my youth outworn,
My happy spring by autumn overborne.
Ah, bird of youth! I marked not when you came,
Nor when you fled, and left me thus forlorn*[там же, 81].

В приведённых выше рубаях Хайям метафорически говорит о времени, которое предстаёт перед нами, в образах цветения розы, чаши вина, книги. Юность есть птица, которая незаметно прилетела и улетела. Тем самым автор подчёркивает скоротечность времени, метко в одном четверостишии передавая потомкам свою мудрость о том, что жизнь проходит быстро и никого не минует эта участь, не стоит тратить её попусту.

*«Он кас, ки Замину чарху афлок ниҳод,
Бас доғ, ки ӯ бар дили гамнок ниҳод.
Бисёр лаби лаълашӯ рӯи чу моҳ,
Дар табли замину ҳуққаи хок ниҳод»*[там же, С.41].

*«Даже гений – творенья венец и краса –
Путь земной совершает за четверть часа.
Но в кармане земли и в подоле у неба
Живы люди – покуда стоят небеса!» [тамже].*

Перевод В. Державина

*Ин як-ду-серӯза **навбати умр** гузаит,
Чун об ба чӯйбору чун бод ба даит.
Ҳаргиз гами **ду рӯз** маро ёд нагаит,
Рӯзе, ки наёмадасту рӯзе, ки гузаит [тамже, 175].*

*«Словно ветер в степи, словно в речке вода,
День **прошел** – и назад не придет никогда.
Будем жить, о подруга моя, настоящим!
Сожалеть о минувшем – не стоит труда» [тамже].*

Перевод В. Державина

*My **life lasts but a day or two, and fast,**
Sweeps by, like torrent stream or desert blast.
Howbeit of two days I take no need,
The day that's future and the day that's past [тамже].*

В данных рубаях автор связывает понятия пространства и времени: путь – есть время. И снова говорит о быстротечности времени, сравнивая его с ветром в степи.

Таким образом, на основании приведенных выше примеров из таджикского, русского и английского языков необходимо сделать вывод о существенной роли метафор пространства и времени как в разговорной речи, так и в художественном слове. Метафора необходима для того, чтобы ярче описать человека, ситуацию из жизни, время, его скоротечность, свои переживания по этому поводу. Привлекает к себе внимание образность метафоры. Стихи останутся просто

стихоплетством, если поэт может сочинить рифму, но не в состоянии использовать художественные средства. Метафоры украшают текст, благодаря им создаются образы в художественной литературе, от избытка чувств автора, стремящегося одарить ими своего читателя.

Далеко не все объекты доступны мышлению индивида, так как не обо всех вещах он может составить четкое конкретное представление. Метафоризация речи нужна не только для того, чтобы сделать мысль человека доступной, но и самому человеку для того, чтобы объект стал более доступен для мышления. Метафора необходима развитию мышления, а не только для наименования предмета. Метафоры пространства и времени являются важным средством мышления, а не только для выражения мысли. Метафоры пространства и времени являются основополагающими в рассмотренных нами языках: таджикском, русском и английском. Это связано, прежде всего, с тем, что понятия времени и пространства являются основой мироздания человека, в чём заключена сама суть этих трёх понятий. Время – это форма протекания физических и психических процессов, условие возможности изменения. Одно из основных понятий философии и физики – мера длительности существования всех объектов. Пространство – это всё, что нас окружает, понятие широкое, включающее в себя пространство относительное и абсолютное.

Необходимо учесть тот факт, что метафоры пространства, времени и жизни недостаточно изучены в сопоставляемых языках, хотя в поэзии и в разговорной речи мы находим значительное их количество. Метафора рассматривается нами в разноструктурных языках как художественное средство выражения мысли, которая, расширяя смысловые границы, создает условия для доступа к едва заметным объектам, видимых из отдаленных рубежи, помогая более глубоко разобраться в понятиях пространства и времени.

Выводы ко второй главе

В результате изучения теоретического материала и практических примеров наиболее типичного словоупотребления метафор пространства и времени в рассматриваемых языках необходимо резюмировать, что пространственная и временная модели являются значимыми фрагментами как универсальной, общекультурной языковой картины мира, так и исконных таджикской, русской и английской.

В диссертации произведено обобщение научных знаний о метафоре, в том числе пространственных и временных метафорах в качестве средства создания целостной структуры выражения мира в языке. Лексический материал способствовал анализу концептуальной структуры и ряда свойств понятий пространства и времени, учитывая их универсальность и культурную самобытность.

Подчеркнута важная роль метафоры как средства художественного слова: через метафорическое значение языковых единиц, которым автор углубляет видимость и наглядность воссоздаваемого, а также представляет исключительную индивидуальность объектов и событий, выражая при этом как оригинальный, так и культурно обусловленный характер ассоциативно-образного мышления, видения мира. Еще древнегреческий философ Аристотель подчеркивал важность быть искусным в использовании метафор, однако, напоминая, что дар успешного оригинального метафорического повествования ассоциируется с талантом.

На основе обобщения теоретического материала отмечается, что одним из самых результативных методом познания картины мира в любом языке сегодня считается способ фрагментальной ее реконструкции с использованием языка как основного носителя информации. Культурно-исторический опыт восприятия мира собирается, фиксируется, классифицируется и передается, прежде всего, в языке. Не вызывает сомнений тот факт, что спонтанно усвоенные в детстве языковые средства, включая лексические единицы,

грамматические конструкции, оказывают существенное влияние на познавательные способности и стратегии человека – носителя определенного языка и культуры.

Метафорическое олицетворение акцентирует внимание на ряде определенной идентичности иногда внезапного и нового между двумя и более объектами. Утверждая что-либо буквально, метафорой зараждается или определяется конкретный взгляд на объект, но он открыто не выражается.

Рассматривая мнение сторонников когнитивного подхода Дж. Лакоффа и М. Джонсона, считающих, что метафора формируется в исключительно эстетических воззрениях можно констатировать, что метафора способна играть роль в качестве метода получения исходного знания посредством понимания старого, а также самостоятельно при этом интересуется на базе имеющегося опыта.

Таким образом, функции метафоры состоят из связи взаимоусиления, взаимоиндукции, хотя данную идею желательно не утрировать. Употребление метафоры, возможно, направить на противоположные цели, в качестве механизма запоминания и конспирации, шифровки, кодирования и разъяснения; метода познания нового и сохранения старых речевых традиций. К тому же, метафора служит ценным ресурсом эмоционального внимания, формируя в человеческом сознании картины, прикасающиеся к душе человека, порождая желаемые эмоции.

Проводя анализ вышеизложенного научного труда, можно констатировать, что метафорические определения служат составной частью языкового видения мира, так как и определяют и классифицируют и дают оценку предмету или явлению.

Следовательно, нами доказано, что по факту метафоры подразделяются на конкретные группы, выражающие определенную оценку. А именно оценка качеств морально-эстетических, интеллектуальных и эмоционально-психологических, функциональная

оценка референта, внешняя оценка социального положения, оценка образованности, профессиональной подготовленности.

Согласно полученным результатам становится очевидным, что детальность использования большинства признаков, на которых базируется оценочность метафор, в большинстве случаев идентичны в таджикском, русском и английском языках. Хотя некоторая специфичность, свойственная данным языком, все же наблюдается.

Подчеркнем, что характерность употребления метафор, связанных с конкретными оценочными условиями, предполагает ряд факторов, в том числе цели, личностные качества, намерения контактеров, а также место и время исполнения общения.

Иногда встречается тождество формы и значения метафор, но наблюдаются и отличия, имеющиеся как полное тождество формы, отличия в семантике, так и сходство понятий, но с разной внутренней формой. Особую часть метафор, связанных с человеком, составляют единицы, неимеющие аналогов в любом из выбранных языков.

Изыскания оценочных метафор в русском языке с целью определения доминирования положительной, отрицательной или нейтральной оценки было обнаружено сходство с метафорами таджикского и английского языков, т. е. пространство по наличию единиц составляют метафоры с оценкой отрицания, затем идут метафоры, отражающие положительную оценку, и третье место отводится метафорам с оценкой нейтральности.

Несущественное количественное различие встречается среди метафор в составе всех групп.

Следовательно, нами установлена тенденция доминирования метафор с отрицательной оценкой и в таджикском, и в русском и в английском языках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги диссертации, следует отметить, что в ней резюмированы основная цель и поставленные задачи.

Прежде всего, была определена языковая природа метафоры, то есть метафора как языковое явление представляет собой основную ментальную категорию, связывающую две понятийные сферы и создающую возможность применять потенции структурирования сферы-источника благодаря новой сферы.

По результатам анализа материала можно сделать вывод, что метафора как языковое понятие в формировании и эволюции трех элементов языка – смысловых слов, фразеологизмов и метафорических выражений занимает общую позицию в выражении разных концептов. Как видно из исследования первой главы, метафора более широко используется в языке, чем в ее первоначальном значении, что и подтверждено в диссертации.

Метафора как понятие играет важную роль в литературоведении и лингвистике в выразительности и эффективности речи писателей.

Мнение известного лексикографа Мухаммада Гиёсуддина, хотя и достаточно лингвистически аргументированно, но его заявление о том, что « маҷоз зидди ҳақиқат аст – метафора противоречит истине», является, на наш взгляд, спорным.

Поскольку метафора известна как лингвистический термин, отсюда следует, что она обладает своими собственными способами выражения и характеристики, которые рассматривались во второй части первой главы, а также описаны способы метафорического выражения.

В диссертации выдвинута точка зрения, что метафора – это развитие правописания слов на лексико-грамматическом уровне. На первый взгляд лексическая структура метафоры кажется простой, но если ее рассмотреть глубже, то выявляется, что это весьма сложная категория,

в которой прослеживается взаимосвязь и сходства слов, а иногда их отклонение от первоначального значения.

Анализ морфологической структуры метафорических выражений показал, что на этом уровне языка участвуют преимущественно существительных и прилагательных.

Синтаксическая структура виртуальных выражений предполагает, что на этом уровне они с двумя элементами языка – творческими выражениями (синтаксисом) и метафорическими выражениями, позволяют отделить это понятие от других лингвистических понятий и обсудить его отдельно.

Следует отметить, что с точки зрения синтаксической структуры метафорических выражений исследователи предложили различные термины (метафорические выражения, метафорические связи, художественная фразеология, наречия, образные единицы, темпоральное).

Эти понятия корректнее называть метафорическими выражениями. При анализе синтаксической структуры возникла нормативная проблема, то есть виртуальные выражения не всегда соответствуют определенным языковым нормам с точки зрения их структуры и нелогичны с точки зрения своей исходной семантики.

Проведя анализ разнообразных определений метафоры, можно резюмировать, что значительная часть источников характеризуют данный факт как ментальную аналогию, образованную посредством употребления понятия одного объекта к другому и подобным образом иллюстрирующую какую-либо значимую черту последнего. С помощью метафоры можно наблюдать некоторое тождество – часто новое и неожиданное – между двумя и более объектами или явлениями. Метафора не демонстрирует открыто какое-либо конкретное утверждение, она только подразумевает характерное суждение на предмет, а не о предмете или какое-либо явление.

Следовательно, метафорические процессы зачастую двигаются в противоположных направлениях: от человека к природе, от природы к человеку, от неодушевленного к одушевленному и от живого к неживому. Трансфер категорий предметности к абстрактности наблюдается в единичных случаях.

Согласно полученным результатам, приведенного анализа сравнения критериев, находящихся в оценочной основе метафор таджикского, русского и английского языков. Можно констатировать совпадения показателей частоты употребления большинства из них, в значительной мере это относится к метафорам, в которых отражена оценка эмоционально-психологических свойств субъекта.

Заметим, что своеобразие употребления метафор, имеющих характерные оценочные критерии, имеет зависимость рода факторов, в том числе цель, личностные качества, намерения общающихся, а также место и время проведения общения.

Критерии частоты использования понятий большинства тематических групп, заложенных в основе метафорического переноса, тождественны как в таджикском, так и в русском и английском языках, но ряде случаев наблюдаются некоторые отличия в численном составе определенных групп. Отмечаются также тематические группы, существующие в одном и несуществующие в другом языке.

Относительно тождества внутренней формы и семантики оценочных метафор таджикского, русского и английского языков, присущих отмеченным нами тематическим группам, то им также свойственны как общие черты, так и различия. Есть случаи, где присутствует совпадение формы и значения метафор, но наблюдаются и различия, состоящие либо в полном тождестве формы, но отличающиеся в семантике, либо в родстве значения, но разной внутренней форме. Некоторое количество метафор, отождествленных с человеком, образуют единицы, неимеющие равнозначного определения в каком-либо анализируемых языков.

Анализ языкового материала показывает, что лексема «жизнь» широко употребляется в разных субъектных ролях.

Весьма часто она используется в качестве субъекта передвижения, потому что окружающий нас мир и все люди в том числе находятся в непрерывном движении.

Соответственно, контекст использования лексемы «жизнь» свидетельствует о широком использовании концептуальной метафоры «Жизнь равна дороге» для описания более абстрактного (временного) понятия «жизнь» через более конкретное (пространственное) понятие «дорога». Также в данной диссертации проведен анализ некоторых примеров наиболее типичного употребления метафор пространства и времени в отдельных языках и сделан интерпретационный и сравнительный анализ использования эквивалентных речевых конструкций в разноструктурных языках. На основе данного анализа на новом языковом материале подтвержден тезис о том, что отождествление времени и пространства через метафоризацию приводит к образованию некоего синкретического единства «пространство – время». События, которые знаменуют отрезки времени, делают возможным описание времени пространственными категориями, поскольку более конкретные события и их очередность во времени делают изначально абстрактную концепцию времени более конкретной концепцией. Данный синкретизм естественным образом отражается как динамическое восприятие времени в языке, где посредством использования определенных лексических единиц происходит отождествление времени с пространственным движением и изменением.

Концепции пространства времени и жизни как окружающая нас действительность занимают особое внимание в лингвистических исследованиях. Окружающий мир полон физических тел, взаимодействующих друг с другом во времени и пространстве, и язык отражает и описывает это языковыми средствами. Пространство и время – это, с одной стороны, универсальные и, с другой, культурно-

специфические понятия. Язык на разных уровнях закрепил в себе многие важные для самосознания таджикского, русского и английского народов представления о пространстве и времени.

В рамках данной диссертации рассмотрены концепции пространства, времени и жизни на лингвистическом уровне путем анализа функционирования пространственных, временных и жизненных понятий в языке, с точки зрения их самобытности в сопоставляемых языках. Анализ примеров демонстрирует, что метафоры пространства, времени и жизни являются основополагающими в рассмотренных нами языках. Это, прежде всего, связано с тем, что эти три понятия лежат в основе мироздания.

В нашем диссертационном исследовании отмечается, что метафоры пространства времени и жизни недостаточно изучены в лингвистике таджикского языка, хотя в поэзии и в разговорной речи мы находим массу примеров данных метафор.

В рамках данной диссертации время, пространство и жизнь рассматриваются на лексическом уровне, на примерах того, как пространственные, временные и жизненные концепты представлены в языке. Кроме того, на основе анализа примеров делаются выводы относительно культурной самобытности данного фрагмента языковых картин мира: таджикской, русской и английской. Это позволяет составить представление о каждой языковой пространственно-временной модели и сделать на основе сравнительного анализа выводы об особенностях мировосприятия таджикского, русского и английского народов, осмысление их роли в разных языковых культурах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Научная литература:

1. Абакумова, О.Б. Языковая картина мира и языковые стереотипы / О.Б. Абакумова. Вып. XI. – Орел: Орловский гос. унт, 2003. – 89с.
2. Аверинцев, С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции / С.С. Аверинцев – Москва: Школа, 1996. – 448с.
3. Азнаурова, Э.С. Слово как объект лингвистической стилистики. / Э.С. Азнаурова – АДД, Москва, 1974. – С.184
4. Айнӣ, С. Ёддоштҳо, қисми 1, 2./ С. Айнӣ – Душанбе: Адиб, 1990.— С.192
5. Алексеев, К.И. Функции метафоры в политической речи / К.И. Алексеев – Москва: Ин-т психологии РАН, 1996. – С. 150-161.
6. Алексеева, Л.М. Метафорическое терминопорождение и функции терминов в тексте: Автореф. дис... д-ра филол. Наук / Л.М. Алексеева – Москва: РУДН, 1999. – 33 с
7. Анкерсмит, Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломоец, В. Катаева // Ф. Анкерсмит – Москва: Прогресс-Традиция, 2003. – С.96
8. Апресян, В.Ю. Метафора в семантическом представлении эмоций / В.Ю. Апресян – Москва: Инфра – М, 2013. –264 с.
9. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Том I. Лексическая семантика (синонимические средства языка) / Ю.Д. Апресян. – Москва:1995. – 464 с.
10. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель. – Москва: Азбука, 2015. – 320с.
11. Аристотель. Сочинения / Аристотель – Москва: Изд. Мысль, 1976. том 2, С.536
12. Арутюнова, Н.Д. и Журинский М.А. Теория метафоры / Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журинской – Москва: Прогресс, 1990. – 435 – 455 с.

13. Арутюнова, Н.Д. Метафора в языке чувств / Н.Д. Арутюнова – Москва: 2013. – 385 с.
14. Арутюнова, Н.Д. Об объекте общей оценки / Н.Д. Арутюнова. – Москва: Просвещение, 2015. – 133 с.
15. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. События. Факт. / Н.Д. Арутюнова. – Москва: 2012. – 194 с.
16. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека Текст. / Н.Д. Арутюнова. -2-е изд., испр. и доп. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1999. - 896 с.
17. Асозода, Х., Кӯчаров А. Адабиёти тоҷик. / Китоби дарсӣ барои синфи 11-ум // Х. Асозода, А. Кӯчаров – Душанбе: Маориф, 2018. – С.93
18. Ахматова, А. «А я говорю, вероятно, за многих...» / А. Ахматова – Санкт Петербург, 2011. – С.161
19. Ахматова, А. «Двадцать первое. Ночь. Понедельник...» / А. Ахматова – Москва:, 2014. – С.51
20. Бабенко, Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. / Теория и практика Учебник; Практикум // Л.Г. Бабенко – Москва: Наука, 2005. – 496 с.
21. Балашова, Л.В. Метафора в диахронии (на материале русского языка XI-XX веков). / Л.В. Балашова – Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 1998. С. 216.
22. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – Москва: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
23. Банин, В.А. Субстантивная метафора в процессе коммуникации: Автореф. дисс. канд. филол. Наук / В.А. Банин – Москва, 1995. – 169 с.
24. Банина, Е. Н. Оценочный компонент значения в семантике метафоры (на материале современного английского языка): Автореф. дис... канд. филол. наук. / Е. Н. Банина – Нижний Новгород, 2001. – 16 с.

25. Баранов, А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры / Русская политическая метафора (материалы к словарю) // А.Н. Баранов, – Москва, 1991. – С. 184-193.
26. Баранов, А.Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя / А.Н. Баранов – Москва, 2004. – С. 7-21.
27. Барина И.В. Семантика предлогов, выражающих временные отношения, в современном английском языке. Автореферат дисс... канд. филолог, наук / И.В. Барина – Москва, 1999. – 25 с.
28. Барышников, П.Н. Миф и метафора. Лингвофилософский подход / П. Н. Барышников – Москва, 2010. – 216с.
29. Басилая, Н.А. Семасиологический анализ бинарных метафорических словосочетаний / Н.А. Басилая. Изд-во Тбилисского Университета, 1971. – 78 с.
30. Бахмутова, Н.И. О некоторых основных понятиях процесса метафоризации / Н.И. Бахмутова Изд-во Саратовского Университета, 1972. – С. 95-104.
31. Бедил, М. А. Куллиёт / М. А. Бедил – Душанбе: Адиб, 1983. – С.31-94
32. Бенвенист, Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – Москва, 1974. – 448 с.
33. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыты по психологии войны и национальности / Н.А. Бердяев – Москва: Философское общество СССР, 1990. – 208с.
34. Бессарабова, Н.Д. Метафора как языковое явление / Н.Д. Бессарабова – Москва, 1987. – С 156-173.
35. Библия. – Минск, 1992. – 1217 с.
36. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Международный Издательский Центр Православной Литературы. 1995. – 1371С.

37. Бирдсли, М. Метафорическое сплетение: Пер. с англ. / М. Бирдсли – Москва, 1990. – 201 – 208 с.
38. Блок, А. Избранное / А. Блок – Москва: Детская Литература, 1969. – С.86
39. Блок, А. Поэзия Драммы Проза. / А. Блок – Москва, 2001. – С .244
40. Блэк, М. Метафора / Теория метафоры // Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Москва: Изд-во «Прогресс», 1990. – С. 156.
41. Болдырев, Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики / Н.Н. Болдырев – 2004. – № 1 -С. 18-36.
42. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика / Н.Н. Болдырев. – Изд – во Тамбовского государственного университета, 2001. – 111с.
43. Болдырев, Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола / Н.Н. Болдырев. – Санкт Петербург, 1995. – 137 с.
44. Будаев, Э.В. Становление когнитивной теории метафоры / Э.В. Будаев – Екатеринбург, 2007. – С. 16-32.
45. Булыгина Т.Е. Перемещение в пространстве как метафора эмоций /Т.Е. Булыгина. Москва, 2000. – 448с.
46. Вежбицкая, А. Восприятие: семантика абстрактного словаря / Новое в зарубежной лингвистике // А. Вежбицкая. – Москва, 1986. – С. 336-369.
47. Вежбицкая, А. Лексическая семантика в культурно сопоставительном аспекте / А. Вежбицкая – Москва: 2013. – 647 с.
48. Вендина, Т.И. Введение в языкознание / Т.И. Вендина – Москва, 2002. – 288 с.
49. Вовк В.Н. Языковая метафора в художественной речи: природа вторичной номинации / В.Н. Вовк – Киев, 1986. – 140 с.
50. Вознесенский А. А. Собрание сочинений в 3-х томах. / А.А. Вознесенский – Москва, 1983. – 1392с.
51. Волкова, Дж. Употребление метафоры жизни в современной российской прессе / Дж. Волкова. – 2006. – 82 с.

52. Вольф, Е.М. Метафора и оценка. Метафора в языке и тексте / Е.М. Вольф. – Москва, 2013. – 65 с.
53. Гаврин, С. Г. Изучение фразеологии русского языка / С. Г. Гаврин – Москва, 1963. – С. 5
54. Гадамер, Х.Г. Истина и метод / Х.Г. Гадамер – Москва, 1988. – 560 с.
55. Гайдаренко, В.А. Время и пространство в зеркале когнитивной лингвистики / В.А. Гайдаренко – Гуманитарные исследования, 2014. №10. – с. 83-86.
56. Гак, В. Г. Функционально-семантическое поле предикатов локализации / Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность // Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 1996. С. 6–26.
57. Галкина, О.В. Метафора как инструмент познания (на материале терминов-метафор компьютерного интерфейса): дис... канд. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Галкина – Тверь, 2004. – 141 с.
58. Гальперин, И.Р. «Stylistic» / И.Р. Гальперин – Москва., 1971 – С. 135
59. Гийом, Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – Москва, 2012. – 87 с.
60. Гин, Я.И. Грамматический род как категория поэтического языка. автореф дисс... канд. филол. Наук / Гин, Я.И. – Ленинград 1985, 24с.
61. Глазунова, О. И. Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб., 2000. – 190 с.
62. Гоббс, Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / Т. Гоббс – Москва, 1991. – 732с.
63. Горбунов, П. С. Эволюционное учение: Методические рекомендации и задания (для студентов биологических специальностей педагогических университетов) / П. С. Горбунов – СПб: ТЕССА, 2011. – 168 с.
64. Григорьев, В.П. Поэтика слова / В.П. Григорьев – Москва: Наука, 1979. – 340 с.

65. Грушина, Н.Б. Концепт «время» в дискурсе современных художественно-публицистических журналов (на материале журнала «Новый мир»). дисс... канд. филол. наук. / Грушина, Н.Б. – Санкт Петербург, 2002. – 216 с.
66. Гудмен, Н. Способы создания миров / Н. Гудмен. – Москва, 2001. – С. 376
67. Гулимова, А.Д. Концептуальные основания семантики времени в английском языке / А.Д. Гулимова – 2012. № 12. – С. 652-661.
68. Гумбольдт, А. фон. Космос / Опыт физического мироописания // А. фон Гумбольдт. – Санкт Петербург.: [Б. м.] – 1848. – 331 с.
69. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В. Гумбольдт – Москва, 1984. – 397 с.
70. Гусев, С.С. Наука и метафора / С.С. Гусев – Ленинградский Университет, 1984. – 152с.
71. Дейк, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк. – Москва, 1989. – 312с.
72. Демьянков, В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / Вопросы языкознания // В.З. Демьянков – 1994. №4. – с. 23-26
73. Дехнич, О. В. Концептуальная метафора People are trees в современном английском языке: Дис... канд. филол. наук: 10. 02. 04. / О. В. Дехнич – Москва: РГБ. – 2005. – 157 с.
74. Джами, А. Бахористон / А. Джами – Душанбе: Маориф ва фарханг, 2008. – 139 с.
75. Джами, А. Осор. Дар 8 чилд. Чилди 5-ум. Лайли ва Мачнун. Хирадномаи Искандарӣ / А. Джами – Душанбе: Адиб, 1988 – С.263
76. Джонсон, М., Лакофф Д. Метафоры, которыми мы живем / М. Джонсон, Д. Лакофф – Москва, 2012. – 256 с.
77. Дэвидсон, Д. Что означают метафоры / Теория метафоры // Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – Москва, 1990. – С.101-108

78. Ермакова, О. П. Пространственные метафоры в русском языке / О. П. Ермакова // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. – Москва, 2000. – С. 289-298.
79. Ермишин, О. «Афоризмы. Золотой фонд мудрости» / О. Ермишин – Москва: Просвещение; 2006. – 1695 с.
80. Есенин, С. Собрание сочинений в одной книге. / С. Есенин – Белгород, 2012. – С.84
81. Заботкина, В.И. Россия изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография/Под общ.ред.В.И.Заботкиной. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 472 с.
82. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта / Залевская А.А. – Изд. Воронеж. Университета, 2001. – 145 с.
83. Зеҳни Т. Санъати сухан / Т.Зеҳни – Душанбе: Адиб, 2007. – 176 с.
84. Ипанова О. А. Концепт «жизнь» в русской языковой картине мира: Лингвокультурологический и лексикографический аспекты. Автореф. дис. канд. филол. наук. / О. А. Ипанова – Санкт-Петербург, 2005. – 24 с.
85. Камоли Хучандӣ. Куллиёт. Душанбе, Ирфон 1983 С.128
86. Камолиддинов, Б. Забон ва услуби Ҳаким Карим. / Б. Камолиддинов – Душанбе: Ирфон, 1967. – С.69
87. Кассирер, Э. Сила метафоры / Э. Кассирер. – Москва, 2013. – 78 с.
88. Кимов, Р.С. Пространство и время через призму соматической лексики / Р.С. Кимов – 2008. № 2. – С. 122-125.
89. Ковтунова, И.И. Поэтический синтаксис. / И.И. Ковтунова – Москва: Наука, 1986. – С.115

90. Колесникова, К.А. Межрегиональный конкурс-проект «Моя новая школа» [Текст]: сборник педагогических эссе / под общ. ред. К.А. Колесникова. – Киров: ИПИМО, 2010. – С.150
91. Кузнецова, В. В. Книга Жизни / В. В. Кузнецова — «Лентина», 2010. — (Exodus) С. 12-25
92. Кулигина, Т.И. Лингвистический статус категории оценки / Т.И. Кулигина. – Москва: Просвещение, 2013. – 198 с.
93. Кулиев, Э. Р. Коран: Перевод смыслов / Э. Р. Кулиев. – Москва: Эксмо, 2012. – 688 с.
94. Кутергина, И. Г. Использование метафор в семейной терапии / И. Г. Кутергина – Москва: Просвещение, 2000. – 4000 с.
95. Лермонтов, М.Ю. Сочинения: В 6-ти т. Т. 2. / М.Ю. Лермонтов – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1962. – 703 с.
96. Лотман, Ю.М. Структура художественного текста / Ю.М. Лотман – Санкт Петербург, 1998. – 285 с.
97. Любинская, Л.Н., Лепилин С.В. Философские проблемы времени в контексте междисциплинарных исследований / Л.Н. Любинская Москва, 2002. – 304с.
98. Маккормак, Э. Когнитивная теория метафоры: Пер. с англ. / Э. Маккормак – Москва, 1990. – 358-387с.
99. Мачидов, Х. Вохидҳои фразеологӣ ва калима / Х. Мачидов – Душанбе: Мактаби совети, 1984. №4 С.19
100. Мачидов, Х. Фразеологияи забони ҳозираи тоҷик / Х. Мачидов – Душанбе, 1982. – С. 18
101. Мандельштам, О. Э. Век мой, зверь мой / О. Э. Мандельштам – Москва: Эксмо, 2011. – С.214
102. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / Учеб. пособие, 4-е изд., испр.// В.А. Маслова. – Москва, 2007. – 296 с.
103. Матвеева, А. С. Парадигмы поэтических образов в диахроническом аспекте(на материале англоязычной поэзии)

- Автореф. дисс. канд. филол. Наук / А. С. Матвеева – Москва, 2011. – 25 с.
104. Мезенин, С.М. Образность как лингвистическая категория / С.М. Мезенин – ВЯ 1983. №6 С.50
105. Миллер, Дж. Образы и модели, уподобления и метафоры / Дж. Миллер. – Москва, 1990. – С. 236-283.
106. Милюков П.Н. Воспоминания / П.Н. Милюков – Москва: Издательство политической литературы, 1991. – С.95
107. Москвин, В.П. Русская метафора: / Очерк семиотической теории // В.П. Москвин – Москва, 2012. – 200 с.
108. Муллоаҳмад, М., Шарофова. М. Дар партави хуршед / Мунтахаби ашъори шоирони нимаи аввали асри XI // М. Муллоаҳмад, М. Шарофова — Душанбе: Адиб, 2011. – 480 с.
109. Муминов, А. Забони ҳозираи тоҷик Лексика / китоби дарсӣ // А. Муминов – Душанбе, Ирфон 1985. – С. 15-101
110. Муминов, А. Полисемия в таджикском языке. Автореферат дисс... канд. филол. Наук / А. Муминов – Душанбе, 1972. – С.21
111. Муҳаммадиев, М., Талбакова Ҳ., Нурмаҳмадов Ю. Лексикаи забони адабии тоҷик / М. Муҳаммадиев – Душанбе: Ирфон, 1997. – С. 16-190
112. Наер, В. Л. Семантическая несовместимость лексических единиц как источник информативности некоторых стилистических приемов / В. Л. Наер – «Научные труды МГПИИЯ» вып.103.,1976. – С.184
113. Никитин, М.Б. Метафорический потенциал слова и его реализация / Проблема теории европейских языков / Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева, Л.Б. Копчук. – Санкт Петербург, 2001. – С. 43-44.
114. Озарахш. Парвона зинда аст... / Озарахш. – Душанбе: Адиб, 2020 – С.37

115. Омулӣ, Шамсуддин Мухаммад ибни Махмуд. Нафоис-ул-фунун фӣ ароис-ил-уюн. Ҷ.1-3. Ба тасхех ва поварақи Абулҳасани Шаъронӣ. – Техрон: Сақф,1381. Ҷ.1. -595 с.
116. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора / Е.О. Опарина. Москва, 1988. – С. 65-77.
117. Опарина, Е. О. Концептуальная метафора и ее функции в языке: автореф. дис... канд. филол. наук./ Е.О. Опарина – Москва, 1990. – 25 с.
118. Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры / пер. с англ., общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журиной. Москва: Прогресс, 1990. С. 68-81.
119. Ортони, Э. Роль сходства в уподоблении и метафоре / Э. Ортони – Москва, 1989. – С. 219-235.
120. Осипов, А.И. Из времени в вечность. Посмертная жизнь души. / А.И. Осипов. – Москва, 2012. – С.92
121. Отырба, Е.И. Пространственная метафора времени на примере концепта «жизнь»/ Е.И. Отырба. Вестник Московского государственного лингвистического университета 2014. №5(691) С. 110-119
122. Папина, А.Ф. Текст. Его единицы и глобальные категории / А.Ф. Папина. – Москва, 2015. – 368с.
123. Пастернак, Б. Стихотворения и поэмы в двух томах. Том 1 / Б. Пастернак – Ленинград, 1990 – С.108-125
124. Петров, В.В. Понимание метафор: на пути к общей модели / В.В. Петров – Москва, 1988. – 165-169 с.
125. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский – Москва, 2001 – С. 21
126. Пименов, Е. А., Пименова М. В. Россия глазами русских / (концептуальные метафоры как особенность национальной ментальности) Ментальность и язык: коллективная монография // Е. А. Пименов, М. В. Пименова – Кемерово: КемГУ, 2006. – С. 184-209

127. Пименова, М. В. Душа и дух: особенности концептуализации / М.В. Пименова – Кемерово, 2004. – 385 с.
128. Плисецкий, Г. Б. Омар Хайам. Рубайат в классическом переводе Германа Плисецкого. / Г. Б. Плисецкий – Москва, 2014. – С. 50
129. Попова, З.Д.; Стернин, И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, – Изд-во Волгоградский Университет, 1999. – С. 30
130. Попова, З.Д.; Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 335 с.
131. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира // В.И. Постовалова. – Москва: 1988. – 8-69 с.
132. Пушкин, А.С. Метель / А.С. Пушкин Собрание сочинений в 10 томах. Том 5. Романы, повести / А.С. Пушкин – Москва: ГИХЛ, 1959-1962.– С. 67
133. Рахимов, С. Воҳидҳои фразеологӣ дар назми халқӣ / С. Рахимов – Душанбе, 1990. – С.87
134. Рикер, П. Теория метафоры / Общ.ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва, 1990. – 416 – 434с.
135. Ричардс, А. Философия риторики / Теория метафоры. Сборник // А. Ричардс – Москва, 1990. – 512 с.
136. Ричардс, А.А. Философия риторики: Пер. с англ. / А.А. Ричардс – Москва, 1990. – С. 435-455
137. Родионова, А.Е. Семантика от субстантивных относительных прилагательных в системном и коммуникативно-функциональном аспектах: (на материале прилагательных, образованных от названий растений). Автореф. дисс... канд. филол. наук. / А.Е. Родионова – Уфа, 1997. – 24 с.
138. Рудаки, А. Лирика / Пер. с фарси В. Левика и С. Липкина. — Душанбе: Ирфон, 1978. — 128 с

139. Рудаки, А., Китоби мусаввар / А. Рудаки – Душанбе: Ирфон, 2008 – 240 с.
140. Рӯдакӣ, А. Ашъор / А. Рудаки – Душанбе: Адиб, 2007 – 416 с.
141. Рыжкова, Е.В. Метафора флористического круга в английском языке: дис... канд. филол. наук / Е.В. Рыжкова – Санкт Петербург, 2001. – 204 с.
142. Рязанов, Э. Музыка жизни (стихотворения)/ Э. Рязанов – Москва: Эксмо, 2011. – 176 с.
143. Савченко, А.Н. Образно-эмоциональная функция речи и поэтическая речь / А.Н. Савченко – Ростов-на Дону, 1978. – 127 с.
144. Савченко, А.Н. Речь и искусство / А.Н. Савченко – Ростов-на Дону, 1988. – 245 с.
145. Саидов, С. Назарияи адабиёт /С. Саидов – Душанбе: Ромиш Шералӣ, 2014. – С.211.
146. Салимова, Д.А. Время и пространство как категории текста: теория и опыт исследования (на материале поэзии М.И. Цветаевой и З.Н. Гиппиус). Монография / Д.А., Салимова Ю.Ю. Данилова – Москва: Наука, 2009. – 200 с.
147. Саломов М. К. Метафорические выражения в газелях Хафиза Шерози: Лингвистический анализ: дисс. канд. филол. наук – Душанбе, 2000. – 152 с.
148. Сафарли, Э. Я хочу домой / Э. Сафарли — «АСТ», 2015. – 134 с.
149. Священный Коран (Арабский текст с русским переводом). Перевод Р. Хаматвалиев, Р. Бухараев, Р. Х. Ахмад / Британия: Изд-во Islam international publications limited. 2006. – 1029 с.
150. Селье, Г. Стресс без дистресса / Г. Селье – Москва, 1979 – С.176
151. Серль, Дж.Р. Метафора: Пер. с англ. / Теория метафоры // Общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. – Москва, 1990. – 307 – 341 с.

152. Скляревская, Г. Н. Языковая метафора в словаре / Г. Н. Скляревская – ВЯ, 1987. №2, С.34-65
153. Скляревская, Г.Н. Метафора в системе языка / Г.Н. Скляревская – Санкт Петербург: Наука, 1993. – 152 с.
154. Смирнова, Н. Г. Концепт «Жизнь» и концептуальная метафоризация в историческом дискурсе В.О. Ключевского / Н. Г. Смирнова – Ставрополь: Грамота, 2014. – 164 с.
155. Степанов, Ю.С. В трехмерном пространстве языка / Ю.С. Степанов. – Москва: Наука, 1985. – 335 с.
156. Телия, В.Н. Метафора как модель смыслопроизводства и ее экспрессивно-оценочная функция / В.Н. Телия. – Москва: Наука, 1988. – С. 26-52.
157. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия. – Москва, 1986. – С. 173-204.
158. Телия, В.Н. Механизмы экспрессивной окраски / В.Н. Телия – Москва: Наука, 2013. – 66 с.
159. Тургенев, И.С. «Накануне. Отцы и дети» / И.С. Тургенев – Москва: Художественная литература, 1979. – 288с.
160. Тютчев, Ф.И. «Люблю глаза твои, мой друг...» Стихотворения. / Ф.И. Тютчев – Санкт Петербург, 2008. – С.220
161. Уилрайт, Ф. Метафора и реальность / Ф. Уилрайт. – Москва, 2013. – 211 с.
162. Умари Хайём. Рубоиёт (бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ) / У. Хайём – Душанбе: Сарредаксияи илмӣи Энсиклопедияи Миллии Тоҷик, 2009. – 471 с.
163. Умарова, М. Перевод Корана на таджикском языке / М. Умарова – Душанбе, 2007. – 423 с.
164. Фирдавсӣ, А. Шохнома. Ҷилди 2./ А. Фирдавсӣ – Душанбе: Адиб, 2007. -480 с.
165. Фирдоуси, А. Рустам и Сухраб, пер.В. Державина / А. Фирдоуси – Ташкент: ЦК КП Узбекистана, 1979. – С.185

166. Фирӯз, Б. Гафлатзадагон / Б. Фируз – Хучанд: Хуросон, 2019. – 448 с.
167. Фокина, О. А. Стихи / О. А. Фокина – Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1969. – С. 194
168. Хамитова, Э.Р. Концептуальная метафора «природа-человек» в антропоцентрической парадигме исследования / Э.Р. Хамитова – Башкирский университет 2008. – Т. 13., № 4. – С. 941-943
169. Хахалова, С.А. Категория метафоричности (формы, средства выражения, функции): Автореф. дис... д-ра филол. наук / С.А. Хахалова – Москва, 1997. – 32 с.
170. Хушзод, М. Махбас ва озодӣ. Эҳ, орзуҳо, ормонҳо (*қиссаҳо*) / М. Хушзод – Душанбе: Адиб, 2013. – 240 с.
171. Цветаева, М. И. Стихотворения. Том 2. / М. И. Цветаева – Москва: Терра, 1997. – С.93.
172. Цивьян, Т.В. Текст: семантика и структура / Сборник // Цивьян Т.В. – Москва: Наука, 1983. – 302 с.
173. Цивьян, Т.В. Язык: тема и вариации. Избранное: в двух книгах. Книга 2: Античность. Язык. Знак. Миф и фольклор. Поэтика / Т.В. Цивьян. - Москва: Наука, 2008. — 390 с.
174. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / А.П. Чудинов. — Екатеринбург, 2003. – 248 с.
175. Чудинов, А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография / А.П. Чудинов. – Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2001. – 238 с.
176. Шамиссо, Сирус. Сабкшносии шеър / Сирус Шамиссо – Техрон: 1376. шамсии хичрӣ – С.53
177. Шамс, Қайси Розӣ. Ал-муъҷам. / Шамс Қайси Розӣ .Душанбе: Адиб, 1991. – С.192

178. Шарифов, Х. Каломи бадеъ. / Х. Шарифов. – Душанбе: Маориф, 1991. – С.101-105
179. Шафиков, С.Г. Типология лексических систем и лексико-семантических универсалий / С.Г. Шафиков. – Уфа, 2004. – 225 с.
180. Шафиков, С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики / С.Г. Шафиков – Уфа, 1998. – 251 с.
181. Шерали Л. Куллиёт. Иборат аз ду чилд. Чилди 1. Ашъор / Л. Шерали – Душанбе: Адиб, 2008. – 560 с.
182. Шерозӣ, Ҳ. Девон / Ҳ. Шерозӣ – Душанбе: Адиб, 2015. – 480 с.
183. Шерозӣ, С. Ғазалиёт / Таҳияву тадвин, муқаддима ва шарҳи луғот аз Мубашшир Акбарзод // С. Шерозӣ – Душанбе: Адиб, 2014. – 480 с.
184. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира / А.Д. Шмелев. – Москва, 2002. – 224 с.
185. Эмомалӣ Раҳмон. Чехраҳои мондагор / Э. Раҳмон – Душанбе: Эр-Граф, 2016. – 364 с.
186. Юрков, В. Афоризмы и твиты./ В. Юрков – Москва: ООО Медянка, 2016. – С. 5
187. Юсуфи, Х. Слово о жизни: стихи / Х. Юсуфи – Пер. с тадж. – Москва: Советский писатель, 1977. – 111 с.
188. Яковлева, Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е.С. Яковлева. – Москва, 1994. – 344 с.
189. Якушин, Б. В. Гипотезы о происхождении языка / Б. В. Якушин. – Москва: Наука, 1984. – 136 с.
190. Boyd, R. Metaphor and theory change. – In: Metaphor and thought. Cambridge / R. Boyd. – Cambridge: Cambridge University Press – 1979.
191. Carbonell, J.G. Invariance Hierarchies in Metaphor Interpretation / J.G. Carbonell // in the Proc. of the Third Annual Meeting of the Cognitive Society. 1981. – 292 – 295 p.

192. Chilton, P., Lakoff, G. Foreign policy by metaphor // Language and Peace / Ed. Ch. Schäffner, A. Wenden. Aldershot: Dartmouth, 1995. - P. 37-59
193. Cruse, D.A. Lexical semantics / D.A. Cruse. — Cambridge, England: University Press. 1986.-326 p.
194. Gibbs, R.W.Jr., Wilson, N.L. Bodily action and metaphorical meaning / R.W.Jr. Gibbs, N.L. Wilson // Style. Vol. 36 (3). - 2002. - P. 524-543.
195. Goodwin G. L. 365 Daily Quotes for Inspired Living. Copyright 2013 – P. 13-29
196. Holy Bible King James Version, 1987
197. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought / A. Ortony (ed.). – Second Edition (1993). – Cambridge University Press, 1998. – P. 202–251
198. Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor /G. Lakoff. – Cambridge University Press, 1993. – 696 p.
199. Lakoff G., Johnson, M. Metaphors We Live By. – Chicago and London :The University of Chicago Press. 1980. – 242 p.
200. Mohamed, Sh. A. The metaphorical concept «Life is a journey» in the Quran: a cognitive-semantic analysis / Sh. A. Mohamed – 2006. – 132 p.
201. Thomas, N. P. The Holy Bible, New King James Version / N. P. Thomas. – Nashville, – 1982. – 1623.
202. Turner M., Fauconnier, G. Conceptual Integration and Formal Expression / M. Turner, G. Fauconnier // Metaphor and Symbolic Activity 10, 1995. – 183 – 204 p.
203. Wilson, C.E. «Persian Wit and Humour/ C.E. Wilson.- London, Chatto and Windus, 1883

II. Словари и энциклопедии:

204. Арзуманов, С.Д., Ахрори Х.А., Бегбуди М., Бегбуди и др.; под ред. М.С. Асимова. Русско-таджикский словарь: свыше 72000 слов – Москва: Рус.яз., 1985. – 1280 с.
205. Арсентьева, Е.Ф. Русско-английский фразеологический словарь / Е.Ф. Арсентьева. Казань: Хэтэр, 1999. – 318 с.
206. Арутюнова, Н.Д. Лингвистический энциклопедический словарь / Н.Д. Арутюнова, В.Н. Ярцева. – Москва: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
207. Ахманова, О.С. Англо-русский и русско-английский словарь, под ред. Е.А.М. Уилсон / О.С. Ахманова. – Москва, 1993. – 663 с.
208. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – Москва, 1966. – 608 с.
209. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова – Санкт Петербург, 1999. – 704 с.
210. Большой англо-русский словарь / Авт. Н.Н. Амосова, Ю.Д. Апресян, И.Р. Гальперин, Э.М. Медникова – Москва, 1988. – 1072 с.
211. Вожаномай фалсафӣ ва методологияи илм / мурат. Самиев Б. Ҷ., Идиев Х. У. ва диг. – Душанбе: Сабрина – К, 2015. – 150 с.
212. Гуревич, В. В., Дозорец Ж. А. Краткий русско-английский фразеологический словарь / Concise Russian-English Dictionary of Idioms./ В. В.Гуревич, Ж. А.Дозорец Москва: Русский язык, 1988. – 544с.
213. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. том1 / В.И. Даль – Москва, 2006, - 439с.
214. Джамshedов, П. Толиби Розӣ., English-Tajik Dictionary with Tajik terms indexes. Фарҳанги Англисӣ-Тоҷикӣ бо роҳнамои вожағони тоҷикӣ. Чопхонаи Пайванд. Чопи аввал 2005. – 1202 С.
215. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп./ Т.В. Жеребило – Назрань: Пилигрим, 2016. – 610 с.

216. Зигварт, Х. Философский энциклопедический словарь / Х. Зигварт. – Москва, 1997. – 578 с.
217. Краткий англо-русский философский словарь / сост. П.В. Царев. – Москва: Изд-во МГУ, 1969. – 318 с.
218. Лингвистический энциклопедический словарь. Москва, Советская энциклопедия –1990 С.296
219. Луғати русӣ-тоҷикии терминологияи философия / мурағ. Осимӣ М., Бачаев М., Диноршоев М. – Душанбе: Ирфон, 1966. – 980 с.
220. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / Абдусалом Маманазаров. – Душанбе: ЭР-раф, 2011. – 1016 С.
221. Ожегов, С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. – Москва, 1999. – 944 с.
222. Расторгуева, В.С., Эдельман Д.И. Этимологический словарь иранских языков. Том – 3. – Москва, 2000. – С. 110
223. Ромпурӣ, Муҳаммад Ғиёсиддин. Ғиёс-ул-луғот. / М.Ғ. Ромпурӣ. – Ҷ. 1. – Душанбе: Адиб, 1987. – С. 233.
224. Ромпурӣ, Муҳаммад Ғиёсиддин. Ғиёс-ул-луғот. / М.Ғ. Ромпурӣ. – Ҷ. 2. – Душанбе: Адиб, 1987. – 390 с.
225. Русская философия: Русско-английский и англо-русский словарь/сост. В. В. Ванчугов. – Москва, 2005. – 241с.
226. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — Москва: Гос. ин-т «Сов. энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935-1940. (4 т.)С. 394
227. Фарҳанги Амид // Таджикская советская энциклопедия. – Душанбе, 1987. –Т.7. – С. 318
228. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (ибораат аз 2 ҷилд). Ҷилди 1 (нашри дувум) / тартиб.: С. Назарзода, А.Сангинов, Р. Ҳошим, Ҳ.

- Рауфзода, зери таҳрири Сайфиддин Назарзода (раис), Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон – Душанбе, 2008. – 950 с.
229. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ (иборат аз ду ҷилд). Ҷилди 2 (нашри дувум) / тартиб.: С. Назарзода, А.Сангинов, Р. Ҳошим, Ҳ. Рауфзода, зери таҳрири Сайфиддин Назарзода (раис), Аҳмадҷон Сангинов, Саид Каримов, Мирзо Ҳасани Султон – Душанбе, 2008. – 1095 с.
230. Философский словарь / под ред. И. Флорова. – 4-е изд. – Москва, 1981. - 445с.
231. Философский энциклопедический словарь.–М.:Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
232. Шанский, Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – Москва: Учпедгиз, 1961. – 404 с.
233. Шукуров, М. Ш., Капранов В. А., Ҳошим Р., Маъсумӣ Н. А., Фарҳанги забони тоҷикӣ, қисми 1 – Москва: Советская Энциклопедия, 1969. — 951 с.
234. Шукуров, М. Ш., Капранов В. А., Ҳошим Р., Маъсумӣ Н. А., Фарҳанги забони тоҷикӣ, қисми 2 – Москва: Советская Энциклопедия, 1969. — 950 с.
235. Freeman, W. A Concise Dictionary of English Idioms. 3 Ed. / W. Freeman. London: Hodder and Stoughton, 1985. - 216 p.
236. Longman Dictionary of English Idioms. Bath: Pitman Press, 1980. -390 p.
237. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English (ODCIE). London: Oxford University Press, 1975, Vol. 1.
238. Oxford Dictionary of Current Idiomatic English (ODCIE). London: Oxford University Press, 1983, Vol. 2.

239. Selver, P. More English Phraseology / P. Selver. Brodie, 1965. - 290 p.
240. The Concise Oxford Dictionary. Fourth Edition. - Oxford University Press, 1951 – P.104
241. The World book encyclopedia dictionary. Volume-1 / Clarence Lewis Barnhart. Chicago: Field Enterprises Educational Corp., 1963 – 1088 p.
242. The World book encyclopedia dictionary. Volume-2 / Clarence Lewis Barnhart. Chicago: Field Enterprises Educational Corp., 1963 – 1090-2265 p.
243. Wilson, C.E. «Persian Wit and Humour/ C.E. Wilson.- London, Chatto and Windus, 1883
244. Wood, F.T. Dictionary of English Colloquial Idioms / F.T. Wood, R.I. Hill. London: Macmillan, 1978. - 330 p.

II. Электронные ресурсы

245. Аксенов В. П. Пора, мой друг, пора / В. П. Аксенов – «Эксмо», 196[электронный ресурс]
246. Аксенов Г.П. Аристотель [Электронный ресурс] /Институт исследований природы времени – режим доступа: www.chronos.msu.ru, свободный (дата обращения 22.04.2016г.)
247. Горький М. Заметка читателя / М. Горький — «Public Domain», 1927, С.10 [Электронный ресурс].
248. Родник жемчужин: Персидско-таджикская классическая поэзия[Электронный ресурс] Электронная библиотека libok.net / режим доступа: <http://www.libok.net/>, свободный (дата обращения 22.04.2016г.)
249. <http://lit.tj/poets/rudaki/aboutoldage.php> (Перевод Вильгельма Левика)
250. <http://tajmigrant.com>

251. <https://www.brainyquote.com>
252. <http://www.inpearls.ru/>
253. <https://genius.com>
254. <https://tsitaty.com>
255. <https://www.goodreads.com/> Quote by Wendell Berry
256. William Shakespeare. The Comedy of Errors Act I. SCENE I. A hall in DUKE SOLINUS'S palace. [Электронный ресурс] p. 88.